

Илья Ашмаев

Тёмный Свет

Сны о чём-то большем...

Илья Ашмаев

Тёмный свет. Сны о чём-то большем...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19041578

Аннотация

В этой книге удивительным образом переплелось несколько литературных жанров: приключения, мистика, фантастика, философия и любовный роман. Главные герои произведения переживают серьёзные духовные трансформации, преодолевая созданные ими самими преграды и становясь счастливыми и свободными людьми. Демон и ангел, бомж и алкоголик, душевнобольной и самоубийца, студент и игрок, а также семь необузданных женщин – вот эти герои, скорее следуйте за ними, и вы никогда не пожалеете о потерянном времени!

Содержание

Аннотация.	7
Об авторе.	8
От автора.	9
Глава 1. Пробуждение.	11
Глава 2. Первая страница.	12
Глава 3. Наводнение.	16
Глава 4. Появление.	20
Глава 5. Дневник.	25
Глава 6. Эпидемия.	27
Глава 7. Мама и дочка.	30
Глава 8. Больница.	36
Глава 9. В дверь постучали.	41
Глава 10. Инспектор.	45
Глава 11. Преисподняя.	55
Глава 12. Сатана.	61
Глава 13. Полина.	64
Глава 14. Дитрих.	68
Глава 15. По следу.	81
Глава 16. Прохор.	86
Глава 17. Лаврентий.	92
Глава 18. Ничего я вам не скажу.	103
Глава 19. Лёня Ветерок.	106
Глава 20. Три кнопки.	111

Глава 21. Первое свидание.	129
Глава 22. Инспектор душ.	134
Глава 23. Полина и дурдом.	141
Глава 24. Квантовая физика.	147
Глава 25. В баре.	153
Глава 26. Парк.	157
Глава 27. Карусель.	163
Глава 28. Запредел.	173
Глава 29. Аристарх.	183
Глава 30. Игрок.	193
Глава 32. В полёт.	205
Глава 33. Астероид	211
Глава 34. Иерусалим.	214
Глава 35. Встреча.	220
Глава 36. Исполнение желаний-1.	228
Глава 37. Исполнение желаний-2.	233
Глава 38. Исполнение желаний-3.	237
Глава 39. Исполнение желаний-4.	247
Глава 40. Исполнение желаний-5.	255
Глава 41. Исполнение желаний-6.	260
Глава 42. Исполнение желаний-7.	266
Глава 43. Исполнение желаний-8.	273
Глава 44. Стена.	282
Глава 45. Тьма и Свет.	288
Глава 46. Храм.	294
Глава 47. Небесный огонь.	303

Глава 48. Финал.

313

Послесловие.

317

ТЁМНЫЙ СВЕТ

Сны о чём-то большем...

Аннотация.

В этой книге удивительным образом переплелось несколько литературных жанров: приключения, мистика, фантастика, философия и любовный роман. Главные герои произведения переживают серьёзные духовные трансформации, преодолевая созданные ими самими преграды и становясь счастливыми и свободными людьми. Демон и ангел, бомж и алкоголик, душевнобольной и самоубийца, студент и игрок, а также семь необузданных женщин – вот эти герои, скорее следуйте за ними, и вы никогда не пожалеете о потерянном времени!

Об авторе.

Илья Ашмаев писал свою книгу почти 20 лет, и напиши он её раньше, она получилась бы совсем другой. В каждого героя этого романа он вложил свой собственный жизненный опыт, знания и мысли. Родившийся в глубокой Сибири автор закончил своё произведение к 44 годам, но по-прежнему чувствует себя молодым, полным энергии и оптимизма, чего желает всем своим дорогим читателям!

От автора.

*Любовь и ненависть, отчаяние и вера,
Добро и зло, духовность и порок -
Всё в людях спрятано, но неизвестна мера,
Неведом путь и не отпущен срок.*

О чём я написал в этой книге для вас, дорогие читатели? Каждый возьмёт из неё что-то своё, то, в чём больше всего нуждается на сегодняшний момент. Кого-то привлечёт линия любви, таинственным образом объединившая пути демона и ангела; кому-то станет близкой удивительная судьба других героев, смело решившихся на отчаянные поступки; кого-то затянет водоворот мудрых или безумных открытий; кому-то понравится сам сюжет, его хитросплетения, завязка и развязка... Предугадать мне ваш выбор невозможно так же, как и вам нельзя предвидеть все те загадочные события, которые разворачиваются в этом романе.

О чём я написал в этой книге для себя? О том, о чём мне ещё только предстоит узнать. Каждый из нас сталкивается в этом мире только с одной загадкой, которую решает всю свою сознательную жизнь. Я готов помочь и вам, и себе в открытии этой главной тайны – тайны самого себя. Роман «Тёмный свет. Сны о чём-то большем...» поможет всем бли-

же познать то существо, которое скрывается в каждом из нас. Оно любит и ненавидит, оно доброе и злое, оно отчаялось, но верит.

Глава 1. Пробуждение.

Я открыл глаза и пролежал так несколько минут в глубокой прострации. В тот момент мне казалось, что спать я больше не буду никогда в жизни. Все события, развернувшиеся передо мной за последние несколько ночей, плотным кольцом окружили голову и не давали проснуться окончательно.

Через час пассивного созерцания свисающего с потолка лоскута штукатурки я наконец смог окончательно вернуться в эту реальность. Не спеша заварил кофе, постоял с горячей кружкой у запотевающего окна и наконец сел за свой стол. Передо мной лежал Дневник. В этом Дневнике было всё, с самого начала, и не хватало только одной последней записи. Но прежде, чем её сделать, я открыл первую страницу и уже не смог остановиться.

Глава 2. Первая страница.

За окном лил безжалостный в своей неотвратимости осенний дождь. Я не люблю этот мокрый, шумный и неприятный вид осадков. Я больше люблю снег, он ассоциируется у меня с праздником, солнцем и весельем. А дождь – это хмурое и тучное небо, скомканные прохожие, шмыгающие разбухшие ботинки, грязная прихожая и... одиночество. Я никогда не чувствую себя одиноким, ибо умному и начитанному человеку наедине с собой скучно не бывает, но только не в тот мучительный момент, когда идёт осенний дождь. Тогда этот “умный человек” почему-то становится страшным занудой, я перестаю с ним разговаривать, он кутается в свой страшный огромный свитер и достаёт бутылку красного вина из серванта. Он пьёт и смотрит в это ужасное окно в своей комнате... Краска на раме облезла, стёкла и замазка потрескались, законопаченные щели оклеены рваными полосками ткани, а по ту сторону окна идёт противная изморось. Но ничего не поделаешь – эта рама как магнит во время ненастья притягивает к себе одинокую душу и не отпускает до последнего вздоха. Когда вздохи заканчиваются, одинокая душа, залитая сухим вином, обычно закрывает глаза и уносится на карусели в далёкие дали.

Так произошло и вчера. Я постоял на кухне в напрас-

ном ожидании услышать хоть одно внятное слово от своего внутреннего собеседника и, не дождавшись, взял из старого серванта вино, бокал и направился в свою комнату. Диван, на котором я сплю, стоит у самого окна и на нём удобно сидеть, облокотившись о подоконник и стену, наблюдая сквозь размытое отражение в стекле беспомощных прохожих. Они причудливо стараются перепрыгивать бесконечные лужи, промахиваются и с плеском окунают свои ноги в грязную жижу. Весело...

Сидя с бокалом, который мой внутренний собеседник время от времени злорадно пополнял, я постепенно стал терять контроль над реальностью и начал кивать подбородком. Несколько раз я перебарывал подступающий сон, но в конце концов отступил, поставил бокал рядом с бутылкой на обшарпанный подоконник и слегка прислонил голову к стене. Тёплая батарея, красное вино и однообразный шум ливня располагали к уютному и беззаботному отчаливанию в сладкое беспмятство, и тогда я ещё не предполагал, что утром буду лежать с широко открытыми глазами и в недоумении пытаться осознаться в старом мире.

Я никогда не думал, что подобное может произойти со мной. Я читал о таких вещах и даже верил, что это в принципе возможно, что это не ложь и не выдумки. Но здесь, как и в телевизионном розыгрыше лотереи – ты видишь прыгающего от счастья везунчика и понимаешь, что тебе так никогда не повезёт. Не для тебя все эти праздники жизни, ты просто

обыкновенная серая мышь, с которой не может произойти ничего удивительного. И вся эта индейская или буддистская магия с её астралами и осознанными сновидениями – всё это где-то в другой реальности, о которой ты можешь узнать у телевизора или прочитать в книге, но никогда не сможешь непосредственно сам в ней оказаться...

Закрыв глаза, я сквозь шум крови в барабанных перепонках продолжал слышать бьющиеся об оцинковку отлива капли дождя. Казалось, сон уже пришёл, но как-то не до конца... Я наблюдал возникающие передо мной размытые образы и пейзажи, это были какие-то вспышки таинственной реальности, другого сознания, проникающие сквозь ослабленную защиту в мой мир, но быстро угасающие и сменяющиеся новыми появлениями. Какие-то горы, затем равнины, деревья, потом дома, лица... Всё это было как на фотографиях, надолго опущенных в проявитель, когда из пустоты возникает изображение, а потом заволакивается туманом и исчезает в темноте. Только происходило это гораздо быстрее, ни один кадр не задерживался больше секунды. Я стал пытаться остановить эту беспорядочную смену фрагментов неведанного мира перед свои взором и вскоре меня постигла удача. Тогда я понял, что это никакие не фотографии. Изображения двигались! Деревья шелестели листвой под порывами ветра, люди ходили, поворачивались и разговаривали. Слышались обрывки фраз, но я никак не мог понять их, как будто слоги были переставлены местами... Через мгновение

раздался раскат грома, ливень за окном обрушился сплошным потоком и мои глаза открылись. Я висел высоко в воздухе над покосившимися деревянными домами, за которыми виднелся густой тёмный лес, справа возвышался высокий холм с церковными куполами, а в небе сверкали молнии и освещали то, как...

Глава 3. Наводнение.

...вода поднималась из берегов реки и ещё некоторое время обходила дома и переулки, с ухмылкой оглядываясь на предстоящую поживу. Затем постепенно, с толком и расстановкой, словно смакуя, стала затапливать деревенские дворы. Связь с внешним миром была практически потеряна, поскольку просевшие в размытой почве телеграфные столбы покосились и оборвали провода. Когда вода, подняв на свою поверхность всевозможную утварь, мусор, палки, помои и другие продукты человеческой жизнедеятельности стала сочиться под двери и проникать в дома, пришлось подняться с печи даже самым ленивым и безучастным жителям деревни.

Печальной вереницей потянулись вверх по склону холма груженные нехитрым скарбом телеги, и промокшие насквозь люди то сидели на них понуро, поправляя нависший груз, то брели рядом, держа под уздцы трясущих тяжёлыми гривами лошадей. Только шумливые собаки весело рассекали своими гордыми телами бесконечные потоки воды и лай их придавал этой мрачной картине хоть какие-то признаки не загробной жизни. Они бегали взад и вперёд вдоль тоскливой процессии, надёжно осуществляя свою благородную миссию – мешали сердитым беженцам выталкивать застрявшие повозки из грязного месива.

На вершине холма стояли стены старого монастырского подворья, местами порушенные временем, местами имевшие следы скудного ремонта. От помещений остались зияющие оконными пустотами, дверными проёмами и провалившимися кровлями жалкие останки. Храм на территории монастыря имел куда более презентабельный вид, поскольку поддерживался местными жителями и проезжими меценатами. Батюшка был человеком мастеровым, многие работы выполнял сам, но и от посильной помощи не отказывался. При этом он сам же изготавливал нехитрые церковные атрибуты и торговал ими в ближайшем городе на рынке.

Сквозь шум ниспадающей пелены дождя и отзвуки барабанной дробы по дырявым жестяным крышам подворья слышны были крики суетливых крестьян, натужное мычание коров и кудахтанье возмущённых кур. Основное количество нажитого добра свалили под покровом обветшалых строений, сами же люди собрались в храме, где было сухо и тепло. Расположились кто на скамейках, кто прямо на полу, в тесноте, да не в обиде. Тихие пересуды не отличались большим разнообразием и носили чаще вынужденный характер – больше отвлечь себя было нечем. Слышны были редкие молитвы и жалостливые причитания. На бегавших время от времени детишек тут же цыкали, хватали их и стыдили – церковь же! Деревня была небольшая и все вокруг друг друга знали.

К вечеру собрались последние беженцы. Скромно и с поз-

воления батюшки перекусив, устроились поудобнее, кто как мог, и отошли ко сну.

В час ночи раздался невообразимый грохот, будто разверзлись небеса и ниспослали на землю проклятие за всю историю человеческих грехов. Сильный удар сотряс всю округу и непонятно было, сошёл ли он с небес или раздался из-под земли. Огромный столб пламени озарил церковный холм, в храме стало светло, как днём, полетели стёкла и витражи, посыпалась штукатурка, что-то зазвенело и рухнуло. Вскочившие в ужасе люди не знали, куда деваться, натыкались друг на друга, падали, поднимались, и снова падали. Дощатый пол ходил ходуном и дрожал под ногами. В церковь ударил разряд молнии, стены ее содрогнулись, но выдержали, внутрь ворвался шквал ветра, превратился в маленький смерч посреди зала, но через несколько мгновений затих и исчез. Вместе с ним стихло и вокруг.

Люди зажгли свечи, осветившие дрожащим пламенем перепуганные лица. После недолгих переговоров о том, что же это могло быть, они успокоились, видимо сказалась сильная усталость, и снова улеглись. Заснули быстро.

Разбудил жителей деревни громогласный петушиный хор и яркие солнечные лучи, проникшие через разбитые окна ночного убежища. Постепенно люди пришли к осознанию того, что прекратился этот опостылевший за долгие дни и ночи непрерывный гул в ушах. Ливень, этот нескончаемый небесный потоп, наконец-то закончился! Вскоре наполнен-

ные радостью лица показались в раскрытых настежь дверях храма и высыпали во двор. Весело жмурясь на солнце и обнимаясь, люди стали осматриваться по сторонам и тут их взору предстала новая неожиданная картина. Возле покосившихся ворот монастырского подворья образовалась расщелина, огромный котлован, поглотивший в себя старый сарай с запертыми там накануне козами и коровами. Дна этому провалу видно не было, и звуков из него не доносилось никаких... Весь домашний скот канул в зияющую пустоту бесследно, словно послужил символическим жертвоприношением за наступивший покой. В недоумении стояли люди перед обрывом, но разводить руками было бестолковым занятием, и, повздыхав, они обратили свой взор вниз, на деревню. От наводнения не осталось и следа, вся вода ушла в неизвестном направлении, оставив после себя только грязь и беспорядок. Увидев это, жители деревни несказанно обрадовались, забыли про ночное происшествие и начали собираться домой. Делами и заботами многодневное ненастье их обеспечило надолго, и тужить-горевать было просто некогда.

Глава 4. Появление.

Это была боль. Настоящая человеческая боль... Тысячи игл одновременно вонзались в его костные и мышечные ткани, причиняя невероятное страдание физическому телу. Нервная дрожь начала передаваться от сустава к суставу, в какой-то миг сердце даже сжалось в судороге и, казалось, больше не разожмётся. В висках запульсировали вздутые прожилки кровеносных сосудов, готовые взорваться всплеском алых брызг. Из лёгких через сжатую гортань еле вырвался хриплый надрывный крик: “Ха-а-а-а!” – и сердце снова забило. Жадно заглотнув воздух, человек расправил плечи и медленно, шатаясь, поднялся с колен. Посмотрев наверх, он увидел лишь маленький разорванный кусок закатного неба, вокруг же него была лишь тьма. Человек осознал, где находится, и, склонив мокрую голову, бесшумно засмеялся. Чрево... Этот котлован напомнил ему о чреве матери, из которого появляется на свет ребёнок. Через секунду он уже смеялся громко, открыто, высоко задрал голову и глядя вверх расщелины. Закончив веселье, человек, абсолютно голый, выпачканный землёй, подобрался к краю ямы и, перебирая руками и ногами, скатываясь, стал забираться наверх.

Когда все беженцы покинули монастырское подворье, батюшка, вздыхая, принялся восстанавливать последствия

ночного погрома в храме. Вытащил битые стёкла, кое-где вставил новые, поправил рамы, прибрал попадавшие на пол осколки штукатурки и кирпичей. К тому времени начало и темнеть. Решив перед отходом ко сну поправить алтарь, священник взял в подсобке молоток и коробку с гвоздями. Длинные седые волосы он скрепил сзади резинкой, чтобы не мешали, закатал рукава старой фланелевой рубашки, раскрашенной красными и синими цветами, и принялся за дело. Когда он опустился на пол в поисках оброненного гвоздя, то неожиданно услышал скрип в стороне главного входа в церковь. Попытавшись разогнуться и встать, батюшка с гримасой боли схватился за поясницу – старый радикулит он хреном так и не вылечил, а аптечные лекарства не признавал. Скорчившись на полу, он слушал, как прогибаются половицы под чьими-то тяжёлыми шагами – кто-то направлялся через неф к хору.

– Кто здесь? – хрипло задал батюшка вопрос в пустоту, но пустота не ответила.

Шаги не прекратились. Обогнув алтарь, они направились в глубину восточной части храма, и пока священник молча страдал от своего бессилия что-либо предпринять, стихли. Тяжко вздохнув, старик предпринял очередную героическую попытку, и она закончилась успехом. Разогнувшись, батюшка подождал, оперевшись на алтарь, пока разойдутся тёмные круги перед глазами, и посмотрел по сторонам. Никого не было. Тогда он медленно повернулся назад, чтобы

спуститься в зал, и тут же застыл, как вкопанный.

Страх. Этот страх священник помнил с детства. Тогда в острой лихорадке, вызванной инфекционным заболеванием, он просыпался после ночного бреда, а перед его открытыми глазами всё ещё стояла тёмная бездна. И вот, спустя многие годы, он опять смотрел в эту бездну. Она останавливала течение реальности и заполняла её лишь одним осознанием – осознанием смерти. Вдаль в бесконечность уносились пустые житейские хлопоты и человек оставался один на один с Истиной, пугающей своей безысходностью и неотвратимостью. Один на один со Смертью. Только в этот момент он понимал всю ничтожность своего бренного существования в сравнении с Вечностью и Пустотой.

Холод проник через ноги священника, пробежал по всему его телу, сковал руки и шею. Старик неотрывно смотрел в пустые глаза незнакомца, так и застыв на полуобороте.

– Ты знаешь, кто я? – спросил высокий худощавый человек перед ним, на голое тело которого была накинута чёрная ряса.

Батюшка знал. Но поскольку он всё ещё не мог пошевелиться, слегка кивнул головой и моргнул глазами вместо утвердительного ответа.

– Тогда тебе суждено умереть. Мне не нужны свидетели.

– Что... что ты делаешь здесь? – наконец смог произнести церковник, вздохнув. – Зачем ты пришёл к нам, демон? Чем заслужили мы это?

– Не думай, что я рад своему появлению, – ответил незнакомец, не меняя строгой и спокойной интонации, – но мне не о чем больше с тобой разговаривать. Ступай к своему Богу.

С этими словами непрощеный гость положил правую руку на плечо священника. Батюшка сумел судорожно сунуть руку в карман штанов и достать оттуда маленькое распятие на серебряной цепочке, но тут же дрожащие пальцы выронили его на пол. Демон не обратил на это никакого внимания, на ладони его блеснул золотом большой перстень с головой орла, лёгкий электрический разряд пробежал через всё тело батюшки и ушёл в землю. Старик обмяк, не вымолвив ни слова, и рухнул на пол. Больше он не пошевелился, успев мысленно проститься с этим миром и попросить у Создателя прощения.

Незнакомец взял керосиновую лампу возле алтаря, плеснул из неё на пол и поджёг место преступления. Ярко вспыхнув, пламя быстро захватило в свои объятия всю церковь. Посетитель, взяв найденную ранее мирскую одежду, вышел наружу и встал поодаль, чтобы понаблюдать красивое в своей трагичности и ночном небе зрелище.

Жители деревни с недоумением смотрели на полыхающий на вершине холма храм, ещё недавно послуживший им пристанищем от безжалостной стихии. Не видели они лишь тёмную фигуру человека, мрачно озаряемую языками пламени, поскольку тот был от них далеко. Церковь ещё догорала в предрассветный час, когда таинственный незнакомец

начал свой путь по склону холма вниз в деревню, к тем людям, с которых ему предстояло начать своё длительное путешествие, вызывающее у него злость, неприятие и желание скорейшего завершения.

Глава 5. Дневник.

Это были первые эпизоды книги, которую я перечитывал, не в силах оторвать свой взгляд от Дневника. Всё, что я описывал в своём произведении, я наблюдал как зритель кинотеатра, то изучая происходящее со стороны, то внезапно оказываясь в гуще событий среди людей. На короткие мгновения я даже становился одним из них, поселяясь внутри и переживая его эмоции, в мгновение ока узнавая его прошлое и постигая его восприятие, но при этом не мог никак влиять на окружающие события. Как только я пытался осознать себя в новом теле, я тут же уносился вверх и продолжал наблюдать за событиями “из зрительного зала”.

И вроде это был сон, яркий и захватывающий, продолжающийся день за днём с того места, где закончился накануне, но в то же время я осознавал, что сплю, и могу проснуться в любой момент, если захочу. В первое же утро после пробуждения я в спешке схватил лист бумаги и записал свой сон обрывками, боясь потерять драгоценные воспоминания. Но спустя несколько часов я понял, что сон от меня никуда не уходит и я помню каждую его деталь. После того, как сон получил своё продолжение на следующий день, я по пути с работы зашёл в магазин и купил большую толстую тетрадь. Я написал на обложке “Дневник” и уже не спеша, оценивая

каждую строчку, стал переводить всё, что увидел и ощутил в своём ночном путешествии, на бумагу. Получалось что-то вроде литературного произведения, но при этом я не имел никакого его плана, фабулы, развития. Я не представлял себе, что произойдёт в следующей главе, как повернётся сюжет, в какое место перенесёт меня во сне и в какой миг я неожиданно открою глаза и увижу пыльный белый потолок в своей комнате. Но я твёрдо был уверен в том, что кто-то намеренно знакомит меня таким способом с невероятными событиями по ту сторону реальности, и вот он то знает всё наперёд и имеет чёткий план на каждую ночь. Мне, как автору, остаётся лишь плыть по волнам созерцания и описывать произошедшее в том мире с помощью чернил и бумаги в этом Дневнике.

Глава 6. Эпидемия.

Вот уже три месяца прошло с того момента, как город накрыл странный утренний туман, принёсший с собой тяжкую и неизвестную до сих пор инфекцию. Люди покрывались язвами, затем густая растительность поглощала тела заражённых, они теряли самообладание и превращались в полоумных зверей. Это не было каким-то зомби-апокалипсисом, поскольку больные не разрывали людей на части и не пили человеческую кровь. Но нападения происходили, поскольку психика у заболевших была нарушена и они не всегда отдавали отчёт своим действиям. Медленно, час за часом, день за днём они превращались в диких животных. Вслед за этим город настигли и другие заболевания, его окружили плотным военным заслоном и пропускали внутрь только автомобили с медицинским персоналом. На территории было организовано несколько палаточных лагерей для обследования и лечения, поскольку больницы с потоком заражённых уже не справлялись. Также был оборудован отдельный лагерь на территории городской тюрьмы – там содержали уже мутировавших полу-людей. Однако большинство из них свободно перемещалось по городу в вечернее и ночное время, и выловить их всех было просто невозможно, поскольку днём они прятались в забаррикадированных домах и квартирах. Же-

лающих наняться в город патрульными волонтерами не было, военный контингент тоже был ограничен, да в химзащите особо за “зомби” и не побегаешь. Поэтому все ждали мифическую вакцину, которую якобы изобретали в научных лабораториях, а по сути просто ждали, когда инфекция остановится сама. Пусть даже при этом придётся пожертвовать целым городом – ведь речь шла о государственной безопасности...

На восточной стороне улицы темноту ночи нарушал танцующий свет керосиновой лампы на третьем этаже обветшалого здания. Так и тянуло заглянуть туда поближе... чтобы увидеть склоненную женскую голову над уютной детской кроваткой. Под стеганным жёлтым одеялом лежала белокурая пятилетняя девочка, спящим дыханием из едва приоткрытых губ согревавшая унесенную в сонное беспамятство маму.

Мама девочки держалась из последних сил, но старалась не подавать виду. Каждое ее утро начиналось в последнее время одинаково – она чутко просыпалась от потягивания очнувшегося от детских сновидений ребенка, целовала его в розовый лобик и одаривала доброй улыбкой.

– Сегодня будет замечательный день!

– Все снова будут здоровы?!

– Да! Сегодня – точно!

– Но ты так всегда говоришь... а они все равно болеют...

– Сегодня – точно.

Девочку звали Полиной, и она верила своей маме. Каждое утро.

Мама готовила ребенку быстрый завтрак – кукурузные хлопья с оставшимся с вечера холодным молоком, и начала собираться на улицу. Она снимала легкое полупальто, длинную шерстяную юбку, надевала тёплые ватные штаны, вязанный свитер, телогрейку, обвязывала голову шалью, совала изможденные ноги с толстыми носками в кирзовые сапоги и натягивала на худые руки зимние варежки. Была ещё ранняя осень, но на улице стоял неприятный и прохладный сырой туман, который проникал в неотопливаемые дома и заставлял население города даже в квартирах одеваться теплее. Облачившись во все свои рыцарские доспехи, мама вставала по стойке смирно и с широкой улыбкой отдавала воинское приветствие своей дочке, всё это время с иронией наблюдавшей за ежедневным семейным ритуалом.

– Ты вернешься, мама?!

– Обязательно, дочка!

И Полина давала разрешение маме глубоким кивком головы. Девушка брала в углу комнаты у входной двери пожарный багор с длинной красной ручкой и открывала железный запор. Её дочь вскакивала с кровати, и после ухода матери тут же аккуратно вставала на табуретку и с трудом двумя руками вставляла запор на место. Наступал новый день.

Глава 7. Мама и дочка.

Мама не говорила Полине главное – она сама была больна. Боли становились всё сильнее и нестерпимее, кожу разъедали язвы, всё чаще мутнело в голове. Девушка часто стояла вечером у окна и наблюдала внизу шатающиеся в беспмятстве тени. Её охватывал ужас от мысли, что она сама скоро превратится в животное, но самым страшным было не это... Полина! Что станет с её дочерью, когда наступит этот переломный момент – её мама перестанет осознавать окружающее? Как только первые язвы стали покрывать женское тело, девушка стала напряжённо думать, кому передать ребёнка. Она сделала несколько попыток.

Имея медицинское образование, девушка ещё до эпидемии долгое время подрабатывала, ухаживая за пожилой семьёй в соседнем квартале, сравнительно недалеко от дома. Делала уколы, измеряла давление, покупала лекарства, даже ходила в магазин за продуктами и готовила еду. Семья была очень доброй и с ней установились тёплые, даже дружеские отношения. Девушка приводила к ним свою дочь и они общались с ней как со своей внучкой, одаряя светлыми улыбками и заботой. В какой-то момент мама Полины вспомнила об этой семье и у неё сложился определённый план. Она взяла дочку и пришла к ним в дом, собрав все моральные и пси-

хические силы, держала себя бодро, разговаривала громко и постоянно улыбалась. Её якобы направляли в загородный лагерь, где срочно требовались в смену медицинские работники, но брать с собой Полину было нельзя – она могла заразиться, да и вид переполненных больничных палаток мог сказаться удручающе на её впечатлительном детском сознании. Требовалось переждать пару недель, девушку бы сменила другая медсестра, и тогда она забрала бы дочку к себе. Старики долго и безмолвно стояли в дверях, глядя то на девочку, то друг на друга, и их молчание тогда впервые заскреблось кошками на душе у мамы. Но пожилая семья согласилась и отступить уже было некуда. Передав супругам вещи и деньги, девушка поцеловала дочку и, не оборачиваясь, спешной походкой покинула двор их дома. Она шла в пустоту, не соображая дороги, и очнулась только где-то на краю города возле железнодорожных путей. Поезда ходили редко, и мама Полины в беспомощности села на рельсы, опустив голову на колени. Она долго плакала, вспоминая свою “бестолковую” юность, когда ежедневные попойки мужа заставили её выгнать того из дома и подать на развод. Вспоминала она и ухаживавшего за ней потом одноклассника, приносившего Полине конфеты и уговаривавшего её маму бросить этот злополучный город и уехать с ним в областной центр. Отказала. Гордая была – ведь когда то она любила его в школьные годы, но он не обращал на девушку никакого внимания, гулял с другими, чем поселил в молодой душе всходы ненави-

сти. Теперь она была согласна на всё, но было уже недостижимо поздно...

Слёзы матери прервал паровозный гудок. Невесть откуда взявшийся локомотив с несколькими вагонами угля стремительно приближался к сидящей на рельсах девушке. Она закрыла глаза. У неё не было никакого желания вставать с этих рельсов. Сжавшись в комок, мама опрокинулась на шпалы, а закрытую руками голову прислонила к холодному металлу. Она отбросила всякие мысли, но образ Полины настойчиво всплыл перед ней с большими, широко раскрытыми от удивления глазами. Когда девушка невольно всмотрелась в эти глаза, её пронзил холодный ужас. В них отражался бешеный оскал больной старухи и блестел кровавый нож в руке добродушного когда-то и безобидного старика. Пулей сорвавшись с рельс, мама бросилась назад, к дому, где только что оставила свою дочь.

Входная дверь была открыта настежь. Ворвавшись в квартиру, девушка застыла в шоке. На полу посреди коридора лежала в собственной крови, раскинув в стороны поросшие шерстью руки и ноги, пожилая хозяйка квартиры, а за ней, беспомощно облокотившись на стену, сидел её старик. В правой руке он всё ещё держал почти выпавший нож со следами крови, его дрожащая от шока голова смотрела прямо на девушку, а губы еле слышно шептали: “Уходите отсюда...”

– Полина! – надрывно выкрикнула мама, дочка выскочила из тумбочки возле двери и бросилась к её ногам. Схва-

тив девочку, мать опрометью выскочила на улицу и дала себе слово больше никогда не оставлять ребёнка, чтобы с ней самой не произошло.

Однако, вскоре девушка нарушила своё слово. Когда руки стали покрываться первыми островками шерстяного покрова, она предприняла ещё одну попытку.

Отделение милиции в тот день было переполнено. Впрочем, такую картину можно было наблюдать почти каждый день – с тех пор, как город настигла трагедия, люди не только включились в борьбу за выживание, но и старались воспользоваться сложившейся ситуацией себе в угоду. Мародёры и грабители переполняли камеры предварительного заключения и СИЗО, для них были выделены отдельные кабинеты с решётками и даже подсобные помещения. По коридорам отделения сновали взад и вперёд сотрудники и потерпевшие, привнося суету и нервозность. У начальника голова шла кругом, везде нужно было успеть и во всё вникнуть, при этом работал он без выходных и практически круглосуточно. Порою сообщения об удачных попытках самоубийства в различных частях города вызывали в нём скрытое чувство зависти: “Отмучились...” . Его заместитель, молодой лейтенант, видел всю тяжесть свалившегося на шефа груза и принимал самое активное участие в разрешении возникающих конфликтов и проблем. Знал он и о тяжёлом семейном положении майора, от которого жена ушла на днях вместе с ребёнком, не выдержав отсутствие дома мужа целыми сутками.

Каждый день в отделении был похож на предыдущий, и порою начальник с подчинённым долго и в растерянности смотрели друг на друга, силясь вспомнить текущий день недели. Так и в то хмурое утро майор справился у своего заместителя о сегодняшней дате, сорвал два листка отрывного календаря со стены, и набросал план работы на день. План этот всё равно не соблюдался, так как ежедневно возникало много оперативной работы, приходилось самому выезжать на места преступлений, но изменить себе начальник отделения не мог.

Выйдя по делам в коридор, он боковым зрением ощутил среди рыскающих посетителей одиноко стоящую у окна фигуру девушки. Бросив взгляд на неё через плечо, он увидел ребёнка на руках, девочку, но тут его отвлек вопросом сотрудник милиции. Зайдя по пути к своему заместителю, майор рассказал ему о маме с дочкой, и попросил отвести их к нему в кабинет, “чтоб не затоптали”. Лейтенант проявил участие и выполнил просьбу майора. Уже в кабинете он спросил молодую маму: “Вы по какому вопросу, девушка?”, на что та скороговоркой выпалила, что пусть он идёт, а она подождёт начальника, и заместитель пошёл по своим делам. Начальник действительно заглянул в кабинет через пять минут, но обнаружил в нём лишь одинокую маленькую девочку в розовом комбинезоне. Удивлённо окинув глазами коридор, он крикнул лейтенанта, тот подошёл и тоже в недоумении уставился на ребёнка. “А где твоя мама?” – спросил

заместитель, на что та довольно внятно и громко ответила: “Она ушла, и просила вас позаботиться обо мне!”

Майор пулей вылетел на улицу. Ни слева, ни справа женскую фигуру он не увидел, и потому бросился к первому попавшемуся прохожему:

– Девушку молодую не видели? Из отделения вышла только что!

– Нет, не видел. Ой, постойте, – окликнул он рванувшегося в сторону начальника отделения. – Вспомнил, издали видел, когда подходил сюда, вон за тот угол сворачивала! У неё ещё шаль на голове была.

“Она!” – сказал про себя майор и бросился вдогонку. Повернув за угол, он увидел спешащую к набережной реки ту самую женщину. Мгновенно раскрыв её план, милиционер, стараясь ступать по земле, чтоб не было слышно топота солдатских сапог по асфальту, побежал к девушке. Он успел схватить за плечи и повалить на землю слабое тело в самый последний момент, когда оно уже нависало над водой.

– Дура! – в сердцах закричал он, – какая же ты дура! – нервы майора не выдержали многодневной стрессовой нагрузки, и он заплакал. Плакала и мама Полины.

Глава 8. Больница.

Открыв глаза, девушка вздрогнула. Прямо ей в лицо смотрела морщинистая беззубая старуха с горбатым носом, а её седые распущенные волосы касались головы молодой мамы. В первое мгновение женщина даже приняла старуху за самую костлявую Смерть, но остальные чувства вскоре вернулись к ней – она ощутила наполненный ароматами медикаментов запах больницы, увидела пыльные белые стены и осыпающийся потолок палаты. Всё это было ей знакомо. Старуха молча удалилась и девушка приподнялась на подушке. Она лежала на одной из сотни железных коек, выставленных посреди большого зала, среди которых сновали взад-вперёд пациенты и санитары. Палата сразу напомнила ей отделение милиции, где она оставила свою дочку – та же суета, каждый второй на что-то жаловался, а кого-то вели под руки мускулистые санитары. Двое таких санитаров в запятнанных халатах стояли у дверного проёма и пристально смотрели на маму Полины. Затем они отвернулись и стали говорить между собой вполголоса, но у девушки был замечательный слух.

– Как с ней поступят? В психическую?

– Да нет, она же с язвами. Отправят в лагерь, а ребёнка в интернат. По-другому никак.

Женщина тут же вспомнила о дочке. Эта мысль просто

подкинула её на койке, и перед ней появилась средних лет врач в больших роговых очках и накинутой на белый халат серой кофте.

– Всё в порядке, милочка, не беспокойтесь! Вы потеряли сознание после стресса и вас доставили по назначению, к нам, в больницу. Ваша дочь рядом, в детской палате. Я врач-психиатр, буду вас наблюдать. А сейчас я вам сделаю укол от инфекции...

Медработница достала шприц, но маму Полины, проработавшую несколько лет больнице, трудно было обмануть – никогда психиатр не будет делать уколы от инфекционных болезней. Санитары у стены, как охотничьи собаки, встали в стойку, врач сделала свой укол, и когда девушка в бессилии откинулась на подушку, повернулась к ним и посетовала:

– Десять ампул осталось... Что дальше будет, я не знаю. Хоть самой тут ложись. А они всё прибывают и прибывают...

Психиатр со вздохом покинула койку девушки и направилась дальше в обход. Больная оставалась лежать неподвижно и в беспамятстве, когда высокий темноволосый мужчина с проседью на висках и в медицинском халате наклонился над её головой и долго, пристально всматривался куда-то между глаз. Вскоре он отошёл от неё, побродил среди остальных коек, как будто размышляя о чём-то, а затем направился в другие палаты. Никто из персонала не обращался к нему и ни разу не посмотрел в его сторону.

В эти дни разделение клиники на отделения было весь-

ма условным. В переполненной больнице вместе лежали инфекционники всех мастей, ожоговые, с переломами и даже психические – те, кто поспокойнее. Заполнены были и коридоры. Медперсонала не хватало катастрофически, бесконечно переселяться больные отказывались, и потому на освободившуюся койку клали первого прибывшего. Всем уже было наплевать – и пациентам, и санитарам, и врачам. Язвами и волосатостью трудно было кого удивить, и только когда больной начинал себя вести вконец неадекватно, его направляли в тюремный лагерь. Ну, кто-то ещё успевал и умирать – так освобождались драгоценные койко-места.

Мама Полины проснулась среди ночи в обильном поту – её лихорадило и мучила жажда. Однако всплывшая в голове фраза врача: “Ваша дочка рядом, в детской палате...” – почти вернула её к жизни. Оглянувшись в полумраке ночных светильников, она осторожно слезла с кровати и, пригибаясь, стала пробираться среди коек ко второй двери, у которой не было санитары – она наверняка вела в другую палату. Шума от неё всё-равно не было бы слышно из-за периодически раздававшихся с разных сторон стонов, вздохов и тяжёлых переворачиваний, но девушка старалась соблюдать тишину. Дежурная медсестра в забытьи склонилась над столом у выхода в коридор, и мама смогла незаметно проникнуть в соседнее помещение. Оно действительно оказалось детской палатой – небольшой и сравнительно уютной. Здесь стояла совсем другая атмосфера, царил свой мирок – маленькие

нежные тела под цветными одеялами в миниатюрных кроватках сопели тихо и мирно, не тревожа друг друга, а мягкий лунный свет из окна создавал почти идиллическую картину. Прислушавшись к своему материнскому инстинкту, девушка направилась в дальний тёмный угол комнаты, мимо спящей прямо на полу медсестры, и почти достигла цели, когда неожиданно за её спиной раздался шум, и она резко присела. “Мама!” – сквозь сон захныкала Полина, и у той сжалось в комок сердце. Она чуть не бросилась к своему ребёнку, но вовремя сдержалась. Над её головой нависла чья-то тень, девушка посмотрела через плечо наверх и...

Увидела уже знакомое морщинистое лицо старухи, которая несколько часов назад пробудила её к жизни, но напомнила о Смерти. На этот раз появились скрученные руки пожилой женщины, она шарила ими впереди себя по воздуху в поисках опоры.

– Опять вы, бабушка, не спите! – раздался громкий шёпот за её спиной, – ну зачем ходить по палатам, сядьте, посидите!

Очнувшаяся медсестра поднялась с пола, взяла старуху за плечи и повернула к себе.

– Я есть хочу, дочка! – тихо и жалобно простонала бабушка.

– Идите к себе, я сейчас чаю принесу, – медсестра всхлипнула и повела ночную странницу обратно в палату.

Когда обе они исчезли в проёме двери, мама разбудила Полину, приложив палец к губам, взяла её на руки и на цы-

почках быстро пошла к выходу в коридор. Старушка с медсестрой скрылись в глубине большого зала, санитарка у большой входной двери по-прежнему спала за своим столом, и наши герои, пройдя по длинному больничному пеналу между расставленных коек, быстро оказались возле лестничной площадки. Девушка по пути взяла какие-то вещи с вешалок между кроватями, одела пальто на себя и обернула девочку, возле выхода залезла в чьи-то резиновые сапоги и стремглав, не держась за перила, бросилась вниз по лестнице. Боковым зрением она заметила, что какая-то тень с верхнего марша скользнула за ней, но потом девушка смотрела только вперёд. Выбежав через запасной ход на улицу, она услышала суматоху в покинутом здании, зажёгся свет, раздался топот на лестнице и забегали на втором этаже люди. Девушка бросилась через пустынную улицу, перебежала дорогу и быстро скрылась в подворотне. Миновав двор, она краем глаза опять почувствовала чью-то тень за спиной, обернулась, но погони не было. Не удивительно – кому это сейчас было надо? Разве что хозяевам похищенных второпях одежды и сапог, но они им наверняка уже не пригодятся. Безжалостная инфекция пожирала всё на своём пути и не было от неё никакого спасения. Мама и Полина спокойно направились домой.

Так все попытки девушки расстаться со своей дочкой ни к чему не привели, и она дала себе последнее обещание больше не заниматься такими глупостями.

Глава 9. В дверь постучали.

Спустившись с багром на улицу, женщина осмотрелась. Другого инструмента у неё не было и, не смотря на то, что передвигающаяся по городу живая скульптурная композиция “Девушка с багром” выглядела слишком приметно, она двинулась к своей цели. Пройдя несколько кварталов, мама Полины свернула в проходной двор, затем спустилась в овраг, пересекла железнодорожные пути и скрылась в кустах. За кустами был забор из металлической сетки, который ограждал заднюю стену продовольственного склада. Привычно откопав нижний край оторванной сетки, девушка задрала её повыше, сунула в дыру багор и отвела им в сторону одну из подгнивших снизу досок. Затем она просунула багор дальше и попыталась им что-нибудь зацепить. Прошлые два раза были удачными, ей удалось так разорвать пару коробок и вытащить несколько банок мясных и рыбных консервов. Что-то они с Полиной съели, что-то она обменяла на рынке на молочные продукты – они девочке были больше необходимы. У девушки даже появился стимул к жизни. Но сегодня получалось плохо. Она перевела дыхание – в толстом ватнике, сковывающем движения, особо не подвигаешься. Сунув багор в очередной раз, она наконец подцепила улов, как вдруг услышала громкий крик по ту сторону забора:

– А ну, стой! Стоять, кому я сказал!

Опешив от неожиданности, через несколько секунд мама увидела перед собой знакомое лицо лейтенанта – заместителя начальника городского отделения милиции.

– Ах, это ты?!

Девушка рванула назад. Бросив багор, расстегнув фужайку, она перепрыгивала рельсы как заправская спортсменка, выбиралась из оврага лучше скалолазки, и бежала через кварталы быстрее африканского спринтера. В больницу она больше не хотела. Но больше всего на свете она не хотела снова потерять свою девочку.

Лейтенант молча сидел у металлической сетки и даже не пытался броситься в погоню. Во-первых, огибать забор было слишком долго и утомительно. А во-вторых... зачем он вообще её спугнул? Глупо. Можно было не спеша обойти сзади, застать её с поличным и с гордостью доложить начальнику о выполнении задания – поимке складского вора. А там, смотришь, и до его должности рукой подать было. Оставалось только выжить.

Закрыв за собой дверь квартиры, мама Полины без сил опустилась на пол. Сама девочка, присев на кровать, молча наблюдала за ней, пока тихо не произнесла:

– Мама, а где багор?

Девушка подняла на дочку уставшие глаза и Полина немного испугалась – они были мутные. Казалось, мать девочки ничего не видит перед собой и вообще плохо сообра-

жает. Так прошло несколько минут, пока наконец она не стала приходить в себя. С удивлением оглянувшись, девушка с трудом поднялась на ноги и спросила у дочери:

– Когда я пришла?

– Только что.

– Хорошо...

Мама девочки вспомнила, что с ней произошло, в голове у неё зашумело, забилось сердце. Всё смешалось – больничная палата с мрачными санитарями и морщинистое лицо старухи у неё над головой, кровавый нож старика, холодные рельсы, плачущий начальник милиции и хватающий за багор лейтенант. И бинты. Кровавые бинты, которые она втайне от ребёнка меняла днём в укромном месте, чтобы не напугать Полину своей болезнью. Наступала безысходность. Надежды на вакцину уже не было, а силы были на исходе.

– Мама, а ты больше никуда не уйдёшь?

– Нет, дочка.

– Ура! А когда мы будем играть?

Мысли девушки перестали бурлить и пениться, перешли в плавное течение и сердцебиение успокоилось.

– Мама хочет отдохнуть, Поля. Давай через час? Ты поела?

– Да, мама, я поела! Ложись спать!

Мама переоделась и проспала до самого вечера. Она проснулась, когда за окном уже начало темнеть и комната стала погружаться во мрак. Полина сидела за кухонным сто-

лом и выводила на мятых листах бумаги цветными карандашами весёлые каракули. Девушка зажгла керосиновую лампу.

– Мама, ты отдохнула?

– Да, дочка. Кушать хочешь?

– Нет, я печенье с молоком пила!

– Ну, хорошо.

– Мы играть будем?

– Нет, уже темнеет, теперь твоя очередь спать, а я тебя сторожить буду. Договорились?

– Да! А потом я тебя!

– Хорошо! – засмеялась мама и расстелила детскую кроватку. Она уложила дочку, поцеловала её, села за стол и впервые за этот день что-то поела. Дурные мысли уже не посещали её голову, она выспалась и, укутавшись, просто сидела перед керосиновой лампой, смотрела на танцующее пламя и вспоминала свою молодость. Так прошло несколько часов. Решив прилечь сама, девушка расправила матрац на полу, поправила покрывало, которое заменяло ей простынь, и присела на него перед тем, как затушить керосинку, чтобы последний раз в этот день взглянуть на детское личико.

В дверь постучали.

Глава 10. Инспектор.

Мама Полины насторожилась.

– Кто там?

– Здравствуйте, откройте. Я социальный инспектор, обхожу все квартиры, у меня важное сообщение. И ещё вы должны поставить подпись.

Голос мужчины был приятный, спокойный и какой-то буднично-жизненный. Как будто из того, старого мира... который уже начал забываться.

Скрипнул железный засов и девушка впустила незнакомца. Им оказался высокий мужчина лет сорока со слегка впалыми щеками и глубоко посаженными глазами, тёмной короткой стрижкой и подёрнутыми первой сединой висками. Он вежливо приподнял шляпу, поклонился, распахнул чёрный плащ, достал из внутреннего кармана несколько бумаг и вежливо посмотрел в сторону кухонного стола. Женщина пригласила его сесть.

Инспектор достал из того же кармана шариковую ручку и стал перелистывать свои бумаги.

– А, вот, – продолжил он, разгладил необходимый листок, и зачитал:

– Громова Екатерина Андреевна, 1973 года рождения, разведена, образование высшее медицинское, дочь Громова

Полина Сергеевна, 1995 года рождения... Это вы?

– Да, это я, – немного взволнованно ответила девушка, посмотрела на дочку и продолжила:

– Мы.

– Ну и отлично. Вот здесь распишитесь... Хорошо.

– А что случилось?

– Вакцина! Они всё-таки её нашли. Вам предстоит явиться в шестой лечебный инфекционный лагерь, там в седьмой палате вам сделают уколы, после чего направят в соседний город на обследование и временное проживание. Ничего страшного, скоро вас отпустят, когда очистят город, и вы сможете вернуться к жизни. Вместе с дочкой. Это её рисунки?

Катерина сидела неподвижно, глядя в одну точку на столе, не до конца осознавая происходящее.

– А? Да... её рисунки...

– Замечательные рисунки, – почему-то голос инспектора стал задумчивым, и последние слова он медленно повторил по слогам:

– За-ме-ча-тель-ны-е рисунки... Можно посмотреть?

Девушка всё ещё сидела неподвижно, силясь до конца вникнуть в полученную информацию, и мужчина придвинул к себе исчерканные Полиной листы бумаги.

Он несколько минут рассматривал их молча, затем встал, подошёл к детской кроватке, присел возле неё и надолго устал свой взгляд на девочку.

“Всё кончилось!” – мысли молодой мамы неслись вспять, – “Не будет больше холодного тумана, мрачных кварталов, шатающихся волосатых животных, морщинистых старух, милицейских погонь, осыпающихся потолков больницы и спящих медсестёр... Всему этому конец! Навсегда!”

Инспектор поднял голову, встал, внимательно посмотрел на девушку и подошёл к ней.

– Позвольте, что это у вас...

Катерина посмотрела сначала на незнакомца, а затем на свои руки, которыми в раздумьях, сидя за столом, обхватила голову. Руки были перевязаны окровавленными бинтами, которые девушке просто некогда было сменить днём – она легла спать прямо в них от усталости.

– Это язвы? – голос Инспектора изобразил удивление.

– А... да. Немного. Они не беспокоят. Теперь их вылечат.

– Хм.

Катерина удивлённо посмотрела на мужчину.

– Что?

– Разве я не сказал? Вакцина. Она предназначена только для здоровых людей, зараженных она вылечить не может. Она только предотвращает заболевание.

Девушка побледнела. Инспектор снова посмотрел на детскую кроватку.

– Видимо, вашу дочку тоже сначала надо обследовать. Наверняка инфекция перенеслась и на неё. Как долго вы болеете?

– Что с нами будет?

– Лично вас поселят в изоляционном лагере. Дочь забережёт в любом случае, а там видно будет.

Катерина соскользнула со стула и осела на пол: “Да. Действительно. Всё закончено”. Её мутило. Столь резкие перепады эмоций не под силу были ослабленному организму. Голова кружилась, она начала терять сознание... и растянулась на полу.

Очнувшись, девушка медленно поднялась, села на стул и посмотрела вокруг – чёткая картинка перед её взором никак не могла сформироваться. На что бы она не обратила внимание – оно тут же норовило изменить свою форму. Заварочный чайник на столе долго раздумывал, какая форма носика ему больше подойдёт в этот поздний час. Стопка маленьких блюдец постоянно меняла их количество – то ей достаточно было трёх штук, то вдруг их становилось пять, а то и вовсе десять. А, нет, всё-таки три... Сахарница с красивым крупным алым цветком на боку почему-то переделась и стала кружкой сразу с двумя ручками, и цветков тоже стало два, только уже синих не таких красивых. Катерина постаралась сконцентрироваться и пристально всмотрелась в сахарницу, поскольку её трансформация была уж совсем необычной. Да, так и есть, вот одна ручка, вот вторая. Это кружка. Картина уже не расплывалась, очертания предметов приняли какой-то свой осмысленный вид, но сама девушка чувствовала себя как во сне. Но разве во сне можно знать,

что ты спишь? Такого с ней никогда не было. Она протёрла глаза, несколько раз закрыла их и открыла. “Сплю ли я?” – задала себе вопрос молодая мама. О, всё. Сахарница встала на место. Блюдец было три, носик у чайника был привычный и родной. Но внимание Катерины привлёк небольшой розовый слоник, стоящий справа на краю стола, шевелящий ушами и внимательно разглядывающий хозяйку квартиры. Странно, раньше девушка его не замечала, ведь она столько лет жила в этом доме... Наверное, потому, что он маленький и жил под плинтусом, а сейчас вылез оттуда. Ну и ладно. Один из листков бумаги, на которых рисовала цветными карандашами Полина, приподнялся и из под него выполз такой же миниатюрный синий крокодильчик. Они обменялись со слоником взглядами и слоник вежливо обратился к маме девочки:

– Ты что, нас раньше не видела?

– Не-е-ет... – помотала головой Катерина, – точно не видела!

– Ну как же, вспомни! Нас же рисовала Полина! Ты столько раз нас подолгу разглядывала!

Девушка опешила. Рисунки дочки мало походили на двух этих милых животных и на вон ту зелёную птичку рядом с ними тоже.

– А, ну да... конечно... сейчас узнала. Просто у меня очень кружится голова. Я не понимаю, что со мной...

– Это от шока, я должен перед вами извиниться, – муж-

ской голос за спиной стал для неё явной неожиданностью.

Катерина обернулась и вспомнила об Инспекторе, который совсем недавно постучался в её квартиру. Вспомнила она и обо всём, что он ей рассказал – о вакцине, о лагере... и о Полине. Полина не может быть больше с ней и тоже вероятно заражена.

Крокодильчик испуганно забрался обратно под листок, слоник медленно перешёл на сторону сахарницы, а птичка вспорхнула в воздух и улетела в сторону балкона. Инспектор проводил её взглядом.

– Пожалуй, открою, а то разобьётся о стекло, – незнакомец встал, подошёл к балконной двери и открыл её. Но птичка не вылетела на улицу, а мягко приземлилась на подоконник и невозмутимо стала чистить себе пёрышки.

– Какие славные рисунки у вашей девочки! Правда?

– Правда... Инспектор! Скажите, что же мне теперь делать? Почему я такая несчастная? За что мне всё это, разве я заслужила?

Мужчина поморщился. Этого он не любил.

– А чем вы такая особенная? – Инспектор наклонился к девушке и пристально посмотрел в её растерянные зелёные глаза, – да вас миллионы! Миллионы жалующихся, просящих, умоляющих, требующих, взывающих к “справедливости”. Да какое вы понятие все имеете о справедливости? Какой мерой вы отмеряете долги, сравниваете, оцениваете себя, других людей и происходящие события? Вот почему

именно так, а не по-другому? Я вам открою секрет. Вы – иждивенцы! Вам всё дали, вас содержат, учат, помогают, вознаграждают, а вы ничего не хотите давать в ответ. Каждый день вам дарят уйму ценной информации, практических и теоретических уроков – так вы даже брать их не хотите! Мало того, просите, молитесь, вам дают, а вы отвергаете: “Нет, я совсем не это просила! Дайте мне лучше вот то!” Право же, я больше люблю собак.

Катерина посмотрела на незнакомца удивлёнными глазами. Статный серьёзный мужчина, которому она открывала дверь, совершенно преобразился. Ей в лицо смотрела быкообразная голова с налитыми красными глазами и едва улавливаемыми размытыми человеческими чертами. На теле инспектора, увеличившимся во все стороны, был надет потёртый кожаный камзол, а подпоясывавший его широкий ремень имел огромную золотую пряжку с изображением перевернутой пятиконечной звезды. С ремня свисала длинная старинная шпага с витой позолоченной рукоятью и острым набалдашником в виде хвоста гремучей змеи. За спиной Инспектора вздымался короткий чёрный плащ, подбитый красным бархатом. Девушка удивилась, как она сразу не заметила у ночного посетителя ни шпагу, ни плащ, но в тоже время Катерину постоянно преследовало неотступное чувство, что именно так всё и должно было быть, потому что уже было.

– У меня что, совсем нет шансов выжить?

– Решайте сами. В лепрозории тоже люди живут, – усмех-

нулся Инспектор.

Девушка встала. От балконной двери дуло ночной прохладой, и ей захотелось глотнуть свежего воздуха. Направившись к балкону, она взглянула на детскую кроватку. Полина была крепко укутана и сладко спала, вот только... Тут маме стало совсем плохо. Из под маленького жёлтого одеяльца свисала не тонкая и нежная ручонка маленькой девочки, а какая-то мохнатая обезьянья лапка со скрюченными пальцами. “Всё! И Полине конец!” – подумала она.

– Идите сюда, – позвал мужчина Катерину к открытому балкону, – смотрите!

Она вышла вместе с Инспектором на балкон и посмотрела туда, куда он показывал. Вниз.

– Тот, кто дал вам жизнь, дал вам и возможность выбора. Это ваше право, и никто не в силах у вас его отнять. Даже Он. Решайте сами, есть ли смысл тянуть дальше своё жалкое существование, или... Или начать всё заново.

На асфальте играли отблески керосиновых огней с нижних этажей, приводя его в сказочное движение, и казалось, что он манит девушку к себе, обещая покой и награду. Тут же внизу образовался огненный водоворот, закружился, создав глубокую тёмную воронку, и Катерину потянуло вниз.

– А как же Полина? – спросила она, опомнившись, Инспектора, и, слегка отстранив того, вошла обратно в комнату. Девочка по-прежнему беззаботно спала, засунув волосатую ручку под одеяльце.

– Полина? О, о ней не беспокойтесь! Я обо всём позабочусь. Там, среди других детей, ей будет лучше, чем с больной матерью. Ребёнка можно вылечить, ей создадут райские условия.

“В лепрозории...” – закончила про себя Катерина и сделала выбор.

– Пожалуйста, дайте вон того мишку, это её любимая игрушка... Я положу его к ней в кроватку. Так ей будет спокойнее.

Незнакомец бросил взгляд на белого плюшевого медвежонка, мирно дремавшего на детской табуретке возле кухонного стола, подошёл к нему, взял на руки и весело потрепал по голове. Медведь поднял голову, внимательно посмотрел на инспектора и недовольно фыркнул.

Пора. Катерина сделала всё за несколько секунд.

Кинувшись к кроватке, мама схватила в охапку дочку вместе с одеялом и стремяглав бросилась на балкон. Воронка внизу на асфальте приняла уже просто чудовищные размеры. Стоящие по обочине дороги деревья наклонились в её сторону и, срывая листья, стали рваться с корнями наружу. С крыши над головой девушки сорвался лист железа и, громыхая и крутясь, скрылся в водовороте бездны. Туда же отправился, вопя благим матом, и чёрный соседский кот, неудачно пробежавший по тротуару мимо своего дома.

– Стой!!! – что есть силы закричал “инспектор” во всю свою бычью глотку, но Катерина знала, что если она остано-

вится, то будет уже поздно. Закрыв глаза, она ещё крепче прижала к себе спящую Полину и перевалилась через перила.

Громыхая шпагой и отбросив в сторону недовольного медвежонка, незнакомец бросился к балкону и протянул руки вниз, но не успел. Мама с девочкой скрылись в тёмной воронке и та жадно захлопнула свою пасть, проглотив добычу, и “исподлобья” взглянула на своего хозяина. Медленно выпрямившись, Инспектор захрипел. Он вышел из Сновидения. Внизу на грязном асфальте у края мощёного тротуара лежали двое – отчаявшаяся, потерявшая веру молодая женщина и её маленькая дочь, невинный ребёнок, завернутый в жёлтое детское одеяло. Стали подбегать люди, начались пересуды, и ночной посетитель предпочёл скрыться. Ничего уже нельзя было изменить – Катерина и Полина погибли. Обе.

Глава 11. Преисподняя.

Демон шёл по крутому спуску не спеша, глядя под ноги, но при этом взгляд его был туманен, а мысли рассеяны. Он пытался отбить у себя первые же вспышки глупой тоски из-за произошедшего, но воспоминания просачивались в его сознание как сквозь решето, и нужно было срочно что-то с этим делать.

Та девочка была видящей, таких детей среди людей называли индиго. Конечно, сама она не понимала этого, но, прожив ещё пару лет, Полина начала бы сильно отличаться от сверстников. Она рисовала то, что никто не видел, жила в нескольких реальностях во время сна, никогда не страдала от одиночества и уже в свои пять лет всегда на всё имела своё мнение.

Демону очень нравились такие люди. Они не были послушной массой, стадом, не теряли своё Я, поддаваясь эффекту толпы, их действия были продиктованы высокой интуицией, интеллектом, особым состоянием энергетики и духа, а также налаженной связью с Тонким Миром. Эти люди могли со временем изменить свой мир, сделав его более сбалансированным, без перегибов как в светлую, так и в тёмную стороны. И демону это было интересно.

Он был очень расстроен тем, что безумная мама схватила

с собой ребёнка, лишив того бесценного опыта и оборвав настроенную линию жизни. Демон видел, как могла развиваться Полина, видел её проект, возможные реализации, ключевые точки... И вместе с тем он понимал, что в этом происшествии есть и его вина. В погоне за очередной падшей душой, совратить которую не составило ни малейшего для него труда, он упустил немаловажный фактор – прогрессирующую болезнь матери, которая уже задела её головной мозг. Он слишком был увлечён и потерял бдительность.

И с этим надо было теперь что-то делать. Тропинка подходила к концу, уже показался за поворотом величественный грот в подземной скале, в котором красовался огромный стометровый замок из чёрного и зелёного мрамора – одна из последних резиденций Верховного, на его взгляд самая удачная. Свита мелких бесов, мельтешащая за Демоном от самых Нечестивых Ворот, в конце тропы высыпала на плато и бросилась наперегонки к гранитному мосту, чтобы известить Стражей о прибытии самого Вилиала. Те почтительно расступились перед высоким гостем и он всё так же задумчиво проследовал во дворец.

Последующие несколько дней в земном исчислении были заполнены текущей рутинной – отчётностью, планированием, сведением и проектированием. Разница светлых и тёмных потенциалов в этом столетии зашкаливала, это требовало вдумчивого анализа и на его основе составления Векового Доклада. На словах он конечно давал Верховному подроб-

ную интерпретацию, благо беседовали они часто, но Доклад есть Доклад – это основа, вокруг которой строится вся Система.

Разделавшись с рутинной, Демон выделил свободное время для осмотра нескольких уровней Преисподней. Он любил прохаживаться по территории, раздавая пинки налево и направо, покрывая руганью чертей да бесов, наставляя мелких демонов и выказывая всем свой необычайно высокий уровень Знания, Опыта, Порядка и Хаоса. Он заглядывал даже в Пристанища Падших Душ, не брезговал, и тем самым ещё больше заставлял восхищаться собой прислужников Ада.

Вот и теперь, расхаживая по Пристани Отчаяния, он исправлял постоянные недочёты своими руками – ну кто ещё может сделать лучше него – сразу, как надо, а не через тяп-ляп. “Всё приходится делать самому...” – размышлял он.

Котлован кишел кишмя. Внизу, под Пристанью, простиралось целое море, нет – океан человеческих душ, падших в своём отчаянии, унынии, тревоге и печали аж до самых глубин ада. Да, такое надо уметь, так себя испоганить. Безверие, угасание любви, потеря надежды – что может быть прекрасней такой лакомой добычи! Демон любил свою стезю. Весь этот океан упадка духа был его работой, работой его отдела. Перед ним был результат – самое важное в любой работе. И этот результат ему нравился. Но не сейчас. Сейчас он стремительно летел над самой гущей людских отбросов, выискивая среди них ту душу, ради которой сюда явился. Наконец,

впереди его сверкнул маячок, и Демон замедлил свой полёт. Зависнув над бурлящим грязным месивом, он взмахнул своим огромным плащом и под ним образовался пустой, чистый от тянущих липких сгустков круг, в который он и приземлился.

Вилиал смотрел прямо перед собой. Это была она. Катерина, мать Полины, стояла перед ним обнажённая и, расставив руки, покачивалась из стороны в сторону. Окружавшие её души грешников отступили и смолкли.

– Отпусти свою дочь. Ты ей не хозяйка более.

– Инспектор... Как я была глупа! Если бы я узнала вас сразу!

– Я не собираюсь тебя выслушивать!

Демон достал свою прославленную в веках длинную шпагу с витой позолоченной рукоятью и направил клинок в грудь девушки. Её лицо исказилось гримасой, обнажив через бледные треснутые губы жёлтые зубы и чёрный язык. Зрелище было не из приятных даже для Вилиала. Сопrotивляться Катерина не могла. Она наклонила голову, свела руки на груди и, разрывая её в клочья, достала из себя то, что скрывала там – беспомощное, бессознательное тело своей дочери. Она протянула его, по-прежнему гримасничая, Демону, тот опустил шпагу, снял плащ и завернул в него Полину. Тело девочки было покрыто слизью и плесенью, глаза провалились, волосы поседели и поредели, на руках и ногах расплылись синие пятна. Вилиал отступил на несколько шагов, развер-

нулся и снова поднялся в воздух. Круг под ним сомкнулся, души снова схлестнулись в единый океан, поглотили Катерину, раздался страшный рёв отчаяния и боли, и Демон покинул их Пристанище. Стоны и раздирающие вопли остались наедине с собой – таков был их удел, который они для себя избрали. Вилиалу нужно было срочно принять холодный душ, но сначала он должен был закончить. Его ждали.

О чём вообще могут разговаривать два природных и социальных антагониста, два хищника возле неподделенной добычи, антибиотик и бактерия в борьбе за человеческую клетку, две разнонаправленные силы, приложенных к испытываемому телу? Ну, примерно о том же, о чём разговаривали Демон и Архангел на конспиративной встрече, устроенной по просьбе одного из них на нейтральной территории – под сводом высочайшего горного водопада Анхель, берущего начало на плато Горы Дьявола в Венесуэле.

– Зачем ты припёрся сюда, Демон?

– Вежливые Ангелы перестают жевать, когда разговаривают.

– Я что, звал тебя? Катись в Преисподнюю.

– Ты умолял меня, я сжалился.

– У тебя завышенные подростковые амбиции, но я милостив к низшим животным организмам.

Обменявшись таким образом приветственными любезностями, два высоких представителя Света и Тьмы перешли к делу. Вилиал решил на отважный и сумасбродный посту-

пок – он освободил душу невинной девочки из Преисподней и передаёт её Небесному Царству. Всё, что он хочет в ответ – это предоставить возможность Полине вернуться на Землю вновь, но при этом сам Демон волен посещать её на Земле в любое удобное для него время, и никто из Армии Света не вправе ему препятствовать. Архангел, а им был Рафаил, поинтересовался первопричиной рискованных действий Демона, а также потребовал назвать конечную цель его замысла. Вилиал долго смеялся, а потом хватался за бок, ссылаясь на фантомные боли в животе. Наконец он заявил, что помыслы его чисты и невинны, прозрачны и безгрешны, после чего уже хватался за живот Рафаил, заглушая смехом ниспадающие с каменных уступов водные потоки.

На том и порешили.

Глава 12. Сатана.

Верховный был разъярён, взбешён, рвал в неистовстве занавеси и метал в бледную прислугу черепа и кубки.

– Ты!!!

Глаза его вылезли из орбит, лицо, представлявшее фантасмагорическую компиляцию козлиной и человеческой сути, переливалось красно-синими оттенками, ноги в высоких красных ботфортах были широко расставлены на хрустальном покрытии зала, а сухое и жилистое тело в обтягивающем буром камзоле наклонено вперёд в порыве ярости и гнева.

– Ты!!! Ты возомнил себя здесь, в Обители Зла, Господом Богом, вершащим суд и справедливость, раздающим пряники и сулящим избавление! От тебя?! От тебя я должен был ожидать такое, ответь мне, бес?!

Вилиалу было плохо. Очень плохо. Он только сейчас начинал понимать, какое преступление совершил в том беспомыслии, в которое его ввергло слепое и безумное человеческое чувство – вирус непреодолимой тяги к Полине, подхваченный на поверхности и занесённый им в святая святых Преисподней.

– Верховный... князь мой... виновен бесконечно я и готов понести любую кару от руки твоей... – шептал через сдавленное горло Демон, не в силах поднять от стыда глаза на

Хозяина.

– Кару-у-у-у!!! Какую кару могу дать тебе Я?! Да нет такой кары, не было и не будет никогда! Твой грех сверх любой кары, ты предал Систему, её Суть, её Закон, ты предал меня!

Сатана стоял как вкопанный и не сводил испепеляющего взгляда со своего самого верного слуги, верного помощника и друга, который в одночасье стал предателем и изгоем. И это случилось здесь, в его замке, в Обители Тьмы, а не на грешной поверхности среди мерзких душ двуногих хищников, где измены и предательство были нормой постыдного существования.

В какой-то миг тело Верховного ослабло, он сжался, опустил голову, шатаясь отошёл к своему трону и повалился в него, закрыв от усталости красные глаза. Молчание длилось долго и было нестерпимо больнее для Вилиала, чем недавний гнев Повелителя. Он безмолвно рыдал, погружённый в тягость своего проступка, и готов был провалиться под Землю, если бы только это было возможно... проваливаться ниже было просто некуда.

– Ты покидаешь нас, – не открывая глаз и не меняя позы огласил приговор Верховный, – ты отправляешься на поверхность, ибо там твой удел. Ты принял людскую карму вместе с их человеческим чувством. Там ты умрёшь и вернёшься сюда влачить своё жалкое существование вместе с теми грешниками, коих теперь боготворишь. Для меня тебя больше нет. Прочь.

Страшнее и безжалостнее наказания нельзя было придумать для любого из Царства Тьмы, а уж для одного из Высших Демонов... оно было по сути ликвидацией сущности, стиранием из матрицы, пропаданием в Ничто. Вилиал как подкошенный упал на колени и склонился перед Верховным.

– Я служил тебе верой и правдой сотни веков. Я наполнил Ад миллионами душ, дающих огонь Преисподней. Я противостоял Армии Света в тысячах сражений, отстаивая твоё право и твою власть. Я безмерно каюсь пред тобой в постыдной человеческой любви, коей замарал свою веру и покорность Истинному Богу. Молю лишь об одном – дай мне возможность искупить свою вину. Не будет никогда и никого у тебя преданнее меня, мы оба знаем это. Я выполню всё, что ты прикажешь...

Молчание длилось бесконечно долго. Казалось, Вселенная успела разрушиться и возродиться заново, когда Верховный наконец медленно и глубоко вобрал ноздрями воздух и резко выдохнул его обратно.

– Да будет так, Демон. Не дай возгореться Благодатному Огню в Храме Гроба Господня перед ближайшей Пасхой. Собери души грешников, падших пред тобой, их числом должна быть чёртова дюжина. Ими ты запечатаешь вход в часовню и пещеру с Гробом, дабы не распространять Свет в Великую Субботу. Тогда я буду готов вернуть тебя в своё воинство рядовым бесом. Ступай прочь.

Глава 13. Полина.

С самого начала её одолевало нехорошее предчувствие. Это задание должно было закончиться чем-то фатальным, судьбоносным, но чем? Та фотография, что ей показали, всё ещё стояла у неё в памяти. И вроде ничего особенного... Хмурый, худощавый, высокого роста мужчина с проникновенным взглядом. Подёрнутые проседью виски, тёмные волосы, слегка впалые карие глаза... Что-то было в его взгляде. То, что заставляло сжиматься и замирать всё внутри. Посмотрев в его глаза первый раз, она быстро отвела свой взор, переключившись на другие черты лица. Это не было каким-то дежа-вю, она осознавала, что видела это лицо впервые, но... волна непреодолимых предчувствий стала подступать к её сознанию.

Странно это было: Полина совершенно не помнила свои первые годы в Поднебесье, они были скрыты пеленой, о которой старшие ангелы отзывались неохотно и уклончиво. Всё сводилось к тому, что память девушки пострадала при катаклизме, пришедшемся на Глобальную битву с Тёмной стороной, и её пришлось посылать на переинкубацию. Так и получилось, что детства у Полины вообще не было – её создали сразу взрослой девушкой-ангелом, поскольку была особая срочность и на то имелась Высочайшая воля и намере-

ние Создателя. Ходили слухи, что вскоре её ожидала высокая миссия. Полину это пугало...

Вызвали её неожиданно, оторвав от текущих канцелярских дел, и во взглядах сопровождавших читался неподдельный интерес к её особе. Казалось, даже встречные ангелы останавливали на ней свой взгляд и провожали взором, пока она шла по длинному коридору Небесной Канцелярии. В воздухе висело напряжение. Всю дорогу конвой не промолвил ни слова, а задавать какие-либо вопросы было бесполезно. Каменные, будто выдолбленные из белого мрамора лица стражей являли собой полную неподкупность и стремление к беспрекословному выполнению важного поручения. Полину чинно ввели в Серебряный Кабинет, где повернувшиеся к ней высокопоставленные особы обдали девушку своей важностью и значимостью. Она немного опешила. Зачем столь серьёзные лица захотели видеть её, рядового ангела-делопроизводителя? Замешательство девушки заставило присутствующих улыбнуться. Но важность момента вскоре взяла своё, благородное собрание насупило брови и приступило к изложению дела.

Полина скромно сидела, сжав колени, опустив голову и смотрела в одну точку... На стеклянном полу, под которым белой пеной клубились на солнце кучевые облака, возле аккуратных носочков её хрустальных туфельек лежало выпавшее у случайного ангела рябое пёрышко. Одно. Никого рядом. Беспомощное и беззащитное. Полина чувствовала себя

этим самым пёрышком, и ей хотелось плакать.

Архангелы дали ей задание. Нет, не поручение, а именно задание, которое необходимо было выполнить любой ценой. Полина прекрасно понимала всю важность происходящего и постепенно в ней стало просыпаться новое, незнакомое до этого времени чувство. От её действий зависела судьба многих людей, а может и поколений... В конечном итоге, если разобраться, от поведения, решительности и самоотверженности Полины могла зависеть судьба человечества. Вот так неожиданно, как гром среди ясного неба, на неё свалилась миссия, важность которой трудно было переоценить. Почему выбора удостоилась именно она? По-видимому, это было предопределено, предназначено, но никто не говорил, где и когда. Просто все откуда-то знали, что остановить Его сможет только Она.

Благородное собрание постаралось кратко, но доходчиво объяснить молодому ангелу всё, что от неё требовалось. Сложившаяся ситуация была очень серьёзной, Полина это поняла сразу, и вопросов не задавала. Из Тёмной Стороны дошли вести, что на Землю был послан сильно провинившийся перед Сатаной демон, целью которого было сотворить что-то неопишное. Демон этот люто ненавидел людской род, ставший причиной его изгнания, и ни перед чем не собирался отступать, чтобы вернуться обратно. Ей обещали оперативно передавать всю появляющуюся информацию, но действовать необходимо было начинать прямо сейчас. По

предварительным данным, он направлялся в Иерусалим, и должен был появиться там в преддверии празднования Пасхи. Задачей Полины было перехватить демона, вычислить его среди тысяч людей, выяснить намерения и предотвратить несчастье. Она только не могла понять, откуда у архангелов могла взяться та фотография, на которой был изображён вполне добропорядочного вида мужчина, являвшийся в действительности злым и коварным изгнанником ада. Но девушка молча приняла действительность таковой, какой она была. Фотографию уничтожили, но в ней больше не было необходимости – образ демона навсегда врезался в её память, и она узнала бы его взгляд среди сотен похожих. У Полины не было ненависти к этому человеку, она почти не испытывала каких-либо эмоций, кроме заполнившей сознание необходимости выполнить свой долг, и этого странного предчувствия... Она боялась разобраться в себе, что же это такое. Надо было просто найти Его, и тогда всё должно было проясниться. Она боялась, но она ждала этой встречи. И она начала.

Глава 14. Дитрих.

Спустившись с холма, незнакомец некоторое время шёл в темноте, ступая по грязной и раскатанной телегами дороге, пока не достиг деревенских домов. Свет из окон бросал на него красочные блики, перенимая эстафету у пламени пожара, и случайный прохожий мог увидеть прищуренный изучающий взгляд, пронзающий насквозь каждый дом. Наконец, Вилиал остановился возле открытой калитки и после секундной паузы вошёл во двор, посреди которого еле виднелась из под земли осевшая изба. Крыша её поросла мхом, брёвна прогнили и от окончательной смерти после наводнения дом спасла только небольшая возвышенность, на которой он был возведён.

Еле отворив размокшую дверь, Инспектор пригнулся и сумел-таки войти в это странное убежище. Посреди одинокой тёмной комнаты стояла небольшая, еле живая русская печка, на которой, видимо, и держалась вся изба. У разваленной печи чуть покосившись стояли такие же угрюмые в своём замкнутом одиночестве стол, табурет, начатая бутылка самогона, грязная стопка и банка с солёными огурцами. Друг с другом они не разговаривали, и всё их внимание было обращено на хозяина дома, который сидел на стуле в меховой шапке с закрытыми глазами и подпирал заросший под-

бородок мясистыми пальцами волосатой руки. Черты лица у него были простые, мужицкие, крупные и смуглые, какие бывают обычно у людей, родившихся в глухих деревнях и проведших там всю тяжёлую жизнь. При шуме от непрощёного гостя Фёдор неспешно приподнял сначала одно веко, потом другое, потом убрал с подбородка руку и скрестил её на груди с другой рукой, слегка откинувшись на скрипнувшем стуле.

– Чем обязаны поздним посещением, милейший?

Незнакомец молча подошёл к столу, налил стопку ядовитой жидкости из бутылки и, не побрезговав, выпил её одним залпом.

– Инспектор я, – ответил чуть сбившимся дыханием Виалиал, громко выдохнул, достал из трёхлитровой банки огурец и в спешке откусил половину. – Хороша-а.

– Это имеется, – ухмыльнулся Фёдор и вежливым жестом пригласил гостя присесть на табурет. Гость таким же жестом отказался, облокотился на стену и, внимательно изучив хозяина избы своим пронизательным взглядом, задал вопрос:

– Жалобы есть?

– Да на что мне жаловаться? Живу, как у попа за пазухой...

– И что, совсем ничего не беспокоит?

– Совсем ничего!

– Счастливейший человек...

– Это точно.

Вилиал сделал паузу, во время которой собеседники не спускали друг с друга глаз.

– От чего же выпиваете?

– От счастья.

Инспектор понял, что мужик перед ним – тёртый калач, и решил подойти с другой стороны.

– На вас жалобы поступили. Пьёте беспробудно, пьяный по улицам шатаетесь и людей пугаете. Нигде не работаете, тунеядствуете, по дворам металлолом грабите и макулатуру выпрашиваете. Ответственные органы требуют разобраться в причине вашего поведения и принять меры по исправлению ситуации. Вплоть до принудительного лечения в отдалённых от цивилизованного общества местах. Продлевать будете?

– Что... продлевать? – Фёдор начал сдавать позиции.

– Пьянство своё, я спрашиваю, продлевать будете?

Мужичок молчал. Перспектива принудительного лечения его не радовала, но и сдаваться на милость победителя он не спешил.

– А что мне остаётся? Вы меня что, здесь, в деревне, работой обеспечите? А дом я свой покидать не буду, это моя родина. Разве что продам подороже. Не купите? – Фёдор ухмыльнулся.

– Что твоему дому цена, что тебе самому – ноль без палочки! Отмирающий атавизм ты, без души и совести.

– Это я-то без души? Это я-то без совести? – Ослаблен-

ный алкоголем атавизм полностью сдал свои позиции, раскрылся и получил удар по самому больному месту. Вилиал торжествовал.

– Да что ты знаешь обо мне, инспекторишка! Крыса канцелярская! Да на мне с самого начала войны рана зияет и кровоточит каждый день, тебе ли судить меня?!

– Что за рана? Почему не показываете?

– Да что я вам покажу, нелюдям?! Вы же и видеть ничего не хотите, только отчёты свои строчите, а в душу человеку заглянуть – вам не положено! А рана-то – она там! – мужик отчаянно стукнул себя по груди кулаком.

Вилиал подошёл к Фёдору, налил ему полную стопку и поставил выпить. После этого он по-дружески похлопал мужика по спине и присел на предложенный ему недавно трёхногий табурет.

– Я вам скажу, кто я на самом деле, и чем смогу помочь. Но для этого вы должны во всех деталях рассказать мне о том случае, что произошёл с вами много лет назад, и из-за которого вы столько времени пьёте. Только не спешите, важна каждая деталь, от этого зависит ваше будущее. Говорите!

Фёдор склонил над столом голову и, не поднимая её, начал:

– Шёл август 41-го года, это был второй месяц войны с Германией, войны с фашистским агрессором на территории нашей страны. Немцы продвинулись далеко вглубь, практически сметая всё на своём пути... В деревнях и сёлах по-

сле встречи с оккупантами царил страх и ужас. Мирный и размеренный образ жизни одним махом сменился каким-то Армагеддоном, происходящее многие не могли осознать до конца, не верили свои глазам и ушам, и потому гибли. Колонны танков, мотоциклов и пехоты безжалостно подминали под себя родную землю и поднимали пыль просёлочных дорог, боевые самолёты разрезали голубое небо потусторонним звериным воем, грохотали взрывы и трещала смертоносная автоматная очередь. Многие мужчины не знали, куда себя деть – то ли оставаться дома и защищать свои семьи, то ли скрываться в лесах и собираться в партизанские отряды. Бросать своих близких было нестерпимо больно, но практически всех найденных мужчин фашисты тогда расстреливали на месте, и потому большинство предпочитало крепко обнять свою семью, а затем пообещать непременно вернуться и освободить их от ненавистного гнёта.

В тот день в нашу смоленскую деревню вошёл полк гитлеровцев и расквартировался в тех домах, которые остались целы после его акции устрашения. Половина жилищ была практически уничтожена гранатами, которые немцы кидали прямо в раскрытые окна то ли из-за страха, то ли из-за желания навести ужас на оставшихся в живых стариков, детей и женщин. Чуть на отшибе стоял дом местного плотника, который успел уйти в лес к партизанам. Он оставил в деревне плохо передвигающуюся старушку-мать, больную подагрой жену и десятилетних сына с дочерью, которые должны были

ухаживать за своими родителями. Этим молодым пареньком был я, а мою сестру звали Надей.

Немцы, войдя в наш дом, пошныряли по углам, постреляли в сарае, но разместиться по соседству с лесом не захотели, погрозили на прощание пальцем, забрали найденные продукты и отправились по другим хозяйствам. После их ухода мы с сестрой облегчённо вздохнули, насколько это было возможно тогда в наших обстоятельствах. Но, буквально через час, на нашем пороге появился он.

“Опять принесла нелёгкая...” – подумали мы, а приглядевшись, прониклись к немцу интересом. У нашего крыльца стоял высокий светловолосый юноша, худощавый, с голубыми глазами, в позолоченных круглых очках. Солдатский мундир был гладко выглажен, сапоги хоть и запылились, но было видно, что совсем недавно по ним проходились щёткой и кремом. Только пилотка на его голове сидела как-то неумело, как будто чувствовала себя не на своём месте – видимо, немец просто не умел её носить. Но самое главное, что нас поразило тогда – это его улыбка. Широкая, слегка наигранная, как будто клоунская, она вместе с прищуренными глазами и слегка задраным вверх узким подбородком явно шла наперекосок с окружающей действительностью. Скорее, этого человека можно было встретить за прилавком в бакалейном магазине или в парикмахерской, ну пусть у портного, но никак не на пороге деревенской избы в военной форме и с кобурой на ремне.

Увидев слегка опешивших детей, открывших дверь после его вежливого стука, он сделал свою улыбку ещё шире, поднял правую руку вверх, слегка помахал ладонью и произнёс на ломанном русском:

– Приве-е-т!

Поскольку мы не знали, как реагировать на эту нелепицу, то продолжали молча смотреть на него, пока инстинктивно не кивнули головами в ответ.

– О, вы не должны меня бояться! У меня нет патронов! Я не буду стрелять! – голос его был необычайно мягким и даже бархатистым.

Немца звали Дитрих. Его мать иногда разговаривала с подругами на смеси родного польского и русского, и отец, будучи профессором филологии, тоже имел знакомство с русским языком и иногда обучал ему сына. Когда началась мобилизация, мирная немецкая семья не хотела отпускать своего совершенно не подготовленного к армии сына, но отправить его за границу родители просто не успели. Не помогли и университетские связи. Максимум, что удалось тогда выторговать, это не очень уверенное обещание будущего командира полка Дитриха не подставлять его под пули, а использовать только как переводчика и писаря при штабе. Всё это немец рассказал нам с характерным акцентом, когда мы выпустили его в дом. Он попросил нас обеспечить ему ночлег, сказав, что среди других военных ему неуютно, а порой просто дико. В качестве оплаты Дитрих протянул нам боль-

шую плитку немецкого шоколада, вкус которого до сих пор остаётся у меня на языке. Патронов у него в пистолете действительно не было, он нам его показал и добавил, что вообще не сделал с начала военных действий ни одного боевого выстрела, только изображал стрельбу. В общем, Дитрих как мог завоёвывал наше расположение и надо было признать, что в какой-то мере ему это удалось.

С утра немецкий военный ушёл в полк, а в обед появился смущённый, находясь в каком-то замешательстве. Он сказал, что нам приказано явиться к штабу полка, тут же развернулся и ушёл. Мы молча отправились туда и застали у клуба, где разместился штаб, всех оставшихся деревенских жителей. Как оказалось, это было показательное выступление гитлеровских оккупантов, которые обнаружили в одном из подвалов троих мужчин и решили их прилюдно расстрелять. Описывать я это не буду, сердце до сих пор сжимается от боли. Вернулись домой мы как в тумане, сквозь который продолжал ехидно смеяться лысый немецкий офицер с сигарой в зубах. Именно он тогда, заложив руки за спину и покачиваясь на каблуках, скомандовал: “Feuer!”

Дитрих не пришёл ночевать, видимо ему было стыдно за то, что он исполнил приказ и позвал нас на это недетское зрелище. Он пришёл на следующий вечер, когда уже начало темнеть, тихонько подозвал нас с сестрой поближе и сказал, что их сегодня отправляют дальше на фронт.

– Я... не хочу воевать. Не хочу убивать. Я хочу домой,

к своим родителям! У меня ещё даже нет девушки, я ещё не жил и я не хочу умирать! А меня обязательно убьют. Вы, русские – великая нация! Я всегда это знал и сейчас в этом убедился. Я чувствую свою вину... Я прошу вас, – тут он вынул из кобуры пистолет и протянул его мне, – я зарядил его. Вас всё равно убьют, если вы останетесь! Бегите в лес, в темноте за вами не погонятся. Когда они уйдут, вы вернётесь или найдёте своих партизан. Но я прошу только об одном: выстрелите в меня! Выстрелите мне в ногу, чтобы я не мог ходить и меня отправили в госпиталь в Германию! Вы раните меня и сразу же убежите, так будет лучше для всех! Пожалуйста...

Я никогда не держал в руках пистолет. Держал только отцовское охотничье ружьё, да и то не стрелял из него. Надя закрыла лицо руками, немец отошёл на пару метров и тоже закрыл глаза. Он предусмотрительно спустил предохранитель, так что мне оставалось только слегка прицелиться и нажать на курок. Но в этот момент...

С тех пор прошло много десятков лет, но передо мной постоянно всплывает в памяти тот эпизод, где бы и с кем я не находился... Я целился ему в голень. Но вдруг передо мной всплыло как в тумане то хохочущее фашистское лицо, дымящаяся сигара, лысый череп и сверкающие офицерские погоны. Перед моим взором всплыли окровавленные лица трёх деревенских мужиков, исподлобья смотрящих на дула вражеских автоматов. Из деревни донеслась немецкая речь, ка-

кие-то крики, лай собак, и я выстрелил.

Я выстрелил Дитриху прямо в лоб, не промахнувшись ни на сантиметр, и он тут же упал замертво. Я схватил опешившую сестру за руку, когда она раскрыла бледное лицо, и мы бросились в лес. Мы бежали бесконечно долго, спотыкаясь о поваленные деревья и корни, ничего не слыша и не видя вокруг. Я не знаю, была ли за нами погоня. Наверное, была. А может, и нет, ведь и правда – в лесу было уже темно, а немцы безумно боялись партизан. Утром мы набрали на своих, попали в объятия отца. Я не рассказал ему ничего, и, глядя на меня, промолчала и Надя. Уже после войны, осторожно посмотрев мне в глаза, она как-то спросила за столом: “Федя... Зачем ты убил его? Убил Дитриха?” Видимо, этот вопрос тоже мучил её. Он мучает меня до сих пор. Зачем я убил Дитриха? Ведь я стрелял тогда не в него, а в Фашиста, Гестаповца, Оккупанта, Гитлеровца. Я убивал тогда лысого немецкого офицера с сигарой в зубах, покачивающегося на своих каблуках и командующего: “Огонь!”

Но я убил Дитриха... невинного немецкого юношу, силой загнанного на чужую землю убивать чужих людей, а зарядившего свой пистолет только один раз – для того, чтобы убили его самого. В тот момент не я направлял оружие в голову Дитриха. Это был другой человек, завладевший моим разумом. Этого человека создала система, призывавшая уничтожать всех фашистов, как убийц и насильников. Безызбирательно, без суда и следствия, по закону военного времени.

Да, она была права... Но тот человек, убивавший юного немца, был чужд мне. Он убил и сразу ушёл, и больше никогда не приходил. А я остался.

Что я мог рассказать тогда людям дрожащими губами и полными слёз глазами? Я боялся, что они увидят моё сожаление о случившемся и донесут об этом вышестоящим чинам. Система избавилась бы от меня, как от отработанного материала и как от опасной червоточки. Именно поэтому я никогда и никому ничего не рассказывал, и я до сих пор чувствую себя виноватым. Перед ним, перед его родителями, перед самим собой. Вот... вот что тогда произошло.

Фёдор поднял голову.

– Печальное событие. Вы не оправдали надежды доверившегося вам человека и обманули его. Неважно, какой человек национальности или вероисповедания, так как перед Богом вы все равны. Он не угрожал вам смертью и ясно дал понять, что не разделяет фашистскую идеологию. Вы же просто трусили, поддавшись страху и слепой ненависти.

– Но я был ребёнком!

– Это вас не оправдывает. Большинство людей совершают свои самые главные ошибки ещё в детстве, и потом до самой смерти расплачиваются за них. Это был ключевой момент вашей жизни.

– Но я же осознал свою ошибку, я до сих пор жалею о случившемся...

– А что вы сделали для того, чтобы исправить её, эту

ошибку? Вы только сидели с рюмкой в руках и думали, какой-же вы хороший, что смогли осознать свой проступок, что вам это наверняка зачтётся после смерти. В результате, поминая убитого вами несчастного юношу, вы спились, потеряли семью и работу, а должны были после войны разыскать родителей Дитриха и всё им рассказать, попросить прощения! Именно таков был ваш путь. Там, в Германии, когда они получили известие о гибели их сына от руки партизан, они в гневе проклинали его убийцу, пожелав ему страшной смерти. Вы много раз избегали её, если вспомните, и не чудо спасало вас, а те, кто ведёт каждого человека по жизни – ваши ангелы-хранители. Но они проиграли эту битву за вас, проиграли бесам. Вы не смогли.

– Они бы убили меня, если бы я приехал к ним!

– Вы не смогли.

– У меня никогда не было таких денег, чтобы ехать за границу!

– Вы не смогли.

Фёдор уронил взлохмаченную голову на руки и опрокинул бутылку. Самогон выплеснулся на скатерть, а сама бутылка скатилась по столу, упала на пол и разбилась об угол печи.

– Что же мне делать теперь... помирать?

– Это вы всегда успеете. Я могу вас свести с сестрой Дитриха. Вы всё-равно скоро умрёте, от этого никуда не денешься. Но, согласитесь, отправиться в тот мир налегке гораздо приятнее, чем с непосильным грузом. Так вы сможете

преодолеть несколько лишних уровней, и ваша участь после смерти будет не столь плачевна.

– Я согласен!! – оживший Фёдор вылупил глаза на незнакомца и готов был броситься к нему в объятия.

– Хе-хе, согласны вы... Для этого вы будете должны выполнить одно условие.

Вилиал наклонился к уху мужика и долго что-то рассказывал ему, глядя в пустоту, а Фёдор, раскрыв рот, только кивал и соглашался в ответ. На том и порешили.

Глава 15. По следу.

Ангелы промахнулись. Ну, такое случается даже с высшими существами. Полину выбросили с парашютом в 100 км от того места, где появился из земли демон, и ещё на 10 километров её снесло в сторону ветром. Таким образом, приземлившейся вдалеке от автострады и населённых пунктов девушке предстояла нелёгкая погоня. На помощь извне рассчитывать было нельзя – можно сказать, что это были условия соревнования, хотя соревнованием борьбу за будущее человечества называть было бы весьма кощунственно. Демон шёл к своей цели собственными силами, и использование поддержки свыше нарушило бы энергетический баланс сформировавшейся системы, что грозило непредсказуемыми последствиями. Поэтому путь Полины по лесам, полям и просёлочным дорогам, переправа через реки и уговоры случайных трактористов изменить маршрут и ехать на кудыкину гору носили тяжёлый характер. Тем не менее, через два дня она стояла у обугленных останков церкви на том самом холме, внизу которого простиралась оставленная наводнением деревня.

Странную женскую фигуру в грязном белом балахоне видели на вершине холма многие жители. Она то пропадала из их вида, то появлялась снова, видимо, обследовала место

пожарища. “Из города,” – понимающе кивали деревенские зеваки.

Полина ходила осторожно, перешагивая ещё тёплые угли и прошитые гвоздями доски, которыми был усыпан почти весь холм. У некоторых устоявших от огня, но порядком обрушившихся стен храма она останавливалась и прикасалась к ним ладонями. Никакой информации... Как будто стёрто всё было пламенем, ветром или кем-то специально. Полина вдруг нагнулась, увидев что-то блеснувшее под ногами, и подняла с земли серебряный крестик с распятой фигурой Христа. Она крепко сжала в ладонях маленький кусочек металла и закрыла глаза.

Вспышка. Другая. Сквозь эти редкие проблески сохранившейся в крестике информации она смогла различить силуэт Вилиала и понять, кто же стал виновником пожара. Больше ей ничего добыть не удалось. Она бросила в последний раз взгляд на останки церкви и, склонив голову, пошла по направлению к обгоревшим стенам сарая у края холма. Погрузившись в свои раздумья, Полина чуть не свалилась в глубокую щель в земле, вовремя остановившись на краю и взмахами рук сохранив шаткое равновесие.

“Вот оно!” – страшная яма зияла чёрной пустотой перед ней как разинутая пасть огромного чудовища. Казалось, она бросится сейчас на девушку и жадно поглотит её, скрыв навеки в своих недрах. Но Полине отступать было некуда – она просто обязана была спуститься вниз и обследовать дно то-

го места, откуда вышел наружу изгнанник сатаны. Сняв мешающий балахон, она осталась в коротких джинсах и розовой рубашке с длинными рукавами, которые предпочла закатать. Она не любила этот дурацкий няшный цвет, но другого выбора на её стройную фигурку в Небесной Канцелярии не оказалось. Ангелы тоже любили покушать.

Держась за дёрн, она повернулась спиной к расщелине, осторожно спустила вниз одну ногу, затем вторую и тут же съехала на животе по осыпавшейся земле почти до самого дна, изрядно поцарапавшись о торчащие мелкие корни. Несмотря на то, что ещё высоко стояло полуденное солнце, на дне ямы царила крошечная тьма. Достав из кармана джинсов заблаговременно припасённый фонарик, девушка осветила котлован. Света было мало, но Полина направила маленький луч в самый низ и стала внимательно осматривать землю. Наконец, она видимо нашла то, что искала, села на колени и прислонила руку к обнаруженному ей следу человеческой ноги.

Девушка снова закрыла глаза, как в случае с первой находкой, и попыталась настроиться на то излучение, которое шло от этого следа. Подключение произошло почти сразу, но то, что она увидела, только обескуражило её. На Полину смотрел молодой человек с лучезарной улыбкой и весёлым жизненным взглядом, очень похожий на ту фотографию, которую она видела совсем недавно, но только более... открытый что ли, простой, юный и беззаботный. У него не было

морщин, а кожа была заметно светлее, волосы не имели проседи. Поток информации хлынул на девушку, но она не могла его прочесть, видимо, он был закодирован. Однако, на уровне эмпатии, на уровне чувствования она запомнила Вилиала, как запоминают запах собаки-ищейки, и теперь при удобном случае девушка могла с лёгкостью подхватить его след.

Настала пора выбираться из ямы. Полина узнала всё, что ей было необходимо для дальнейших поисков, но неожиданно с выполнением этой задачи возникла сложность. Откосы расщелины оказались настолько круты, что все попытки девушки выбраться наверх заканчивались тем, что она съезжала вниз вместе с массами земли. Полина стала работать руками и ногами чаще, но это привело лишь к тому, что увеличившиеся объёмы осыпающейся почвы стали закапывать девушку на дне ямы. Выбраться стало всё сложнее, потому что силы у Полины заканчивались, и она решила передохнуть. На какой-то миг закрывшее солнце облако обдало её страхом оказаться погребённой заживо в этом логове ада, но она быстро отбросила это наваждение. Приглядев самый длинный и прочный корень, свисающий с верхних слоёв земли, девушка напряглась и, оттолкнувшись от склона, смогла зацепиться за него. Используя корень как канат, она почти выбралась наружу, даже закинула одну ногу на зелёную траву холма, когда края всей ямы внезапно обрушились и она поехала вниз. К счастью, девушка осталась не погребённой в

этом чреве, каким-то чудом оказавшись сверху оползня. Выбравшись окончательно, Полина отряхнулась и, глядя вниз холма на покосившиеся деревянные дома, произнесла только одну фразу:

– Я найду тебя.

Глава 16. Прохор.

Вилиал покинул деревню сразу же после сделки с Фёдором – нанял попавшегося мотоциклиста и добрался с ним до ближайшего города, в котором и остановился на ночлег. На следующее утро он не спеша выполнил все гигиенические процедуры, которые были необходимы для поддержания в чистоте и порядке человеческого тела, позавтракал и также не спеша отправился на прогулку.

Вскоре демон остановился у сидящего возле церкви сторбленного мужчины маленького роста и посмотрел в его скомканную шапку для подаяний. Там лежала одинокая монетка, всем своим видом показывающая, что ей настолько же одиноко, насколько одиноким и покинутым выглядит её хозяин. Нищий был одет в рваное клетчатое полупальто с грязным меховым воротником, ватные штаны и облезлые серые валенки с обрезанными голенищами. На голове у бедолаги был повязан белый платок, стянутый по краям несколькими узелками. Вкупе с растянутой на лице беззубой улыбкой он придавал мужичку залихватский образ карибского пирата.

– Подайте копеечку! Христом... – тут нищий невольно закашлялся, – Бо...гом... – кашель стал надрывным, и под конец мужик еле хрипел. – Прошу!

– Христом Богом, говоришь? – задумчиво переспросил

Вилиал. – Ну-ну. А пойдём-ка я тебя лучше накормлю!

– Зачем?! – испуганно раскрыл глаза нищий на странно-го мужчину. – Господь накормит, ты денежку дай! На богоугодное дело, – смиренно добавил мужичок и поклонился прохожему.

Демон усмехнулся, откинул подол плаща, вынул из кармана брюк крупную купюру и положил в шапку.

– Дам ещё столько же, если проведёшь меня в своё жилище.

– Да что вы, барин! Побойтесь Бога, какое жилище?

– Слишком много было сказано тобой про Бога, грешник. Ты, видимо, хорошо с ним знаком... вот и побеседуем.

С этими словами Вилиал лёгким движением руки подхватил обескураженного нищего подмышку, поднял его на ноги и посмотрел в глаза.

– У тебя квартира здесь двухкомнатная за углом, на втором этаже – я слышал, участковый говорил, когда ты деньги ему отдавал. Вот там и поговорим.

Испугавшийся такого поворота разговора бедолага от неожиданности отпустил прижатую к животу руку и на асфальт посыпались звонкие монеты и бумажные купюры всех достоинств.

Незнакомец помог собрать деньги, и они двинулись с мужиком через перекрёсток. Никто не обращал на необычную пару внимания, и вскоре они оказались в той самой квартире, о которой было упомянуто выше. По пути Вилиал узнал,

что нищего зовут Прохор, он инвалид с одной почкой, лежал в психической, “ветеран двух отечественных”, готовился лететь в космос и под конец был жестоко обманут собственными детьми, оставившими его без жилья и средств к существованию. Эта квартира якобы не его, а сожительницы, которая умерла год тому назад (почему-то опять в психической), и живёт он там якобы на птичьих правах, пока не объявятся родственники покойной. “Фантазией тебя Бог точно не обделил,” – подумал демон и, захлопнув дверь, оглянулся в квартире.

Уныние, упадок и угнетённость в этом жилище удивительно соседствовали с роскошью, расточительством и рафинированностью. На длинной стене прихожей, покрытой рваными бесцветными обоями, ярким жизненным пятном красовалась большая картина в позолоченной раме – великолепная копия “Последнего дня Помпеи” Карла Брюллова. “Сюда! Лицом к лицу заката, не робея! Сейчас придет к концу последний день Помпеи,” – почему-то сразу вспомнились Вилиалу стихи Бориса Пастернака. Под стать картине притягивала взор средних размеров венецианская люстра на потолке, переливающаяся дорогим стеклом, хрусталём и бронзовыми декоративными подсвечниками. Последним днём Помпеи выглядела кухня этого пристанища, вид на которую, к сожалению, открывался справа. Там царило целое нагромождение грязных тарелок, вилок, стаканов и кастрюль, затянутых паутиной, покрытых пылью и засиженных

мухами. Из кухни тянуло неприятным зловонием и прогоняло быстрее прочь. Пройдя дальше по коридору, гость попал под ничем не примечательную арку, но вот за аркой открывался вид весьма неожиданный и непривлекательно противоречивый.

На покрытом вытертым жёлтым линолеумом полу величественно почивал яркий персидский ковёр ручной работы, изрезанный солнечными узорами и цветущими водяными лилиями. По четырём углам большой светлой комнаты стояли массивные, в полтора метра высотой кованые канделябры, удачно оттенявшие затянутые паутиной почерневшие углы. Слегка откинувшись на стену невысокой резной спинкой, с нетерпением ожидала своего чудаковатого хозяина низкая тахта, обитая богатой индийской тканью с золотой притачной бахромой. Завершал весь этот пёстрый ансамбль с опаской примостившийся на кухонном табурете огромный полупроводниковый ящик с кинескопом, гордо именовавший себя телевизором. Люстры на облупленном потолке не было – видимо, её наличие считалось неприличным излишеством на фоне имеющейся уже в комнате роскоши. На двух смело свисавших с потолка проводках чудом держались грязный пластмассовый патрон и ввёрнутая в него огромная пыльная электрическая лампочка.

Проход молча стоял в коридоре, исподлобья глядя на Вилиала, пока тот рассматривал его уютное гнездо. Редкие невымытые волосы нищего торчали в разные стороны, а все

мышцы, казалось, были напряжены в нервном ожидании.

– От сожительницы, говорите, досталось? – с иронией спросил демон, не оборачиваясь на хозяина квартиры.

– Вы о телевизоре? Нет, сам купил. Я тогда был здоров и хорошо зарабатывал, – с прохладцей в голосе ответил Прохор.

– Я о персидском ковре, картине и канделябрах, – как бы не замечая изменившегося тона “нищего”, парировал Вилиал.

– Ах, это... В наследство получил, тётя умерла.

– Так от чего тогда нищенствуете? Немалые деньги можно выручить...

– Память. Любил тётю безумно.

Вилиал резко обернулся к церковному попрошайке и снова посмотрел в его светлые голубые глаза.

– Я предлагаю вам сделку. Очень хорошую сделку! Я не всякому её предлагаю. Мне нужна лишь правда. Я и так могу её узнать, для меня это не трудно. Но мне нужно узнать эту правду от вас. Вас гложет печаль... это очевидно. Вы совершили когда-то глупую ошибку и до сих пор вас не отпускает отчаяние, поскольку время не повернуть вспять и невозможно что-либо исправить. Вы мне честно и откровенно рассказываете всё, что с вами тогда случилось. Я же... я предоставляю вам возможность искупить свою вину. Я могу это сделать. И после этого вас уже никогда не будут мучить бессонница и дешёвая водка, пытающаяся заглушить беспощадную

память.

Проход исподлобья и молча смотрел на Вилиала, пока тот произносил свою неожиданную речь. Оба не сводили друг с друга глаз, но насколько же разными были их взгляды... Взгляды короля и шута. Один свысока, властный и не терпящий пререканий, холодный и пронзительный. Другой – снизу вверх, прищуренный, двусмысленный, закрытый и притаившийся.

– Кто вы такой? Назовите себя.

– Я слуга того, чьё имя в страхе боятся произнести прислужники веры.

– У меня было мало оснований доверять вам доселе, а теперь их вообще не осталось.

– Вам вообще некому доверять в этом мире, а после того, что с вами когда-то случилось, меньше всего вы можете доверять самому себе.

– Вы действительно можете мне помочь?

– Да.

– Хорошо. Я согласен.

Глава 17. Лаврентий.

– Я не принимал общество. Я был асоциален по своей природе. Меня раздражали собрания, демонстрации, кинотеатры, школы... Даже в детском саду я прятался на прогулке за верандой и сидел там, пока меня не хватались воспитатели – я не хотел общаться ни со сверстниками, ни с ними. Я не понимал, почему общество проявляет ко мне насилие, и почему я должен был подчиняться его глупым законам, принимать его ложную показную нравственность. И в школе, и в институте меня считали белой вороной. Для меня же все окружающие были грязной, серой и безликой пернатой массой. В карканье своём и суете они пожирали друг друга, а я не желал их участи. Я стремился к одиночеству, поскольку не видел вокруг ни друзей, ни единомышленников. Помните, у Достоевского: “Я хочу хоть с одним человеком обо всем говорить, как с собой“. Не дало мне общество такого человека, и я стал делать то, что делают все одинокие души в наше время – я стал пить. В алкогольном угаре я часами вёл с собой душеспасительные и философские беседы, вслух, иногда на повышенных тонах, иногда в обнимку... да, в обнимку с самим собой! Я человек! И мне просто необходимо было кого-то обнимать. И я обнимал себя. Родители оставили меня рано – сначала умер отец, затем мать. Институт я заканчивал

сиротой. Они купили мне небольшую квартиру, когда я поступил в ВУЗ, а сами остались жить в своей трёхкомнатной, в другом городе. У них было две машины, большой дачный участок. Всё это досталось мне по наследству. Плюс сбережения в банке, золотые украшения, облигации... У отца был хороший бизнес, который мать после его смерти некоторое время продолжала, а я просто продал.

Я был богат, но я не чувствовал этого. Мне просто некуда было тратить деньги. Я продал всё, что мне досталось от родителей, и открыл валютный депозит в зарубежном банке под хороший процент. Каждый день я становился ещё богаче, но повторяю – я не чувствовал этого. Мне не нужны были деньги. Я жил в своей захолустной холостяцкой квартире и работал ночным сторожем ради романтики. Зарплаты мне полностью хватало на жизнь и алкоголь. Наконец, настал тот момент, когда мне такая жизнь опостылела. Но я не бросился в банк, не уехал за тридевять земель на песчаные пляжи под тропические пальмы – я просто продал квартиру, уволился с работы и стал бомжом. Я ночевал в теплотрассах, в подвалах, под мостами, в парках. Разбирал помойки, но только ради развлечения – еду я покупал на рынке. Делился пищей с собаками, кошками и крысами. Они меня любили! Мне было с кем поговорить. Они не перебивали, слушали внимательно, не лезли с глупыми замечаниями и рассуждениями. Они были просто идеальными собеседниками! А потом меня обокрали. Я лишился всех денег – видимо, я

не умел их хранить. Правда, остались документы, а значит – счёт в банке. Но сдать? Какова была бы мне цена, если б я тут же бросился к своим запасам, разве имело бы тогда смысл всё моё предыдущее существование? Прожитые годы в образе одинокого холостяка и захудалого бомжа оказались бы выкинуты на свалку, они оказались бы просто бессмысленны. И я решил не отступать. На работу меня нигде брать не хотели, и пришлось встать на паперти у тамошней церкви. Это было десять лет назад...

Не знаю, что он во мне нашёл. Он проходил мимо каждый день и каждый раз бросал монеты именно в мою шапку. Он пытался поймать мой взгляд, я это чувствовал, но всегда опускал голову, якобы в знак благодарности. Он стоял возле меня несколько секунд и уходил. Однажды я заметил, что он рассматривает меня из-за угла дома. При этом он впервые не прошёл мимо, а просто исчез за тем самым углом. Его не было несколько дней, и я почувствовал тревогу. Не столько из-за денег, которые он перестал мне подавать, а из-за... одиночества. Да! Я вдруг осознал, что человек этот стал для меня близким. Я чувствовал от него какую-то доброту, понимание, сочувствие, и теперь это всё исчезло, мне стало его не хватать. Я не вспоминал тогда о деньгах в банке, я был настоящим бомжом – безработным и бездомным, пропитанным перегаром и зловонием. Поэтому я близко к сердцу воспринял внимание того человека, не проявившего брезгливости и презрения. И когда он пропал... пропал всего на несколь-

ко дней... мне стало страшно. На меня вдруг надавил этот бездушный и холодный мир, надавил всей своей тучной бесформенной массой, готовый вот-вот раздавить жалкого человечешку, своенравно обособившегося от него в своей гордой самодостаточности. Казалось, я потерял для себя самое дорогое...

Он появился неожиданно. И он шёл напрямик ко мне с широкой улыбкой, искрящимся взглядом, всё в той же широкополой шляпе и черном драповом пальто, лёгкий серый шарф небрежно обвивал его длинную жилистую шею... Густые тёмные брови, борода клинышком, аккуратные усики, морщинистый лоб – кажется, я готов был расцеловать всё это! Я впервые, не отрываясь, смотрел на него, не украдкой, как обычно, а прямо в глаза, так, как хотел этого он! Право же... он это заслужил.

– Милейший, здравствуйте! Как ваше имя?

– Прохор, – немного растеряно ответил я, не ожидая вопроса в лоб.

– Прохор! Какое замечательное греческое имя!

– Я русский, – немного обиженно ответил я и опустил голову.

– И это замечательно! Скажите, Прохор, вы не могли бы оказать мне одну маленькую услугу?

– Я? Услугу? – я не смог скрыть своего изумления, – и чем же я могу быть вам полезным?

– У меня тут дом неподалёку. Вот за Пятницкой, второй

поворот, а там за магазином, знаете? – начал показывать прохожий, но я смотрел ему в глаза и никак не реагировал. – У меня там проблема нарисовалась... Давеча ветер сильный был, так он, сорванец, повалил во дворе старое сухое дерево, и оно теперь мешается на проходе – ну никак не пройти, чтобы не задеть.

Интеллигент наклонился ко мне, почти к самому уху, и вкрадчиво произнёс вполголоса:

– Вы не помогли бы его убрать? У меня есть пила, топор и всё, что ещё нужно, но нету здоровья... ну ни капельки!

Заложив правую руку за спину, прохожий с натугой и морщась от боли выпрямил позвоночник и посмотрел мне в глаза.

– Вы не откажете? Я заплачу. Очень прошу.

Я не отказал. В тот день я не только разломал упавшее дерево, но и прошёлся граблями по лужайке перед красивым двухэтажным домом, затем вдоль кирпичного забора с железными решётками, сжёг мусор и перевесил почтовый ящик у входа. Обо всё этом меня попросил Лаврентий – тот самый прохожий у церкви, где целыми днями просиживал на паперти бездомный горемыка.

У Лаврентия была семья – молодая жена и дочка лет шести, самому ему было лет пятьдесят и он руководил отделом культуры городской управы.

Я стал приходить к нему каждый день – так хотел Лаврентий и так хотел сам я. Работа в саду с граблями и тяп-

кой, подрезание кустов, сбор урожая, мелкие строительные работы во дворе – всё это заряжало бездомного энергией, он отдавал её тут же, и снова получал взамен. Этот круговорот позволял мне жить, а не существовать. Меня кормили на роскошной веранде, щедро платили и даже провожали и встречали каждый раз у ворот.

Однажды, когда я драл сорняки на заднем дворе между огуречными грядками, ко мне подошёл Лаврентий, молча положил руку на плечо и кивнул в сторону дома. Я видел несколько раз, как хозяин входил и выходил через заднюю покосившуюся дверь в подсобку своего особняка, а потом в какой-то момент вместо этой двери появилась новая, прочная и солидная. Вот к этой двери Лаврентий и подвёл меня, открыл её и пропустил вперёд.

Внутри пахло краской и сосновыми досками. Ярко горел свет, бросая блики на свежеекрашенные в лазурный цвет стены, посередине небольшой комнаты стояли сколоченные им самим деревянный стол и табуретка, а всю дальнюю стену занимала аккуратно застеленная антикварная железная кровать. У правой стены стоял небольшой отреставрированный комод, а по левой стене были закреплены в несколько рядов ровные фанерные полки.

– Теперь ты будешь здесь жить, Прохор. Видишь, я тоже кое-что сделал для тебя, – Лаврентий широко улыбался и смотрел на меня горящим воодушевлённым взглядом.

Я не знал, куда себя девать. Бомж во мне тыркался на по-

роге, боясь сделать шаг вперёд, пока хозяин дома слегка не подтолкнул его вперёд. Я спустился на пару ступенек, ведущих в комнату от входной двери, на ватных ногах прошёлся до дальней стены, зачем-то потрогал дрожащей рукой дужку кровати, медленно подошёл к столу и слегка погладил рукой свежую древесину.

– Нужно ли что-нибудь ещё тебе для счастья, Прохор? – спросил Лаврентий. – У тебя есть жильё, работа, еда и друг!

– Нет... наверное, нет... – мой голос был скомканным и нерешительным, как будто я боялся своего ответа.

– Тогда живи! Хочешь ли ты остаться здесь? Остаться навсегда? Не будет больше теплотрасс и помоек, склонённой головы на паперти и бесконечного пересчитывания мелочи перед магазином. Оставайся!

– Не знаю. Это всё так неожиданно... мне надо подумать... Наверное, да. Я готов остаться!

Я уже давно начал жить в другой реальности. Даже ночуя в подвале после работы у Лаврентия, я там не находился. Выходя за ворота особняка, я погружался в туман, и туман этот рассеивался только тогда, когда я снова возвращался утром к тем же воротам. Я жил только внутри этой благоухающей зоны, огороженной кирпичным забором с железными решётками. Всё остальное у меня проходило, как во сне. Я напрочь забыл о своих деньгах, надёжно спрятанных в зарубежном банке, и, по-видимому, это меня полностью устраивало.

– Ты готов остаться, Прохор? Отлично! Это одна из самых

радостных вестей в моей жизни! Но у меня к тебе есть разговор, Прохор... Разговор непростой.

Лаврентий опустил и склонил набок голову, стараясь заглянуть в глаза человеку, стоящему перед ним в нерешительности.

Я оторвал взгляд от деревянного стола и недоумённо посмотрел на хозяина дома. Лаврентий наконец спустился по ступенькам вниз, усадил меня на табурет, а сам прошёл вперёд и присел на кровати, скрестив руки на коленях.

– Человеку для счастья надо совсем немного, Прохор. И всё, что у него есть больше – это лишнее. И это лишнее рано или поздно становится обузой, оно мешает счастью и наконец отбирает его у тебя. Этот аппендикс надо решительно вырезать, не жалея. Надо принять решение, дорогой Прохор. Многим людям не хватает для счастья того, что тебе совсем не нужно, но ты лелеешь его в закоулках своих страхов. Это мёртвая часть тебя, но кому-то она может дать жизнь. И если она не даст жизнь другому, она убьёт тебя.

Я всё ещё не понимал, куда клонит хозяин. Но лицо его вдруг осунулось, стало серым, глаза впали, а руки под столом сжали друг друга до боли в пальцах. Подсознание уже говорило мне, что оно знает, что произойдёт дальше.

– Я езжу по стране, бываю в самых заброшенных её уголках, у меня такая работа. Много раз я был в детских домах, мы проводили там культурные мероприятия. Но знаешь... недавно я оказался в совершенно особенном детском доме.

У каждого из этих домов свой мир, обособленный от окружающей действительности, но мирок этого дома отличался от всех остальных пристанищ. Там совершенно особенные дети! Я не знаю, как это описать... но у них такие глаза, такие взгляды... Они никогда не бегают и не прыгают. Они всегда сидят вместе, будь то в комнате или на улице. Они ходят только колонной, или группой, друг за другом, и при этом воспитатели совершенно не заставляют их это делать! Даже наоборот, я говорил с несколькими взрослыми из obsługi – они всячески стараются отвлечь детей друг от друга, но у них ничего не получается. Возможно, дети держатся вместе из-за внутренних страхов, возможно, их связывает особенная внутренняя нить. Но дело не только в этом. Если им не помочь, они вырастут взрослыми, которые не будут приспособлены для внешней жизни, для жизни в социуме. Они не смогут быть там рядом друг с другом, и потому потеряют себя. У них практически нет самостоятельных личностей! У них есть только коллективный разум, и если он распадётся... а он распадётся, такова жизнь... они разъедутся по всей стране, может по всему миру, и будут... белыми воронами. Ты знаешь, что такое быть белой вороной, Прохор?

Я молчал, склонив голову, не отвечал и не двигался.

– Ты знаешь. А хочешь ли ты подобной участи для другого человека? Эти дети будут обречены на несчастье, если им вовремя не помочь. А надо им совсем немного. Эти полуразрушенные стены захолустного детдома давят на них, заросшая

кустарником детская площадка искажает восприятие, серые однообразные будни убивают в них так и не родившихся художников, поэтов, инженеров и лётчиков. Они совершенно оторваны от внешнего мира – у них нет ни телевизора, ни радио, только бесконечно потасканные и ломанные старые игрушки, да зачитанные рваные книжки. Им нужен новый детский дом, Прохор! Им нужны такие же свежескрашенные стены, новая мебель, телевизор, радио, книги! Этих детей нужно спасать, Прохор... спасать, пока они ещё дети. Ты ведь знаешь это, Прохор. Потом будет поздно. Потом они станут Прохорами, но у них не будет своего Лаврентия, который сможет им помочь. Лаврентий только один, и это я. Я могу помочь только одному человеку, и я это делаю. Но этот человек может помочь гораздо большему количеству людей, сейчас это возможно сделать, а потом будет уже поздно.

Хозяин дома перевёл дыхание и закончил:

– Я дарю тебе эти покрашенные стены, эту пахнущую свежим деревом комнату и даю другую жизнь. Но мне в ответ нужно совсем немного – только то, что тебе совсем не надо. У тебя есть деньги – вложи их в постройку нового детского дома, в его благоустройство, сделай счастливым себя и этих детей! И весь мир тебе будет благодарен, как никому другому. Мы все ждём от тебя этого поступка, Прохор! Не подведи нас. Но если ты откажешь... Мы никогда больше не увидимся. Сейчас или никогда, Прохор. Сделай свой выбор.

– И что ты сделал? – Инспектор, сидя на тахте, смотрел

в глаза Прохору, которые во время этого рассказа смотрели куда-то в бесконечность, затянутую тяжёлым прошлым.

– Я сбежал. Сказал, что мне надо подумать, второпях собрался, ушёл и больше не появился. Я собрал все оставшиеся деньги и уехал за границу. Но Лавр оказался прав – я не нашёл там другого счастья. В тот самый момент своего малодушия я его потерял и не могу найти до сих пор. Я раскаялся в своём поступке, вернулся через год, но было уже поздно. Лаврентий умер, скончался от тяжёлой болезни. Не в силах находиться в одном городе вместе с тем особняком, где я был когда-то счастлив, я покинул это место. Я купил квартиру здесь, в тысяче километрах от злополучного города, пустился в запой, а затем шальная мысль снова толкнула меня на паперть – в безумной надежде, что Бог даст мне ещё один шанс, и я снова встречу своего, пусть нового, но такого родного Лаврентия.

Это всё.

Глава 18. Ничего я вам не скажу.

Полина решила дождаться темноты и укрылась в сарае на вершине холма. За это время грязь на одежде подсохла, она отряхнула её, достала из рюкзака конфеты, печенье, бутылку сока и с аппетитом перекусила. Наконец, когда солнце склонилось к горизонту, она встала, недружелюбно посмотрела на обвалившуюся расщелину, оставшуюся ни с чем, и направилась в деревню. Проходя по единственной улице среди оклемавшихся после наводнения домов, она время от времени выставляла вперёд руки, пытаясь таким образом уловить энергетический след Вилиала. Но у неё ничего не получалось. Остановившись у одного захудалого двора, Полина закрыла глаза и открыла ту закладку, которую оставила в своей памяти, прикоснувшись к следу в глубокой яме. Опять возник образ молодого человека и он расплылся в широкой улыбке, глядя прямо на девушку. Образ пропал, но остался запах, тот эмоциональный след, который оставляет в вас хорошо знакомый человек. Полину буквально потянуло в сторону двора, возле которого она остановилась, и девушка прошла сквозь открытую калитку. Возле утопающей в зарослях крапивы маленькой избушки сидел на лавке поросший густой растительностью мужичок, уставив свой взор куда-то в сторону заката. При появлении Полины он повернул к ней

голову, усмехнулся и спросил:

– Вы тоже инспектор?

Полина сразу поняла, что попала по адресу.

– Нет, с чего вы взяли? – поправив волосы, она спустила рюкзак на землю и подошла ближе к Фёдору.

– Да был тут один... инспектор.

– И что? Что он вам говорил?

Фёдор посмотрел на девушку внимательно, но ничего не ответил.

– Я разыскиваю этого человека! Он может принести очень много бед. Вы не скажите, куда он пошёл? Только я могу его остановить! – Полина эмоционально подалась вперёд и, казалось, готова была схватить мужика за плечи и вытрясти из него всю информацию.

– Да откуда ж мне знать то? Ниоткуда пришёл, никуда ушёл... Только вам не надо за ним идти. Ступайте с Богом домой, не ввязывайтесь вы в эту историю, целее будете.

– Какую историю? Что он вам рассказал? – девушка была очень настойчива.

– Ничего я вам не скажу. Да и некогда мне, – с этими словами Фёдор поднялся на ноги, достал спрятанный за лавкой холщовый мешок, закинул его верёвку за спину и направился мимо Полины к открытой калитке. Девушка не отступила, но мужчина молча обогнул её и скрылся из глаз.

Она побежала следом, но Фёдор уже запрыгнул на поджидавшую его телегу и крикнул в сторону Полины:

– Отсюда одна дорога – в город!

– Вы подвезёте меня туда?!

– Нет!

Запыхавшийся ангел остановилась и опустила голову: “Ну что ж, придётся идти пешком”. Закинув на плечи свой рюкзачок, девушка вздохнула и отправилась вслед за телегой. Наступала ночь.

Глава 19. Лёня Ветерок.

Вилиал покинул город после разговора с Прохором, сев на электричку и определив следующую точку своего маршрута. Прохору он также обозначил условие, при котором готов был залечить его душевную рану, и тот согласился.

На железнодорожном вокзале, выйдя на конечной остановке, Инспектор спросил у продавщицы журнальной стойки:

– Не подскажите, где гостиница здесь поблизости?

– Да вот тут прямо за поворотом будет, там дурдом, а за ним сразу гостиница, где же ей ещё быть?

Удивившись странной логике пожилой женщины, по которой гостиницы должны были непременно располагаться сразу же за сумасшедшими домами, Вилиал направился по указанному пути. Проходя мимо высокого металлического забора, он не удержался и провёл по решётке пальцами. Прутья были витыми, толстыми, сверху их украшали острые наконечники, и переплетены они были сухим желтым плющом. За забором виднелся небольшой сквер со скамейками, а за ним возвышались белые колонны двухэтажного здания с небольшой металлической табличкой. Надписи на ней видно не было, но демон знал, что там написано: “Государственное учреждение здравоохранения. Специализированная психи-

атрическая больница №. . .”

– Сам бы там полежал, – почему-то сказал Инспектор вслух и пошёл в гостиницу.

Утром, позавтракав в номере, Вилиал купил пакетик с апельсинами и направился в знакомый сквер, для чего ему пришлось обогнуть здание больницы и найти лазейку между стеной и решёткой. В каждом лечебном учреждении есть такие лазейки, а то как же больные будут покупать себе в киосках сигареты и печенье? Видимо, они существуют уже на стадии проектирования.

Чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, Вилиал первое время не выходил из укрытия, а когда из дверей появились первые пациенты, не спеша вышел в сквер и стал прогуливаться с апельсинами по тенистым аллеям, присаживаться на скамейки и жмуриться на восходящее солнце.

Наконец, он заметил больного, сторонившегося остальных людей. Тот двигался как-то неуверенно, как будто боялся наступить в лужу, между тем никаких луж на асфальте не было. Садился больной на скамейку очень осторожно, предварительно ощупав её рукой, и не убирал руку, пока полностью не усаживался. После этого он ставил локти на колени, упирался кулаками в подбородок и надолго погружался в свои размышления, морща лоб и щуря глаза. Роста мужчина был высокого, телосложения спортивного, волосы коротко острижены, а возрасту ему было около сорока лет.

Вилиал поднялся со своей скамьи и перешёл к пациенту.

Сев рядом с ним, но чуть на расстоянии, он прервал задумчивость больного вкрадчивой фразой:

– У меня для вас апельсины.

Лёня Ветерок (а его действительно так звали) очнулся от своих видений и растерянно посмотрел на посетителя.

– Что? Какие апельсины?

– Вот, эти.

Больной взял протянутый ему пакет и пощупал апельсины.

– Спасибо... А от кого они?

– От меня.

– А вы кто?

– Я оттуда.

Лёня осунулся и показалось, что сейчас он упадёт в обморок. Вилиал подсел ближе и поддержал его за плечи. Больной поднял ладони и провёл ими по лицу, растирая кровь.

– Значит, вы всё-таки пришли за мной...

– Не за вами. Никто вас не тронет, отдыхайте, сколько вам влезет. Мне всего лишь надо взять показания.

– Но я же уже давал! Не один раз!

– Не тем людям вы давали показания.

– А вы тот?

– Я – тот.

Лёня откинулся на спинку скамьи. Могло подуматься, что он ищет точку отсчёта, с которой начать свой рассказ, однако мысли Ветерка летели по своим замысловатым траекториям.

Он неожиданно выпрямился и строго обратился к Инспектору:

- Докажите, что вы оттуда!
- Как доказать?
- А вот как хотите, так и докажите!
- М-м-м... а вы точно этого хотите?
- Точно!

Пациент сложил руки на груди и пристально уставился было на посетителя, но тут его внимание привлёк спускающийся с неба жёлтый воздушный шарик с длинной ниточкой. Шарик опускался довольно быстро, как будто падал под каким-то грузом, но ниточка была свободна и на сам шарик сверху ничего не давило. Не долетев до земли каких-то пары метров, шарик внезапно остановился и повернулся вокруг своей оси. На Лёню уставились два огромных круглых глаза с чёрными зрачками, большой красный нос и раскрытый во всю ширь улыбающийся белозубый рот. Через мгновение этот шар буквально родил ещё один, который отделился от него снизу, спустился по ниточке и остановился на её конце. Из этого второго шарика в разные стороны вылезли два надувных рукава цветов морской тельняшки и две ноги, также надувные, одетые в штопаные клоунские штаны. Клоун крикнул: “Оп-ля-ля!”, сделал сальто-мортале и приземлился на шпагат. После этого он подскочил, выхватил откуда то из воздуха широкополую шляпу и стал быстро доставать оттуда сначала небольшого слона, причём настоящего, за-

тем уличный фонарь, игрушечную железную дорогу, байкера на мотоцикле (который сразу же дал газу и умчался вдаль), и наконец целый цыганский табор, обрушившийся звоном бубнов, гитар, плясками и песнопениями. Лёня не выдержал всего этого кавардака, обхватил голову руками и истерично закричал:

– Не надо-о!

Всё вмиг стихло, больной раскрыл руки и не обнаружил возле себя никого, кто ещё недавно свалился ему, как снег на голову.

– Ах, вот вы откуда...

– Ну конечно! А вы откуда подумали?

– А я думал, вы из отдела...

– Тьфу ты, прости грешного.

Вилиал рассказал больному, что он маг-экстрасенс и владеет гипнозом, и лечащий врач попросил его помочь Лёне. Здесь пора перейти к той истории, которую Инспектор вскоре попытался выведать у душевнобольного и посадить его на крючок. История может показаться вам сумасбродной, но поверьте, то, что я описываю в своём Дневнике, взято точно из тех же источников, откуда свою историю взял и этот пациент.

Глава 20. Три кнопки.

– Всё началось с того, что в один из морозных зимних дней я простыл и слёг с температурой. Жар был очень сильным, я бредил и не мог понять, в какой момент сплю, а в какой бодрствую. То мне казалось, что я встаю и иду в туалет, то вдруг я открывал глаза и видел сидящую передо мной жену с градусником и мокрым полотенцем. Все эти прыжки сознания утомляли меня ещё больше и осложняли и без того плачевную ситуацию. Однажды ночью я проснулся в полной темноте и ощутил себя абсолютно здоровым. Тихо ступая, чтобы не разбудить жену, прошёл на кухню, выпил воды, а затем по-настоящему сходил в туалет. Довольный, я лёг обратно в кровать и с серьёзным видом стал думать, что, возможно, в разгар болезни я путешествовал вне тела, о чём много читал в бульварных журналах. Почему-то мне в тот момент пришло в голову, что попробовать там оказаться именно сейчас является без сомнения удачной идеей...

Закрыв глаза, я дал телу расслабиться и постарался остановить поток бурных мыслей. Это было нелегко, я уже пробовал проводить такие опыты, но у меня ничего не получалось. Сейчас же, видимо, учитывая последствия болезни, тело быстро оставило сопротивление и я почувствовал, как меня подхватывает неведомая сила и уносит куда-то вверх. От-

крыв глаза, я увидел свою комнату с высоты потолка, освещённую тусклым сиянием неведомого источника; вещи как будто светились сами по себе сумеречным светом. Я увидел своё тело, лежащее под одеялом на кровати, а затем посмотрел на то, чем был сейчас на самом деле. Мои руки состояли из миллиона ярких звёздочек, это было восхитительное зрелище! Я водил ими из стороны в сторону и они послушно выполняли все мои указания. Я захотел приземлиться на пол, и моё желание тут же было исполнено, однако закрепиться на полу оказалось не так уж просто. Меня шатало из стороны в сторону, как на сильном ветру, и я чувствовал себя как пьяный, не в силах удержать равновесие. Вдруг неожиданно неизвестная сила подхватила меня, подняла вверх и прижала в углу потолка, затем бросила в другой угол, и так несколько раз швыряла по комнате, пока я в страхе не очнулся в своей кровати.

Признаться, выходить в астрал мне после этого совсем расхотелось. Я включил ночник, посидел немного при свете, а затем лёг обратно. Уже стало светать, когда я наконец успокоился, закрыл глаза и погрузился в сон.

Очнулся я посреди широкой улицы незнакомого города, окружённый старинными домами с черепичными крышами. И впервые понял, что сплю. Это понимание пришло из ниоткуда, просто обрушившись на меня холодным ушатом тайного знания. Я тут же испытал восторг, но сразу испугался, что могу проснуться. Больше всего на свете я боялся нару-

шить этот хрупкий баланс между двумя реальностями, и потому старался не делать никаких резких движений. Картинка перед глазами начала расплываться, и мне стоило огромных усилий, чтобы вернуть её обратно. Я снова посмотрел на свои руки и увидел, что был одет в давно забытую фланелевую рубашку из детства, но тут меня поразило самое главное – количество пальцев на моих руках! Я пересчитывал их раз за разом и не уставал недоумевать, каким образом на моих ладонях умещается по шесть пальцев? Вот первый, я загибал его, затем второй, третий, четвёртый, пятый и... о, шестой! Тот же опыт я повторял и с другой ладонью, перебирая все пальцы, но она тоже оказывалась шестипалой!

Наконец, я решился на первый шаг по неведомой мостовой. И да! Я мог ходить! Я ступал так, как наверное ступают на хрупкий лёд первые почитатели зимней рыбалки. Я чувствовал босыми ногами холодные камни, как и в обычной реальности, я даже наклонялся и касался их руками – никакой разницы! Выпрямившись, я посмотрел по сторонам. Мимо меня шли люди, ничем не отличавшиеся от настоящих, все были в своих раздумьях и разговорах. Тут я набрался наглости и решился на довольно смелый поступок – остановил спешащую куда-то девочку с большим голубым бантом, слегка наклонился к ней и спросил:

– Привет! Скажи мне, что это за мир?! Он что, реально существует, или это просто игра моего воображения?

– Конечно, он реально существует! Это независимый, от-

дельный мир, – неожиданно ответила она.

Я был в шоке. Прежде всего от того, что со мной вообще заговорили, и только потом уже от самого ответа. Я спросил дальше:

– А насколько я для тебя реален?

– Совершенно реален.

– А другие, такие же, как я, здесь ещё есть?

– Да, бывают, но редко. Мы вас называем привидениями.

Нет, вы слышали? Они называют нас привидениями! А они-то тогда кто?

А ведь если призадуматься... то так оно и есть. Мы – привидения. Ведь для этой девочки и остальных жителей таинственного города мы существа из другого мира, другой реальности. И мы сами называем таких потусторонних существ – привидениями. Только они не шарахаются из стороны в сторону и не бледнеют при нашем появлении, поскольку, видимо, находятся на гораздо более высоком уровне восприятия и развития...

Затем лицо девочки стало расплываться, его очертания поменялись и передо мной уже оказалась божья старушка, от которой я сразу отпрянул и быстро пошагал в сторону. Вспомнив из рассказов других людей о возможности летать во сне, я оттолкнулся от мостовой, подпрыгнул, но у меня ничего не получилось. Видимо, мне не хватало смелости и веры, и тогда, уже отвергнув всякие сомнения, я разбежался и взмыл в воздух. Как будто неведомая сила подхватила ме-

ня за шиворот и подняла ввысь! Я прямо чувствовал хватку незнакомого существа у себя за спиной, но там никого не было. Я полностью управлял своим полётом – поднимался выше и опускался ниже, поворачивал, витал между деревьями и домами, и всё это происходило по мановению мысли, стоило только пожелать, проявить своё намерение – и желание тут же осуществлялось.

Наконец, на бреющем полёте я плавно опустился на землю, пробежав немного по инерции, словно парашютист, и оказался за городом на какой-то поляне. Рядом протекала река, вдали шелестел зелёный лес, резвились мелкие птицы, но вдруг картина резко и полностью сменилась, как будто я попал в другой сон. Я оказался внутри пустого здания, в длинном коридоре со множеством дверей. Я по-прежнему знал, что сплю, но боялся проснуться или потерять эту осознанность. Когда пропадала резкость в глазах, я смотрел на свои руки, концентрировался, и тогда все их линии и складки обретали свои очертания, а всё остальное вокруг меня тоже становилось устойчивым.

Я неуверенно пошёл вдоль коридора и стал открывать двери одну за одной, но находившиеся там кабинеты были пусты, и я шёл дальше. В какой-то момент мой коридор пересёкся с другим коридором, я повернул туда и побежал, потом ещё за угол, и так несколько раз. Видимо, я пытался обмануть кого-то, кто не хотел встретиться на моём пути, и мне это удалось. За очередным резким поворотом я попал

в фойе, где застал врасплох, как мне показалось, беседующую о чём-то компанию мужчин в деловых костюмах. Запомнился мне прежде всего высокий с длинными седыми волосами “предводитель”, посмотревший на меня тогда хмуро и неприветливо. Другой был тоже высокий, худой, в очках, держал в руке какую-то папку и при моём появлении он слегка улыбнулся. Третий был роста небольшого, и я его почему-то вообще не запомнил.

– А ты здесь чего делаешь? – грозно спросил Предводитель.

Я замешкался, почувствовал себя виноватым, но решил закосить под дурачка.

– Извините, я просто хотел кого-нибудь найти, я здесь в первый раз! Вы не подскажите, где я нахожусь, что это за мир?

– Тебе уже всё сказали, чего тебе ещё надо? – Предводитель был суров, но эта суровость была показная, именно так я её почувствовал. Угрозы от него не исходило.

И тут меня как прорвало. Я рассказал ему про все свои несчастья, начиная с детства, потом армия, семья, работа, здоровье, деньги... На удивление, вся моя история уместилась в одном нецензурном предложении. Видимо, у той реальности имеются совершенно другие пространственно-временные характеристики, если они вообще есть, но, выпалив на одном дыхании всё, что я думаю по поводу своей жалкой жизни, я как-то сумел донести до слушателей суть своей про-

блемы. Когда последние злобные звуки слетели с моих уст, я испугался. Со мной могли сделать всё, что угодно, наказав за мою грубость, наглость и несдержанность, но Предводитель не дрогнул ни одной мышцей лица.

– Ну, понятно. Ладно, посмотрим, что можно сделать.

Меня провели в кабинет, дверь в который неожиданно появилась за спинами таинственной тройцы, и усадили на стул перед круглым столом, на котором стоял странный ящик. В кабинете все очертания были невероятно чёткими, ничего не расплывалось, и на лицах моих собеседников была видна каждая морщинка. Главный сел за стол, упёрся в ящик, понажимал по кнопкам, подвигал ручками, затем выпрямился в кресле и посмотрел мне в глаза.

– В общем, так. В течение своей жизни ты набрал три балла деактивации, что является неплохим результатом. Теперь ты можешь отменить любые три параметра, применённые к тебе при рождении. Список смотри сам.

Он повернул ко мне ящик, на котором были в беспорядке разбросаны большие круглые кнопки, и на каждой из них горела соответствующая надпись:

1. Бедность
2. Болезни
3. Семья
4. Лень
5. Эго
6. Гнев

7. Похоть
8. Жадность
9. Отчаяние
10. Зависть
11. Страх

– А почему одиннадцать? – спросил зачем-то я.

– Потому, что одиннадцать, – ответил очкастый, голос которого я услышал впервые. Видимо, он был программистом, который отвечал за количество кнопок.

– Семь мало, а тринадцать много, – добавил главарь банды.

Я многозначительно кивнул, хотя ничего не понял. Хотелось задать вопрос, что произойдёт, если я нажму ту или иную кнопку, но в голове вдруг сама собой возникла ясность: эти кнопки выключали ту или иную составляющую моей судьбы.

Бедность... выключить эту кнопку было огромным соблазном, даже если бы у меня был только один шанс. Наверняка я выиграл бы в лотерею или получил наследство, или нашёл клад. Не скажу, что испытывал тогда сильные неудобства с деньгами, но денег, как известно, много не бывает. Поэтому здесь у меня сомнений практически не было. Оставалось две.

Болезни... Здоровье, как известно, не купишь. Перечислять все мои недуги можно было в течение нескольких научных семинаров. Если бы выдавали Нобелевскую премию за

количество болячек на кубический сантиметр тела, я без сомнений стал бы её лауреатом, а вопрос с бедностью отпал бы сам собой. Но номинации такой не существовало, а позвоночник, печень и головные боли напоминали о себе постоянно. Кнопку с болезнями я тоже приготовил для нажатия.

Семья. Что могла изменить эта кнопка, и каким образом? По сути, семьи-то у меня и не было, поскольку называть эту несурязицу семьёй было весьма завышенной оценкой. И причиной этому я почему-то видел свою жену. Мне хотелось согласия, тепла, уюта и заботы, которые по моему мнению царили в других нормальных семьях, а между нами небыло никакого взаимопонимания. Жить под одной крышей с «чужим» человеком казалось мне невыносимо тяжело. Постоянные стычки по поводу и без, отсутствие общих интересов, нежелание пойти на компромисс заставляли меня подолгу задерживаться на работе или искать общения с друзьями и подругами. Тяготило и то, что свидетелем этой нелюбви отца и матери был сын. Эту кнопку мне тоже захотелось нажать, но ведь было ещё семь штук, и меня разбирало любопытство.

Лень... О-о-о! Почему можно было нажать только три кнопки? Это несправедливо! Я страдал всеми основными видами лени. Мыслительной, потому что часто избегал необходимости думать, изучать, читать, запоминать и анализировать информацию. Попытки же придумать выход из какой-либо ситуации приводили лишь к негативному заключению – всё равно ничего не получится. Физическая лень вали-

ла меня с ног ещё до того, как я принимался что-либо делать, а устать от этого уже не успевал. В результате почти все процессы жизнедеятельности в моём организме были заторможены. Лень эмоциональная лишала меня возможности любить, сочувствовать, веселиться. Безразличие к любым чувственным проявлениям перерастало в апатию и через эмоциональный голод приводило к скуке и депрессии. Получалось так, что негативное восприятие и недостаток знаний мешали мне найти высокооплачиваемую работу, физическая лень усугубляла проблемы со здоровьем, а эмоциональная создавала проблемы в семье. Невольно приходилось задуматься – а те ли кнопки я уже принял решение нажимать?

Эго. Я не знал тогда, что подразумевала под собой эта надпись, но я воспринял её как часть слова Эгоизм. Далее из него следовал один из смертных церковных грехов – Гордыня. Не спорю, такой грешок за мной водился, и порой мешал жить среди людей, общаться, связывал по рукам и ногам. Однако, становиться тихим, скромным и смиренным мне претило. Окунаться в чувство неполноценности и жалости к себе казалось смерти подобным. В попытках же доказать окружающим свою ценность и правоту я пёр, как “Титаник” на айсберг, и получал соответствующий результат – крушение надежд и планов. Но с этим можно было справиться самому, без кнопки, стоило только взять свою психику под контроль и проявлять больше осознанности и уважения к окружающим.

Гнев. О, эта эмоция разрушала меня изнутри больше других. Обострённое от природы чувство несправедливости вкупе с повышенным чувством собственной важности часто перерастали в злость и требовали отмщения. Гневу способствовало и нервное истощение, которое было связано с неудачами на работе и семейными неурядицами. Мог ли я научиться контролировать его, как гордыню, и тем самым сэкономить такую важную кнопку? Мог, если бы были решены проблемы с женой и невысокой зарплатой. Получалось, этот пункт был зависим от других и отходил на второй план.

Похоть. А что мне оставалось делать? Опять же, всё простекало из-за неудовлетворённости в семье. Я был и остаюсь мужчиной со всеми его придатками и желаниями, данными природой, и если мои физические потребности не находят удовлетворения, похоть только возрастает и приобретает характер извращения. Вожделение было дано мне с рождения, и следовало заниматься серьёзным развитием духовных ценностей, чтобы бороться с ним, а мне это было лень. Получается, все кнопки цеплялись одна за другую, и выбор между ними становился всё сложнее.

Жадность. Жа-а-а-адность... Эта черта характера проявлялась у меня в нежелании чем-либо делиться. Я считал, что имею недостаточно много для того, чтобы отдавать, но при этом не понимал, что для того, чтобы что-то получить, надо сначала что-то отдать. Это касалось разных мелочей, от конфет в детстве до милостыни во взрослой жизни. Причи-

ны для отказа в милостыне находились довольно быстро: 1) её Бог наказал, я не должен мешать его воле, 2) стоит на паперти от лени, пусть идёт работает, 3) почему я должен ему помогать, вдруг он убил кого-то или просто садист, 4) я ему денег дам, а он напьётся... Это сейчас я начал понимать, что главное не то, кому ты дал, а то, что ты вообще это сделал. Дверь-то открывается вовнутрь, а не наружу, и нечего её ломать. В общем, в жадности я тогда себя уличил, но тратить кнопку на её деактивацию не захотел. Как знать...

Отчаяние. Говорят, это самый страшный грех. Печаль, грусть, уныние, тоска сродни отчаянию. Один священник говорил мне, что все испытания надо принимать в бодром состоянии духа, с верой, надеждой и любовью. Иначе человек совершает преступление перед Богом, отказывая ему в доверии. К тому же, такое неверие, как отчаяние, предоставляет душу самой себе, и человек становится на краю пропасти, имя которой – душевная болезнь. Тогда я ещё не имел чёткого представления о том, к чему может привести меня осознание безысходности... иначе бы я точно нажал именно эту кнопку, и с вами бы сейчас не разговаривал. Вижу по вашим глазам, что вы прекрасно знаете цену отчаянию.

Зависть. Постоянно сравнивать себя с другими, с их достижениями, имуществом, окружением, здоровьем... таков удел обычного человека. Ибо сказано – всё познаётся в сравнении. Только глупые люди понимают эти слова совсем не так, как следует. Нельзя никого и ничего сравнивать ни с

чем, кроме него самого. Ну какой смысл сравнивать гору и море? А ведь люди такие разные... кто гора, кто море, кто ветер, кто огонь. Тогда я был не так духовно развит, как сейчас, и потому медленно и верно каждый день убивал себя этим низменным чувством. А в виду моего невысокого социального положения получалось у меня завидовать весьма успешно. Желание обладать тем, чего у тебя нет, а есть у другого – это яд, и если у тебя недостаточно сил и мудрости повторить или не заметить его успех, ты не имеешь противоядия. Я просто обязан был тогда нажимать эту кнопку, столь милостиво подаренную мне Предводителем, но я об этом ещё не знал. Вот вам и пример сравнения себя с собой. И чему тут завидовать?

Страх. Страх – это главный враг человека. Человек сталкивается со страхами на протяжении всей своей жизни, даже если не осознаёт этого. Страх Бога, страх потери, страх смерти, страх неизвестности, страх боли, страх стыда – да их тысячи! И главное средство против страха – это идти ему навстречу. Другого спасения нет. Все остальные методы дают лишь временный эффект, и страх со временем возвращается, когда эффект затухает. Только сразившись со страхом и победив его, вы навсегда избавитесь от него. Выбор за вами. Я выбрал другую кнопку.

Неожиданно картинка перед глазами стала расплываться, не оставляя мне больше времени на выбор, и меня поторопили.

– Ну, вы готовы? – спросил Предводитель.

– Да, – ответил я, нажал три кнопки и очнулся.

Я лежал с открытыми глазами. Я помнил всё, что со мной произошло в том мире. Мостовую, девочку, коридор, Предводителя. Я был шокирован. Допустить ли всё это сюда, в эту реальность, поверить или назвать сном и забыть? Я не чувствовал, что произошедшее ускользает от меня, как это бывает со снами. Я знал, что до конца своей жизни не забуду того, что со мной произошло тогда. Я помнил каждую деталь и каждое мгновение, я не помнил только одного... Я не помнил, какие именно кнопки я нажал на том злополучном ящике.

Весь день после осознанного сновидения прошёл как в тумане, я всё ещё не мог отойти от ночного происшествия. Я смотрел по сторонам, вглядывался в лица людей, дотрагивался до камней и никак не мог понять – в чём разница? И где же настоящая реальность – тут или там? И когда мы на самом деле спим, а когда бодрствуем? На работе я молча исполнял всё, что мне говорили, там даже поинтересовались, не заболел ли я, так как вид у меня был отрешённый... А после работы, когда я пришёл домой и никого не застал, прозвенел телефонный звонок: “Такси, в котором ехала ваша жена, попало в крупную аварию. Ваша жена погибла... Мы очень сожалеем. Вы должны приехать на опознание”. Я повесил трубку и сел на диван. Первая кнопка – Семья.

Второй кнопкой была Бедность. Не знаю почему, но особо

я не удивился – на следующий день после похорон жены, когда приехала тёща и забрала сына со словами: ”Ты его погубишь, как мою дочь”, позвонил какой-то юрист и сказал, что ему поступили бумаги на право моего наследования части состояния умершего за границей дяди. Банально? Но факт. Как видите, такое случается не только в мыльных операх.

Вскоре я смог убедиться в том, что и третьему моему желанию суждено было сбыться. Через некоторое время я вдруг осознал, что у меня изменилось отношение к окружающему миру и людям. Сначала я это связывал со смертью жены, но позже ко мне пришло осознание, что же это на самом деле. Я целыми днями сидел то на диване, то у окна, то на скамейке в парке и мне всё время казалось, что я ещё не очнулся от того сна. Я был наблюдателем. Я смотрел на радостных птиц, клюющих брошенные мной на асфальт хлебные крошки; смотрел, как плавно течёт река, меняясь каждую секунду, но при этом оставаясь самой собой; смотрел на пылающий на горизонте закат и осознавал, что когда-то больше не увижу всей этой красоты. Меня не будет, а закат останется... Никто не вспомнит о Лёне Ветерке, но мне при этом было абсолютно всё равно. У меня не было никакого желания ни оформлять свалившееся на голову наследство, ни заниматься карьерным ростом на работе, ни ругаться с лезущими вперёд очереди старушками. Я помогал после работы вынести уборщице мусор, переводил через дорогу инвалида, не спеша шёл домой и равнодушно пропускал мимо

ушей ругань спотыкающихся о меня прохожих. Я перестал бояться смерти, начальства, темноты, пауков и прочего. Исчезла потребность в деликатесах, страсть к футболу и женщинам, и даже тайные мечты о победе на президентских выборах. Я лишился Эго.

Однако, что может произойти с человеком, когда он лишается своей системы навигации, автоматического движущего механизма? Он теряется и оказывается на необитаемом острове. Ах, если бы я был подготовлен к такому переходу, я бы стал просветлённым гуру и внутри меня царил бы волшебный мир благоденствия и успокоения. Но внутри меня оказалась пустота, которую нечем было заполнить. Я начал читать духовную литературу, и это в какой-то мере помогало мне существовать внутри себя, но для общества я был потерян. Совсем скоро общество это заметило и не смогло примириться, видимо, приняв меня за вредоносную бактерию. Так я оказался здесь.

И только здесь я окончательно осознал, что тогда, во сне, поддавшись искушению Предводителя, я сам убил свою несчастную жену – её мама оказалась права. В погоне за лучшей жизнью, за какими-то призрачными фантазиями я не смог или не захотел разглядеть самого главного. Все мои несчастья крылись во мне самом – я видел всё вокруг себя искажённым и негативным взглядом. У меня была прекрасная работа – я её ненавидел. У меня была прекрасная семья – я её не ценил. Мне хотелось больше денег – а я не умел рас-

порядиться даже теми, которые имел, спуская их на ненужные вещи. Я ругал этот несовершенный мир, но то была просто жалость к себе, которая серой паутиной обволакивала сосущего палец неудачника. Я ошибся во всех трёх кнопках. Я потерял жену, сына, не получил денег и остался без жизненной силы, которую давало мне Эго. Мне не хватало только вектора, чтобы направить эту жизненную силу по нужному руслу, я всё время сворачивал не туда. Я напрасно проводил параллель между понятиями Эго и Гордыня. Тщеславие – лишь искажённое проявление несовершенной личности в мире гармонии и единения. Мы рождаемся в социуме по воле Создателя, и не должны от него бежать, проявляя слабость и трусость, скрываться в горах и лесах, прячась в землянках. Силу нашего Эго необходимо использовать, но при этом сделать, пожалуй, главное, чего хочет от нас Природа – остаться или же стать человеком, Человеком с большой буквы.

У меня не осталось больше никаких желаний, исчезнувших вместе с Эго, кроме одного. Я хочу вцепить свои жаждущие крови пальцы в белую шевелюру ненавистного Предводителя и бешено колотить его голову о стены бесконечного коридора, в котором он поджидал меня и где пошла под откос вся моя предыдущая жизнь – счастливая, но не прожитая.

Лёня оторвал свой взгляд от лица таинственного посетителя и склонил голову к коленям.

– Я помогу тебе в этом.

– Вы? Вы его знаете?

– Конечно. Редкостная сволочь.

– И вы проведёте меня к нему?

– Проведу. По тому самому коридору. Я знаю, где это, – незнакомец перевёл свой взгляд на лоб больного и пробежал им до самой макушки. – И ты сможешь с ним сделать всё, о чём мечтаешь.

– Когда, когда вы проведёте меня к нему?!

Инспектор наклонился к уху больного и стал что-то быстро говорить ему шёпотом, изредка прерываясь для того, чтобы заглянуть в глаза несчастному и убедиться, что тот слушает его.

Глава 21. Первое свидание.

Полина благополучно добралась до города на попутке, которую остановила уже под утро. Несколько задумчивых часов она шла по просёлочной дороге в полном одиночестве, сопровождаемая лишь таинственными контурами деревьев, бездонным звёздным небом и свежим ароматом ночной прохлады. Водитель оказался священником, который приезжал в деревню осмотреть место пожара и организовать похороны погибшего в огне батюшки. Он долго сокрушался по поводу трагической смерти и сожалел, что батюшка не выбежал из храма, а пытался потушить пламя. Полина спросила, не было ли обнаружено поджога и не была ли гибель служителя церкви убийством. Священник за рулём перекрестился и высказал уверенность, что в их краях нет человека, способного совершить подобное преступление. После замечания девушки: “Ну, может это был не человек...”, святой отец внимательно посмотрел на неё, и всю оставшуюся дорогу не вымолвил ни слова.

Полина покинула попутку у входа в церковь, а сама машина въехала во двор храма. Девушка ужасно хотела спать, но просить шокированного священника ни о чём не стала. Уже собравшись перейти на другую сторону улицы, она вдруг почувствовала знакомый запах энергетического следа. Огля-

девшись, Полина подошла к сидящим на паперти попрошайкам и поинтересовалась, не видели ли они в последние дни странного человека, и коротко описала Вилиала. Все нищие хором заявили, что видели точно такого мужчину и стали просить у неё денег в обмен на информацию. Не особо веря в их искренность, Полина подошла к одинокой старушке и спросила, видела ли она этого человека. Та потупила взор и сказала, что девушке не следует искать странного мужчину, ибо он может принести ей немало бед. Тот человек увёл собой бедного Прохора, и нищий после больше не появлялся.

Однако Полина разузнала у старушки адрес Прохора и, несмотря на жуткую усталость, отправилась на его поиски. Она и так сильно отстала от демона, поэтому не хотела терять ни минуты. Дверь никто не открывал, и тогда Полина постучалась к соседям, которые спросили, кем она приходится хозяину квартиры. Девушка назвалась племянницей покойной жены Прохора, и соседи с облегчением отдали ей ключи.

Войдя в квартиру, ангел почувствовала, как сильно застучало её сердце. Совсем недавно эти стены видели человека, который был главной целью её тяжёлого путешествия, и встретиться с которым ей предстояло лицом к лицу. “Он прошёл по этому затёртому полу, двинулся на кухню... фу-у-у... посмотрел на эту чудесную люстру, потом вошёл в комнату...” Полина увидела всю ту же двуличную обстановку, которая так поразила демона. Она решила, что хозяин квартиры здесь больше не появится, и после недолгого осмотра

комнаты без сил опустилась на тахту и закрыла глаза. Сон в мгновение ока завладел её расслабленным телом, и девушка провалилась в омут беспамятства.

Полина шла по огромному цветущему полю, воздух благоухал ароматами луговых цветов, а в лазурном небе лёгкой белой ватой плыли наперегонки редкие облачки. Над головой девушки, казалось, носились все виды птиц, какие только можно было встретить в самых отдалённых уголках этой планеты. Смешные жёлто-зелёные колибри порхали в воздухе своими невидимыми крылышками, высоко в небе парили красноголовые японские журавли, а чуть ниже их стая яркоклювых туканов пролетала над семейством удивительной окраски зимородков. Попугаи ара и какаду, розовые фламинго, золотые фазаны, венценосные голуби и многие другие птицы то появлялись, то исчезали перед взором Полины. “Ах, как же хорошо жить! И почему люди не видят всей это красоты?” – думала Полина и бежала навстречу тёплому ветру в развивающемся прозрачном платье.

Но неожиданно она увидела впереди себя одинокую человеческую фигуру, идущую ей навстречу, и умерила свой бег, перейдя на шаг, а затем остановилась. По мере приближения незнакомца девушка стала понимать, что видит того молодого мужчину, который явился ей на дне расщелины. Вот только лучезарной улыбки у него теперь не было, он смотрел куда-то мимо Полины, вдаль, совсем не замечая её, и взгляд его был растерян и задумчив. Девушка решила поздороваться.

– Привет!

– Здравствуй. Кто ты?

– Ангел! А ты?

– Я? Не знаю... но иногда мне кажется, что я демон.

Приветливая улыбка Полины исчезла, что сделало мило-видное личико серьёзным и хмурым.

– Так значит, это ты...

– Ты меня знаешь?

– Не то, чтобы, но имею представление.

– Я тебе раньше видел? У тебя знакомое лицо.

– Ты не мог меня видеть.

– Мог, я знаю точно, – и после недолгой паузы совсем дру-гим, низким голосом он добавил: – Просто ты тогда была ма-ленькой девочкой...

Всё вокруг потеряло свою форму и исчезло. Исчезли зелё-ный луг, разноцветные птахи и лазурное небо. Девушку и мо-лодого человека окутал серый туман, казавшийся каким-то вязким и липким. Они были на расстоянии вытянутой руки друг от друга, и Полина начала бояться прикосновения де-мона.

– Ты не мог меня видеть, мы никогда не были знакомы! – в отчаянии закричала она.

– Ты спала. Ты и сейчас спишь, – постепенно черты ли-ца юноши стали обретать очертания мужчины с фотогра-фии, которую ангелу показали в Небесной Канцелярии. Вис-ки поседели, глаза впали, выступили скулы, а проницатель-

ный взгляд казалось смотрел прямо внутрь Полины, отчего впадина между её бровями начала болеть.

– Как ты меня нашла? Что ты тут делаешь? Что вообще происходит?!

Полина испугалась и проснулась. Холодные капли пота стекали по её вискам, а на лбу выступила испарина. Сон как рукой сняло, но солнце уже всходило, так что девушка проспала долго. Полине почему-то теперь совсем расхотелось преследовать демона, но другого выбора у неё не было. Какая-то тайна крылась за всем этим, и у юного ангела возникло неприятное чувство, что от неё скрыли важную информацию. Однако, нужно было продолжать следовать за Вилиалом, каким бы он не был в действительности – молодым или старым, мягким или суровым. Необходимо было сначала настичь его, а уже затем решать, как поступить.

Позавтракав в привокзальном кафе, девушка взяла билет до ближайшего города. Вилиал собирал людей... То, что он затевал, собирая души встречных, наверняка было ужасно, и Полина хотела как можно скорее прекратить эту жатву. Она шла по его следу, но теперь он, видимо, об этом знал.

Глава 22. Инспектор душ.

Дверь бара обречённо открылась, звякнув колокольчиком, и впустила на порог редкого ночного посетителя. Высокий мужчина средних лет был одет в длинный кожаный плащ нараспашку, из под которого загадочно выставлял себя напоказ таинственный медальон с перевёрнутой пентаграммой. Твёрдой походкой под звонкую чеканку каблуков он не спеша подошёл к стойке, присел на высокий барный табурет и окинул взглядом полупустое помещение.

Бармен, машинально протирая и без того начищенный фужер, исподлобья оценил посетителя, бросил взгляд на витрину, остановил его на открытой бутылке односолодового ирландского виски и участливо поинтересовался у незнакомца:

– Дождь уже закончился?

– Определённо, – не оборачиваясь ответил мужчина и, прищурившись на пару одиноких фигур в конце зала, закончил – Да, этот виски, двойной.

Вилиал взял стакан, наклонил в задумчивости голову и прошёл за соседний с замеченными людьми столик. Сидевшие в тени зала женщины негромко вели свою беседу и на появление посетителя не обратили особого внимания. Сев за свой стол, мужчина откинул на спинку стула тяжёлый плащ

и незаметно прислушался в разговору.

– А может, просто одну пуговицу срезать?

– Не упрощай! Тоже мне... Сказано – одежду с пуговицами. Слушай дальше. Идешь на кладбище, ищешь могилу с именем, как у твоего мужчины, затем прячешь у подножия катушку с красными нитками...

– О, Боже. Может, ты за меня это сделаешь? Ну пожалуйста! Мы же подруги...

– Совсем очумела что-ли? Хватит паниковать! Дальше слушай. Через три дня забираешь эту катушку...

– Опять на кладбище идти?!

– Нет, блин, а как ты себе иначе это представляешь? Итак, этими нитками перешиваешь все пуговицы на его одежде. И при этом приговариваешь...

Женщина, одетая в белую блузку в тон окрашенных волос и строгий чёрный деловой костюм, повернула длинную тонкую шею по направлению к незнакомцу, выдержала паузу, наклонилась к смуглой подруге в вечернем платье и уже шёпотом тихо произнесла таинственное заклинание.

– У-ужас, – только и смогла вымолвить в ответ ошарашенная подруга.

Сидящий за соседним столиком мужчина с таинственным тотемом на груди, вошедший несколько минут назад, допил свой стакан, потянулся за кошельком в карман и случайно выронил на пол потёртую брошюру. Неудержимым движением глаз собеседницы тут же вонзили в неё свои взгляды.

ды и прочитали название – “Порчи, заговоры и привороты чёрной магии”. Многозначительно переглянувшись, девушки заинтересованно посмотрели на Вилиала, причём постарались это сделать максимально заметно. Их явно тянуло на знакомство.

– О, я вижу, вас смутила моя книжка? Не обращайтесь внимания! Купил на вокзале, чтобы скоротать время в дальней поездке...

– Ну почему же? Видимо, очень интересная книжка. А вы всю её прочитали?

– Да я так, слегка пробежался по страницам. Поверьте, ничего интересного и нового, особенно привороты. Ну хоть бы кто-нибудь что-то действенное написал, одна шелуха. Никакой личной практики у людей, только ширпотреб. А вас что, интересуется?

– Очень!! – хором ответили подружки, но даже не улыбнулись этому. Лица их были серьёзны, а глаза просто живьём съедали незнакомца.

– Ну... Тогда могу поделиться опытом, – мужчина приветливо улыбнулся и широким жестом руки пригласил девушек за свой стол.

Однако, прежде всего он попросил их в подробностях рассказать ту историю, которая привела подруг в бар. Брюнетка в вечернем платье, которую звали Марина, слегка покраснела и потупилась, но Вилиал убедил её, что по окончании истории он со стопроцентной гарантией разрешит все трудно-

сти. Она согласилась.

– У меня был очень сложный период несколько месяцев назад. После непродолжительной совместной жизни с мужем и рождения ребёнка я начала замечать за ним неприятные странности. Он стал замкнут, больше времени уделял работе, чем дому, по вечерам старался уединиться. Я не понимала, почему это происходит... до поры до времени. Постепенно обрывки картины стали складываться в единое целое, здесь помогли подруга и мама – их жизненный опыт сыграл решающую роль в том, что у меня наконец открылись глаза. Мой муж стал мне изменять! О, поверьте, нет ничего тягостнее на свете, нет большей муки для любой женщины, чем сознать, сидя вечером в пустой комнате, что твой муж сейчас с другой. Это её он ласкает, нежно целует в губы, это она делает его любимый салат, наливает стакан вина... А ты сидишь на своём задрипанном диванчике в потасканном халатике и грызёшь ногти от зависти и тоски. И это чувство, когда у тебя что-то украли, это ужасное непередаваемое чувство... Твоё! Личное! Нажитое! Обманули, обвели вокруг пальца. Это обжигающее чувство несправедливости! А поздно вечером или утром он приходит и молчит... “Ну, я же говорил, что задержусь на работе, ну, я же говорил, что уеду с друзьями на рыбалку...” – таковы были его редкие оправдательные фразы. Конечно, временами он проявлял активность, чтобы не загонять ситуацию в угол, и при этом всячески увиливал от разговора начистоту. Но ведь долго это

не могло продолжаться. Я каждый день всё больше ощущала растущую бездну пустоты между нами, видела, что муж превращается в чужого человека, не интересующегося ни семьёй, ни мной лично; он становится всё грубее, срывается на мне, ребёнке, уходит в другую комнату и всё больше замыкается в себе, не реагируя ни на что и ни на кого. Я видела, что его что-то мучает, но он не хотел говорить об этом, закутывался в кокон. И наконец, я решилась. Когда он в очередной раз сидел перед телевизором, как потерянный, я прямо спросила его, есть ли у него другая женщина. Я сказала, что всё-равно знаю об этом, он просто должен сам сказать мне эти слова. Он отворачивал взгляд, говорил, что я всё выдумываю, но наконец сдался под моей настойчивостью... Но могла ли я представить себе, что значит догадываться, а что значит узнать всю эту правду? Наверное, я всё ещё таила в себе какую-то надежду, и эта надежда в один миг обрушилась. Точнее, я сама её разрушила, не в силах больше терпеть муки сомнений. Уж лучше пусть будет так, думала я. Но я не могла до конца себе представить, каково же мне будет на самом деле, когда отступить будет некуда, когда реальность выплеснет в меня полный ушат горя и отчаяния.

Я тогда дала себе слово, что верну мужа любой ценой, а затем изменю ему и брошу. Он должен был побывать в моей шкуре! Но для того, чтобы месть была полноценной, он должен был полюбить меня всем сердцем. Я не стала искать его новую пассию, чтобы разобраться с ней, это было бы для

меня худшим унижением. Я решила смело действовать во имя справедливости и не нашла другого способа увлечь его собой, кроме как воспользоваться приворотом. Моя лучшая подруга Лариса вызвалась мне помочь в этом деле – так мы оказались здесь.

Вилиал долго рассматривал лица девушек, переводя взгляд с одной на другую. Выражение его лица было удивлённым, как будто он не поверил только что рассказанной истории.

– Хорошо-о... – Инспектор явно тянул, собираясь с мыслями.

– Что же тут хорошего? Ну, вы знаете рабочий приворот?

– О, да! Я их много знаю, и все они рабочие. Но вы точно хотите приворот? Вы понимаете, что вам придётся заплатить за это?

– Конечно! А сколько это стоит?

– Вы о деньгах? – Вилиал беззаботно рассмеялся.

– Да, о чём же ещё?

– Деньги тому, кто непосредственно осуществляет привороты, не нужны, это энергия лишь материального мира. Но согласитесь, насильно заставить полюбить могут лишь энергии тонкого мира, которыми управляют те, кто в нём обитает. Немногие люди могут это, и только единицы из них понимают, что они делают на самом деле. А чтобы не делать работу самому, а поручить её духам, элементалям... нужно быть хорошо знакомым с ними.

– Мне не важно, кто что будет делать! Что от меня-то требуется? – Марина была нетерпелива, и прежде всего потому, что не понимала ничего из того, что говорил ей незнакомец.

– Хорошо, – повторил Вилиал, – я скажу вам, какова будет ваша плата.

После этого он поднялся, отозвал Марину в сторону и несколько минут что-то объяснял ей в другом углу бара. Потом они вернулись за стол, но демон не стал садиться.

– Итак, вы согласны?

– Да. Это потребует времени и денег, но я готова.

– Тогда я покидаю вас. Своей подруге всё расскажете сами, она тоже соучастница, и будет присутствовать там.

– А как же приворот? – не удержалась Лариса.

– Он уже сделан.

– Вы не сказали, кто вы, – Марина, смущённо улыбнувшись, взглянула на Вилиала, – или это секрет?

– Ну почему же. Я – Инспектор. Инспектор человеческих душ, – мужчина рассмеялся и вышел из бара, не попрощавшись.

Глава 23. Полина и дурдом.

Полина вышла из поезда и встала посреди фойе вокзала, не зная, куда идти дальше. Осмотревшись повнимательней, она заметила продавщицу у журнальной стойки, которая наблюдала за самой Полиной.

– Тоже гостиницу ищите, девушка? – спросила пожилая женщина.

– Да... А что, уже кто-то искал?

– Искал, искал. Позавчера вот мужчина спрашивал.

– И куда он пошёл?

– А вы что, его ищите?

– Да.

– Ну, в гостиницу пошёл. Вот туда поворачиваете, и сразу за дурдомом будет гостиница.

Немного помолчав, продавщица не вытерпела:

– Где ж ей ещё быть то...

Полина выдвинулась по указанному маршруту и вскоре достигла витой ограды психиатрической лечебницы. У неё не было никаких сомнений, что демон собрал там часть своего урожая, но для начала она поспешила в гостиницу и спросила у администратора об одиноком мужчине, заселившемся позавчера. “На ночь только оставался,” – ответили девушке и она, не задерживаясь, вернулась к дурдому. Ворота боль-

ничного сквера были заперты, и Полина позвонила в предназначенный для таких случаев звонок. Из сторожки вышла полная женщина в белом халате и больших роговых очках, медленно доковыляла до калитки и спросила посетительницу уже на подходе:

– Вы к кому, девушка?

– М-м-м... тут мужчина вчера к вам приходил, мне бы увидеть того пациента, с которым он общался. Это очень важно, я из социального обеспечения!

– Не было никакого мужчины вчера! Я сама дежурила, у меня сменщица заболела, так что с полной уверенностью могу вам сказать – ни вчера, ни позавчера никаких посетителей не было, вы первая!

– А другого входа здесь нет? – Полина не поверила, она не могла ошибиться.

– Да какой другой вход? Нет, конечно!

– Извините...

Расстроившийся ангел медленно побрела прочь: “Как так? Что же теперь делать?” В поисках решения возникшей задачи она свернула за угол сквера и продолжила свой путь вдоль решётки. Следуя протоптанной тропинке, она тихонько шла, глядя на осыпавшиеся листья под её ногами, и вслух пыталась размышлять логически:

– Если он здесь был, но его здесь не было, что это может означать? Возьмём за истину тот факт, что он здесь всё-таки был. Следовательно, женщина, утверждавшая, что никого не

было, его просто не видела. А раз не видела, значит он не проходил сквозь ворота. А раз он не проходил сквозь ворота, значит он пролез где-то в другом месте... Но где?!

Полина перевела свой взгляд на ограду и стала на ходу внимательно осматривать прутья: “Нет, сквозь них не пролезть даже мне, и все они целы, все на месте...” Наконец, она достигла угла здания, к которому примыкал забор. Здесь кирпичная кладка была слегка разрушена, одна пика отсутствовала, а другая была давно согнута чьими-то могучими руками. Ни секунды не думая, девушка проникла за преграду. Самым сложным теперь было не попасться на глаза сторожу в роговых очках, поскольку у той сразу же мог возникнуть недвусмысленный вопрос.

Пробравшись сквозь колючий кустарник, девушка на коротких подбралась к ближайшей скамейке и спряталась за её спинкой. В этот момент корпус больницы как раз стали покидать первые пациенты, которых выгнали на вечернюю прогулку. Большинство из них отправились мирно гулять по аллее, и только один, самый медлительный, шёл, потупив взор и согнувшись почти пополам, прямо к Полининой скамейке.

Только уткнувшись в скамейку носом больной обнаружил её, после чего быстро сел и продолжил свои важные размышления. Полина бросила взор на сторожку, быстро поднялась на ноги и села рядом с ненормальным.

– Здравствуйте! – тихо сказала она, слегка наклонившись к собеседнику.

– Что? – переспросил не ожидавший вопроса Лёня Ветерок и посмотрел на Полину. – Вы кто?

– Я пришла вам помочь! Я знаю, кто приходил к вам вчера и что он от вас хотел. Вы не должны ни в коем случае этого делать! Он вас погубит!

– Что делать? Откуда вы знаете? Кто вы?

– Я не могу вам сказать, кто я. Но я оттуда.

– Как, вы тоже оттуда? – Лёня чуть вскрикнул от удивления и широко раскрыл глаза. – Только не надо мне клоуна показывать!

– Какого клоуна? Да нет, что вы. Ну, я оттуда, только с другой стороны.

Больной внимательно посмотрел на девушку и сделал вполне логичное предположение:

– Вы, наверное, новая пациентка? Я сейчас позову врача...

– Не надо врача, вы всё погубите! Никакая я не пациентка.

– Ну а кто же вы? Вчера спрятались за этой скамейкой и подслушали наш разговор, ай как нехорошо!

– Я не пациентка! Я... из социального обеспечения, – нашла Полина. – Тот человек, который к вам вчера приходил...

– Послушайте. Никто ко мне вчера не приходил, ясно? Я понял, откуда вы. Никак меня в покое не оставите. Не убивал я свою жену, всё я вам наврал, оставьте меня в покое! Я отказываюсь от всех своих показаний.

Лёня поднялся со скамейки и спешно направился в корпус. Полина поняла, что полностью провалила встречу и бросилась за больным.

– Ну постойте же! Скажите хотя бы, куда он направился? Что он вам приказал делать?! – девушка уже кричала, не в силах сдерживать эмоций. – От этого зависит судьба всего мира, вы же знаете, кто он такой!

– Девушка, а ну стойте, вы как тут оказались?! – роговые очки уже неслись, раскачиваясь и перебирая короткими ножками, к взволнованной Полине.

– Вы хотите его остановить? – не останавливаясь и не оборачиваясь к преследовательнице отвечал Лёня, – Мы вам не поможем. Мы будем только мешать. У каждого из нас своя цель, своя мечта, и в кои-то веки нашёлся человек, который сможет её исполнить. Неужели вы думаете, что остановите нас? Возвращайтесь туда, откуда пришли, или...

– Или что?

– Или он убьёт вас.

– Это я убью его!!! – не выдержала девушка и закричала на весь сквер, сразу обратив на себя внимание врачей и больных.

Сторожику в роговых очках уже опередил жующий бутерброд охранник, с дубинкой наперевес примчавшийся на помощь. Он схватил Полину за плечи как раз в тот момент, когда она выкрикивала свою угрозу. Девушку вывели за пределы лечебного учреждения и пообещали вызвать милицию,

если она сейчас же не оставит пациентов в покое. Полине хотелось плакать от бессилия. Казалось, весь мир был против неё – мир, который она отчаянно стремилась спасти.

Глава 24. Квантовая физика.

Вилиал зашёл в междугородний автобус, сел на своё сидение рядом с читающим молодым человеком в очках и закрыл глаза. “Как же быстро устают люди... надо было дать им больше времени, 24 часа слишком мало...” – подумал он и уснул. Ему опять снилось солнце, большая поляна, лес, речка и небольшой замок вдали с высокими каменными стенами, башнями и бойницами. Он беззаботно шёл по широкому полю вдаль, куда глаза глядят, пока замок и лес не скрылись за горизонтом. Неожиданно над его головой возникла из ниоткуда и закружила в воздухе стая разноцветных птиц, и одна из них, огромный попугай ара, прокричала: “Поли-ина!”

Вилиал вздрогнул. “Полина? Что это значит? Причём здесь Полина?” – от нахлынувших мыслей ему захотелось проснуться, но он удержался. Его фантом, его сновидящий дубль продолжал идти вперёд, как будто не слышал крика попугая. Вилиал внимательно наблюдал за ним со стороны и видел, как перед фантомом возникла молодая белокурая девушка в прозрачном сиреневом платье. “Полина...” – догадался он, хотя и видел этого ангела лишь ребёнком, – “Что она тут делает?!” Сон стал тревожным и совершенно перестал ему нравиться. Вилиал всегда проектировал события на годы вперёд и не любил неожиданностей – особенно после

того случая с балконом и воронкой.

Молодые люди поодаль о чём-то заговорили и Вилиал вновь очутился в теле своего фантома.

– Просто ты была маленькой девочкой... – закончил за своего двойника демон.

– Ты не мог меня видеть... мы никогда не были знакомы!

– Ты спала. Ты и сейчас спишь... Как ты меня нашла? Что ты тут делаешь? Что вообще происходит?!

Полина вышла из сновидения и Вилиал тоже проснулся. Он всё ещё ехал в автобусе, легонько раскачиваясь вместе с ним из стороны в сторону. Произошедшее во сне демону очень не понравилось. Что-то происходило вокруг него, о чём он пока не догадывался, и демон решил этим заняться вплотную. Но чуть позже.

Инспектор посидел ещё в задумчивости некоторое время и наконец обратил своё внимание на соседа по месту в автобусе. Как оказалось, молодой человек читал очень занятную книгу о квантовой физике.

– Интересуетесь? – спросил Вилиал.

– Да, я студент. Вот, порекомендовал преподаватель.

– И что, как впечатление?

– Трудно сказать... очень много необычного. Если всё так запутанно и неопределённо, то какой тогда смысл изучать традиционную физику? Ведь все её законы теперь выглядят примитивными и неточными. Хотя я больше программист и цифровой мир мне ближе и понятнее, поэтому могу оши-

баться...

– Ну, какую-то систему координат человек всегда стремился иметь, ему так спокойнее жить. Например, религия – тоже система координат. Но это совсем другая тема.

– Вы разбираетесь в этом, в квантовой механике? Расскажите мне что-нибудь интересное!

– Ну, я пока не знаю, насколько известно об устройстве вселенной и субъективной или объективной реальности вашим учёным в данной точке измерения, которое вы называете временем. А предвосхищать их открытия мне совсем не хотелось бы.

– Вы кто, учёный?

– Я не буду говорить вам, молодой человек, кто я. Но кое-что другое я вам расскажу. Точнее, даже вы мне расскажете. Итак. Будем говорить о кванте как о начале начал, неделимой части энергии, частицы, информации, и коснёмся вашего любимого программирования. Мы знаем, что любая программа состоит из огромного количества битов, но при этом всего из двух цифр – нуля и единицы. Идея квантового компьютера состоит в том, что квант, в отличие от бита, может принимать любое значение – и 0, и 1. Теперь возвращаемся к тому, что из набора квантов состоит всё, в том числе и человек. Соответственно, и сам человек... продолжайте!

– Может быть нулём или единицей?

– Ну конечно! Всё правильно. Человек, как и любая информация или программа, состоит из набора таких же еди-

ничек и нулей. Он может иметь или больше нулей, или больше единиц, если его кванты примут определённое значение.

Вилиал выдохнул и продолжил.

– Теперь рассмотрим, что же такое 0 и 1 в человеке. Природа человека, природа всей вселенной основана на дуальности мира. Если ноль обозначает Ничто, тогда в противоположность ему Единица...

– Обозначает Всё.

– Именно! А что вокруг Всё?

– М-м-м... Бог? – неуверенно предположил студент.

– Да, я восхищаюсь вами! Вы исключительно умный и начитанный молодой человек. Но давайте вернёмся к нашей дуальности... Если единица это Бог, то тогда получается, что ноль...

– Это дьявол?

– Вы сами это сказали! Ноль это дьявол, единица это Бог, всё в мире состоит из нуля и единицы!

– Значит, и сам человек является и Богом, и Дьяволом одновременно! – студент торжествовал, упиваясь своими логическими способностями.

– Ну, я же сказал, что вы сами мне всё расскажете, – Вилиал довольно рассмеялся. – Ни без Бога, ни без дьявола человек не может существовать, ибо это уже будет не человек, а Бог – набор единичек, или дьявол – набор нулей.

– Ничего себе, квантовая физика... – удивился молодой человек.

– Это ещё не всё. Давайте, я сам закончу. После опытов по изучению квантовых взаимодействий стало известно, что любое наблюдение за квантом изменяет его видимые характеристики, и таким образом мы не можем знать действительную картину кванта. Наблюдатель сам влияет на результат наблюдения! Отсюда следует, что когда кто-либо из людей наблюдает за другим человеком и даёт ему оценку, то он не может дать точную оценку, ибо своим наблюдением уже изменил для себя того человека! Таким образом, один и тот же человек может являться для разных людей и Богом, и дьяволом. Наблюдение не меняет свойства, оно влияет на результат измерения. Прежде всего потому, что для измерения нужно как-то воздействовать на объект. И мы воздействуем на человека набором своих внутренних инструментов – собственными стереотипами, домыслами, фантазиями, приобретенными от кого-то навыками и прочим. И если поведение человека вдруг не вписывается в наши узкие понятия, мы мысленно отрезаем от него “лишнее” и вписываем на ту книжную полку, куда он теперь более-менее подходит: “Всё! Ты теперь – холерик! Нет-нет, не спорь, мне со стороны виднее!”

– Уф-ф, как вы всё интересно объясняете.

– Я закончу, – Вилиал был доволен произведённым впечатлением. – Так что же в итоге можно создавать из нулей и единиц с помощью квантового компьютера? Программы, операционные системы, и, наконец, целые виртуальные ми-

ры.

– Вы хотите сказать, что наш мир – это виртуальная реальность?! – паренёк был явно шокирован.

Его таинственный попутчик промолчал. Наконец, как бы не расслышав предыдущего вопроса, он продолжил.

– Добавьте в эту картину ещё тот доказанный факт, что квант, на примере фотона, может находиться в двух местах одновременно. Отсюда следует, что и человек существует сразу в двух мирах. Одновременно. Один из них – та реальность, в которой мы с вами едем в одном автобусе. Можете ли вы догадываться, что и где в это время делает ваша вторая половина, ваш фантом?

Мозг студента оказался перегружен, он закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья.

Глава 25. В баре.

Полина сидела за стойкой бара на том же самом стуле, на котором ещё недавно сидел Он. Длинные волнистые волосы были распущены, но аккуратно уложены на плечо в большую светлую прядь. Бармен время от времени поглядывал на девушку, не в силах удержаться от непреодолимого от природы желания лицезреть прекрасное. Распахнутый плащ цвета топлёного молока обнажал широкий вырез кружевного платья, подпоясанного тонким кожаным ремешком. Наконец, набравшись смелости и мартини, Полина обратилась к бармену:

– Мне назначили здесь встречу. Высокий худощавый мужчина, с таким, знаете, проникновенным взглядом... – она жеманно засмеялась. – Он был у вас недавно. – Девушка внимательно посмотрела на молодого человека за стойкой, пытаясь не упустить его реакцию.

– Был. Два дня назад... позавчера, кажется. Он что, снова собирается прийти? – бармен старался казаться безучастным.

– Да... Не знаю, если честно. Но мне очень хотелось бы его увидеть. Вы только однажды его видели?

– Он больше не приходил. Но его спрашивали.

– Спрашивали? Кто? – Полина оживилась.

Бармен, почувствовав нездоровый интерес в голосе девушки, пронзил её взглядом, но та быстро приняла невозмутимый вид и беззаботно осмотрела пустующий зал.

– Двое мужчин. Родственники исчезнувших недавно подруг. Одна из девушек рассказала о встрече с незнакомцем в этом баре, и после того, как женщины пропали, мужчины явились сюда. Думали, что я его знаю.

– Эти подруги были здесь? Он разговаривал с ними?

– Да, – бармен не мог устоять перед обаянием юной посетительницы, – они ушли почти вслед за ним, больше я их не видел. И я не думаю, что они ещё здесь появятся...

– Почему?

Бармен наклонился над стойкой, приблизившись к Полине так, что смог коснуться её белокурых локонов.

– Они уходили за ним, словно овцы на бойню. Эти женщины выглядели обречёнными, – сказал он тихо.

– Вы любитель детективов? – Полина отодвинулась от молодого человека, нарушившего её личное пространство, и постаралась не подавать вида, что обеспокоена судьбой подруг.

Мужчина усмехнулся, но промолчал. Девушка взяла недопитый бокал и медленно прошла в глубину зала. Подвальчик, где располагался бар, был уютным, но казался тесноватым. На посетителя с разных сторон давили полукруглые своды, декоративные балки и тяжёлые, обклеенные gobelеном стены. Полина присела на стул и откинула на спинку короткий плащ.

– Вы сели на его место, – невозмутимо закончил разговор бармен и удалился.

“Его место...” – Она невольно заёрзала на стуле. – “Подумать только, ещё недавно он сидел здесь, за этим столом. А эти девушки... Наверняка, это были его жертвы!” Полина закрыла глаза и попыталась представить себе всю ситуацию. Две невинные овечки, жалобно смотрящие на серого волка и бессильные перед его коварством. Он обольстил их, обманул или... О, да! Он угрожал им! Напугал и заставил повиноваться!

Но о чём они разговаривали? Это оставалось загадкой. Полина на мгновение открыла глаза, сделала последний глоток martini и снова углубилась в себя. Перед ней поплыли цветные круги, всё куда-то закружилось, но вдруг улетучилось и она вновь увидела того, кого преследовала. Он сидел за столиком напротив, слегка наклонившись в её сторону, и пристально смотрел в глаза девушки. Полина понимала, что это сон, наваждение, видение, но всё было настолько реально... как будто она играла в спектакле. Вроде она, а вроде не она, и в любой момент можно было проснуться, выйти из этой роли. Была какая-то тонкая грань между той объективной реальностью, в которой она находилась несколько минут назад, и той субъективной эманацией, в которой она оказалась теперь. “Это как мыльный пузырь,” – подумала она. – “Его можно лопнуть, и тогда всё встанет на свои места. Или не на свои...”

Призрак мужчины напротив неё неожиданно прервал плывущие по волнам мартини ощущения девушки.

– Что ты здесь делаешь? Ты преследуешь меня?

Полина опешила. Ещё бы. Прямо в двух метрах перед ней сидел изгнанный из ада демон, которого она должна найти и уничтожить, но которому гораздо легче было сделать так, чтобы именно она исчезла с его пути.

– Нет, с чего вы взяли? Первый раз вас вижу.

– Не первый, ты меня уже видела в поле. Не следи за мной, это плохо для тебя кончится. Я ни за что не поверю, что та наша встреча была случайна, я не верю в случайности. Ты идёшь за мной по пятам, значит ты преследуешь меня, и это твои хозяева послали тебя. Дело принимает серьёзный и неприятный оборот...

– Я не знаю, кто вы! – крикнула в отчаянии Полина и лопнула мыльный пузырь. Возле неё стоял седой мужчина в мятой кепке и старом пальто, обмотанный огромным шарфом, и обеспокоенно смотрел ей в лицо.

– Вам плохо?

Девушка вскочила с места и опрометью выбежала на улицу.

Глава 26. Парк.

Вилиал шёл по парку вдоль городской реки, одетой в каменные декоративные склоны, и любовался на просыпавшуюся ото сна природу. Пробивающиеся сквозь сырую землю зелёные всходы как первые вестники тепла радовали глаз, а набухающие почки тополей предвосхищали их скорое цветение. Воздух был пронизан романтикой и свежестью, а очнувшиеся от зимы скворцы щебетали свои первые трели.

“Однако, людям есть, чему радоваться и быть благодарными. Отчего же им так неймётся искать во всём лишь серые безжизненные оттенки? Правильно тогда сказал мне старик Сократ – самая великая победа, это победа над своим негативным мышлением...” – Инспектор не спеша размышлял сам с собой, прогуливаясь мелким шагом по протоптанной парковой дорожке.

Вдруг он резко остановился и замер на месте. “Попалась,” – пронеслось у него в голове. Он постоял ещё минуту, после чего на лицо его легла глубокая тень. “Умеете же вы испортить настроение,” – кому то в пустоту произнёс он и задумался. Фантом, которого он оставил в кафе для встречи с Полиной, сработал и передал хозяину информацию. Становилось ясно – его преследовали и хотели нарушить выстроенные планы. Вилиал посмотрел на небо и, казалось, пронзил

его своим взглядом насквозь. Но не взоры негодования посылал он Небесной канцелярии или лично Архангелу, принявшему некогда душу Полины. Его взор простирался гораздо дальше и глубже, как будто суетные дела тёмных и светлых сил давно перестали волновать Вилиала. “Что же, это возможно,” – произнёс тихо демон и медленно продолжил свой путь вдоль реки.

Через несколько десятков шагов под сводом каменного арочного моста он заметил мужчину, примерявшего себе на шею странный ошейник. Толстую крепкую верёвку он украшал одним из оставшихся после возведения моста валуном солидного размера.

– Вам помочь? – вежливо поинтересовался Вилиал и явно спугнул заматавшегося мужчину, который сразу же попытался спрятать камень под мост.

– Нет-нет, спасибо, гуляйте, дышите воздухом, – бедолага сделал вид, что занимается под мостом утренней гимнастикой.

– А зря, я большой специалист по всем этим штукам.

– По упражнениям?

– По верёвкам с камнями на шее. Вот, кстати, сразу припомнился один случай. В стародавние времена одна бедная женщина, родившаяся с несколькими физическими дефектами, смогла дожить аж до тридцати лет, не помышляя о самоубийстве. А знаете, нелегко ей было кормить себя культячками вместо рук, передвигаться ковыляя враскоряку, и

при этом смотреть на окружающих единственным заплывшим глазом. Несчастливая решилась на отчаянный поступок только после того, как доктора сказали ей, что она не может иметь детей. Сие известие женщина уже не смогла перенести стойко и наняла знакомого моряка, который мастерски связал ей узел из солидного валуна и пеньковой верёвки. Матрос повесил бедолаге свою конструкцию на шею и милостиво столкнул вот с такого же моста. Однако полиция не оценила его участливого поступка и надолго заточила в тюрьму. А у вас, я вижу, тоже серьёзные проблемы?

– Ваш сарказм здесь неуместен. Нельзя судить о человеке и поступках, не побывав в его шкуре. Да и не дай Бог вам это испытать.

– Чем же так тяжела ваша душевная ноша?

– Я не вижу смысла всё это рассказывать. Во-первых, вы мне не поверите, а во-вторых, вы мне не поможете. Да, есть ещё и в-третьих. Мне надо спешить.

– Ну, на тот свет вы всегда успеете, другого пути нет. Я не собираюсь вас отговаривать, это не в моих интересах. Однако, если вы вкратце объясните мне вашу проблему, то я смогу сказать, в силах ли её решить, а затем уже или прыгайте в воду, или рассказывайте мне всё подробно.

Заросший мужчина со взъерошенной копной волос, мушкетёрской порослью на лице и большими голубыми глазами был примерно одного роста с Вилиалом, и такой же худощавый. Он на стоял на берегу в одних длинных полосатых тру-

сах и держал себя за плечи, скрывая нервную дрожь. Звали его Иннокентий, но все близкие предпочитали называть мужчину просто Кешей.

– Вы должны сказать, в какой области вы специалист, тогда мне будет понятно, сможете ли вы оказать какую-либо помощь.

– О, перечисление моих специальностей и способностей может занять не один час, так что вы лучше сами скажите, какой специалист вас интересует.

– Не знаю, почему, но вы вызываете у меня доверие. Просто мой случай исключительно уникален, ни в одной литературе я не нашёл подобных случаев. Я не знаю, какой именно специалист мне нужен, но с моим мозгом творится полная чертовщина.

– Вам повезло, я просто уникальный специалист по чертовщине, – усмехнулся Вилиал. – Что конкретно с вами происходит?

– Нечто невероятное! Я всё время просыпаюсь в двух разных местах и веду двойную жизнь, – мужчина склонил голову и, казалось, готов был заплакать.

– Это осознанное сновидение? – спросил на всякий случай Инспектор.

– Нет, что вы, это было бы слишком просто. Моё сознание гуляет по разным местам, каждое из которых абсолютно реально, но при этом одно из них находится в будущем, а другое здесь – в прошлом.

– Сдвиг по фазе... – Вилиал удивился. – Это можно объяснить так. Есть фаза прошлого, есть фаза будущего, во сне у вас в мозге происходит короткое замыкание между ними, и вы перемещаетесь. Удивительно. Вы знаете строение молекулы ДНК? В природе всё основано на принципах подобия, так что рассмотрим ваш случай на её примере. У ДНК есть две спирали, две фазы – как прошлое и будущее; вашим учёным уже известно, что ДНК отвечает за наследственность – а что это, как не связь прошлого и будущего? Так вот, эти две фазы соединены перемычками, образующими настоящее, и несколько таких перемычек у вас... сгорело. Произошло замыкание фаз друг на друга. В этих местах вы и перемещаетесь из прошлого в будущее, а затем обратно. Впрочем, это лишь одно описание, ваши учёные орудуя другими инструментами, используя понятие пространственно-временного континуума, или временной петли. Я могу объяснить всё на примере гравитационной волны, колебания ткани пространства и времени, но стоит ли? Вывод один – вы крутитесь, как белка в колесе! Ну что-же, я берусь вам помочь. Когда у вас следующее перемещение?

– Сегодня! Но я боюсь засыпать каждый день... В каком времени я проснусь?

– Вы должны мне рассказать всю историю, это первое условие. Второе условие... Вы же понимаете, что вы самоубийца? И то, что я вас остановил, не отменяет вашего греха? Так вот, этот грех я вам предлагаю искупить, исправить,

с той целью, чтобы не попасть вскоре на горячую сковородку. Для этого и понадобится второе условие, но о нём позже.

– А вы точно сможете мне помочь? Вы уверены в этом? Как вы собираетесь это сделать? – в голове у Иннокентия затеплился огонёк надежды.

– Молодой человек... К вашему сведению, есть вера, а есть знание. Это очень сложные понятия, которые человек просто не в состоянии осознать и принять в силу своей примитивной животной природы. Ну нет ещё таких букв и цифр, чтобы передать вам всю информацию об этом – они пока даже не известны человеку. У меня есть знание, у вас есть вера. И то, и другое – движущая сила. В вашем случае мы сможем достичь результата только сообща, ибо здесь обязательна составляющая веры, которой у меня в принципе быть не может. При этом вы должны отчётливо понимать, что речь идёт совсем не о религиозной вере, не путайте! Ваша вера кроется в определённых импульсах человеческого мозга, но я такие испускать не могу, поэтому здесь должны постараться вы. Дать вам гарантии? Это не тот случай. Так что выбирайте – либо бросаетесь в воду, либо делаете то, что я вам говорю. Ваш выбор?

– Я согласен!

– Рассказывайте!

Глава 27. Карусель.

– Как я жалею о тех скучных, как я полагал ранее, временах, когда дни протекали тоскливо и однообразно. Утро, завтрак, автобус, работа, обед, работа, автобус, дом, ужин, сон. На работе без изменений – весть день за офисным столом с телефоном и компьютером. Дома та же песня – диван, телевизор, книга, жена. Тогда мне казалась нестерпимой мучкой такая беспросветная жизнь, но в какой-то злосчастный миг всё изменилось. Вернее, изменилось моё восприятие той вялотекущей действительности, в которой мне Богом предназначено было иметь дом, семью и работу. Видимо, Бог и изменил мой мир, вняв немим мольбам банковского служащего.

Я плохо помню тот день, после которого впервые уснул в одном месте, а проснулся в другом. Да и не было в нём наверняка ничего необычного. Ну, вышел на одну остановку раньше, там центр торговый выстроили, захотел скоротать время. Слова то какие: “Скоротать время!” Вот и скоротал, получается... Купил продуктов, пару безделушек и пришёл домой. Поел, посмотрел телевизор и лёг отдохнуть. И всё. Когда я проснулся...

Я лежал на деревянных нарах в сыром холодном помещении с голыми стенами. Конечно, первой моей мыслью было

– сон. Закрыл глаза, но затхлый запах плесени никуда не уходил. Я несколько раз пытался заснуть, открывал глаза, щипал себя, бил по лицу, но ничего не менялось – наваждение не заканчивалось. Затем я встал с нар, подошёл к железной двери и начал бешено колотить по ней руками и ногами. Никакой реакции. Я вернулся на место, закутался с головой тонким рваным одеялом и стал думать. Амнезия? Может, я встретил друга, выпили больше, чем нужно, пошёл провожать, подрался, и забрали в обезьянник? Но на камеру предварительного заключения этот карцер никак не подходил. На вытрезитель тоже. Может, плохо себя вёл с представителями правопорядка, и они меня таким образом наказали, предоставив особые условия? Да, верно, так и есть, видимо, такие комнатки у них в отделении тоже имеются. Ну, вот всё и объяснилось. Вот только... Я отчётливо помнил, как засыпал – а засыпал я в своей кровати. Что за амнезия такая?

За дверью послышался шум, открылось маленькое оконце и надменный металлический голос произнёс: “Завтрак”. Я бросился к спасительному окошку и чуть не вылез из него головой.

– Скажите пожалуйста! Я ничего не помню, как я здесь оказался? Что произошло?!

– Во наглец... не помнит он ничего.

Мне положили в окно кусок хлеба и поставили стакан с холодным чаем. Завтрак...

Большого мне в тот раз добиться не удалось, окно захлопнулось и лязгнул засов. Я мужественно просидел ещё несколько часов, выстраивая в уме варианты следующего диалога. Когда окно открылось в очередной раз, я заявил, что объявляю голодовку до тех пор, пока мне не предоставят адвоката и не объяснят причину моего задержания. В ответ я лишь услышал гомерических хохот нескольких охранников. На ужин окно не открылось.

Я не пожелаю своему злейшему врагу испытать то чувство, которое испытал я, открыв глаза после беспокойного сна в холодной камере – я снова был в карцере! Это было невыносимо. Не скрою, засыпая, я искренне надеялся на то, что снова проснусь в тёплой кровати рядом со вновь обрётённой женой, однако ожиданиям моим не суждено было сбыться. Надо мной всё также горела тусклая пыльная лампочка, которую не выключали даже на ночь.

Пролежав несколько часов с открытыми глазами в глубокой прострации и уже без всяких мыслей, я вновь услышал лязг засова, но на этот раз более тяжёлого – открывалась сама дверь. В проёме показался плотный человек в форме офицера, которого сопровождали двое конвойных. Я инстинктивно встал.

– Ну, что опять вытворяем? Тебя надо в карцере ещё в один карцер запереть?

– Товарищ полковник, я прошу объяснений, – кашель прервал мою речь и согнул пополам.

– Какие тебе объяснения? Ты что, придуриваешься?

– Я не помню, понимаете? Не помню, как здесь оказался, и мне нужен врач!

– Не помнишь, как в карцере оказался? А как на конвойного набросился, тоже не помнишь? Чуть не задушил человека!

– Нет, – упавшим хриплым голосом ответил я и без сил опустился на нары.

– Хорошо, я тебе напомним.

В проёме двери показался врач в накинутом на погоны белом халате, но начальник тюрьмы его остановил: “Погоди”.

– Ты находишься в исправительном учреждении – колонии строгого режима – после вынесения обвинительного приговора суда, и будешь отбывать срок своего наказания ещё в течение 10 лет. Голодовка твоя незаконна, адвокат тебе уже не поможет. Ещё вопросы есть?

– Что, что я сделал? – я был просто уничтожен, на моём месте сидел живой труп.

– Что сделал? Да ничего особенного. Убил свою жену.

... Вы понимаете? Я. Убил. Свою. Жену. Ту, которая сейчас сидит дома, ждёт меня, горемыку, и ни о чём не подозревает! На следующий день мне сказали, что завтра меня переводят обратно в камеру. И вот тут-то я испугался по-настоящему. Тюрьма! Сокамерники! Кто они? Почему я набросился на охранника, ведь это мне не свойственно, я совершенно мирное создание! Ну, если конечно не учитывать тот факт,

что я убил собственную жену. Ведь вполне вероятно, что я осознанно выбрал карцер, лишь бы не влачить своё жалкое существование в обществе насильников и убийц. Возможно, они издевались надо мной, били, а тут ещё окажется, что я потерял память – так они вообще меня со свету сживут! Нужно было срочно что-то делать. Поразмыслив, я стал проситься в лазарет – кашлял до изнеможения, брызгал на лоб водой, симулируя испарину, валялся при смерти – всё было бесполезно, врач оказался неприступен. По всей вероятности, в больничку у них отправляли только туберкулёзных или уж совсем бездыханных. Оставалось одно – разогнаться и удариться лбом об стену. Однако не факт, что я не очнулся бы после этого среди жаждущих моего ослабленного тела сокамерников.

Сжавшийся под одеялом комочек на холодных тюремных нарах вспоминал своё детство и отчаянно хотел к маме. Ах, как я желал начать свою жизнь заново! Или хотя бы навсегда вернуться в тот рай, где каждый день ходил на ненавистную работу, а вечером молча сидел с живой женой у телевизора. Моя жена... Да, я тяжело переживал её смерть, хотя и не мог до конца в это поверить. Когда мы только начинали жить вместе, это был суший ангел! Она появилась из ниоткуда. Наверное, это всегда случается именно так. Один взгляд друг другу в глаза – и всё стало понятно нам обоим, без лишних слов. У нас вообще было полное взаимопонимание, одинаковые желания и интересы. Она любила ходить

на стадион, а я вдруг обнаружил в себе интерес к мыльным сериалам! Да-да, все эти Хуаниты с их тайными беременностями и неожиданной родословной стали нашими близкими родственниками, мы проводили с ними на диване целые вечера и были счастливы вместе. Я, она и Хуаниты. До поры до времени. Видимо, всему свой срок, ничто не стоит на месте, изменяемся и мы – ведь человек существо текучее. Буквально уже через пять минут ты можешь осознать, что только что был совершенно чужим для себя человеком – грубым, жестоким, саркастичным... Но ведь слово не воробей, и когда ты вернулся в нормальное состояние, выброшенные тобой как кинжал слова уже достигли своей цели, и если не ранили, то посеяли в близком тебе человеке семена отчуждения. Постепенно мы с женой охладели друг к другу, и наша жизнь превратилась в то, о чём я уже говорил – серые беспросветные будни.

И вот тогда, свернувшись под рваным одеялом, я плакал и всем сердцем просил у неё прощения. Я уснул, а когда открыл глаза, то лежал в своей кровати рядом с живой и горячо теперь любимой женой. Весь день я сиял от счастья! Я постоянно обнимал жену, извинялся перед ней, целовал, улыбался и махал рукой удивлённым прохожим, на работе был весел и активен, рассыпал комплименты и раздавал конфеты. И только к вечеру я обратил внимание на календарь, который показывал дату, на три дня отличную от той, когда я заснул и переместился в будущее. Я проснулся за три дня до

того момента, то есть я заново переживал те дни, которые уже когда-то прожил! Тут сразу в голове всплыли ситуации на работе, которые казались мне уже когда-то прожитыми, и теперь я нашёл этому объяснение. Но поскольку я сам себя теперь вёл по другому, то и совпадений вокруг меня было ничтожно мало. Таким образом, я осознал, что являюсь творцом своей реальности, и многое в этом мире зависит от меня самого и моего восприятия. Так я считал до того момента, пока снова не очнулся в карцере и снова не услышал надменный голос в оконном проёме двери: “Завтрак!”

Я не могу вырваться из этой дьявольской карусели уже полгода. Я перепробовал всевозможные варианты развития событий, которые не хочу вспоминать, но итог всегда был один и тот же – три дня я жил в своём прошлом, и три дня я жил в своём будущем. Стоит ли говорить о том, что жизнь в прошлом потеряла для меня все свои краски, а жизнь в карцере никак не менялась – я был наедине с холодными стенами. Но мало того, теперь я начал бояться, что эта чехарда прекратится! Понимаете? Если до этого я молил Бога, чтобы он остановил этот страшный сон, то теперь я нахожусь в постоянном состоянии тихого ужаса. Что будет, если я навсегда останусь в будущем? Тяжкий грех убийства и 10 лет за каменными стенами в компании отморозков. Что будет, если я навсегда останусь в прошлом? Здесь? Ответ напрашивается сам собой – я убью свою жену. И даже если я соберу всю свою волю в кулак и попытаюсь исправить ситуацию, или же бро-

шу всё и уеду за тридевять земель – где гарантия, что меня всё равно не найдут, не обвинят в убийстве своей жены, не упекут за решётку по страшной судебной ошибке или злобному навету? А может, оттого она и погибнет, что я уеду? Вот и мыкаюсь, как мышь в мышеловке. За что не возьмись – везде опасность. Что мне оставалось делать? Прервать этот кошмар я мог только одним способом – решившись на самоубийство. Так я не попаду в тюрьму, и так я смогу сохранить жизнь своей жене.

– М-да-а... – Вилиал с сожалением посмотрел на собеседника. – Неприятность.

Он призадумался на некоторое время, в молчании постоял на берегу журчащей весенней реки и затем, прищурившись, взглянул на собеседника:

– Знаете, почему большинство людей не могут перейти на следующую ступеньку своего развития и крутятся, как вертел над жаровней? Они не выполняют свои обещания. Это очень большая слабость. Представьте, что они долго взбираются вверх по скале, издирают в кровь руки и ноги, ругают на чём свет стоит каменистые склоны и хрупкие ветки. И вот они почти достигли вершины, но вместо того, чтобы сделать последний шаг, они со всего маху падают вниз. А почему? Да потому, что камень, на который они наступают, чтобы сделать последний шаг, проваливается в пустоту – в пустоту невыполненного обещания. Что руководит людьми в таких случаях? Лень, пренебрежение, страх, гордыня? И

почему они дают такое обещание, осознавая заранее, что не смогут или не захотят его выполнить? Мне это неведомо, и я не хочу об этом думать. Я лишь говорю вам сейчас то, что знаю точно – я смогу остановить вашу дьявольскую карусель. Но от вас требуется вера. Понимаете? Вы должны мне поверить мозгом, сердцем, всеми фибрами души, безусловно и безоговорочно.

– Конечно! Я верю вам!

– Почему?

– У меня нет другого выбора!

– Выбор есть всегда.

– Но... я... я люблю свою жену! Я знаю точно и обещаю, что смогу сделать её счастливой, я хочу этого! Хочу и верю всеми фибрами своей души!

– Тогда ощутите, что вы уже сделали её счастливой. Что вы воплотили свою мечту в реальность и сдержали своё обещание!

Молодой человек стоял раздетый на берегу городской реки с раскрытыми настежь голубыми глазами, полными слёз, и смотрел в небо. Вся суть его была раскрыта в этот момент, как на ладони, и Вилиал не мог оторвать от неё глаз. Демон стоял, как замороженный, будто являлся свидетелем чуда и казалось, что какой-то тумблер щёлкнул в нём и обездвигил человеческую плоть. Через мгновение Инспектор пришёл в себя, посмотрел в ту точку неба, куда смотрел мужчина, потом перевёл взгляд на другой участок небосклона,

воздел вверх правую руку, опустил голову и, тихо произнеся короткую фразу на латыни, ударил крепко сжатым кулаком по воздуху. Казалось, какой-то неведомый импульс послал он в небо, но в чём был его смысл и каково направление, знал только он сам.

– Я всё равно собирался это сделать, – шёпотом сказал Вилиал про себя, опустив руку. – И это мой выбор.

Глава 28. Запредел.

Полина потеряла след: видимо, после Запредельной встречи в баре Вилиал поставил защиту. Теперь девушке оставалось только одно – ловить преступника на месте преступления. Но её не покидало неприятное чувство, что там, в Небесной Канцелярии, Полине явно не всё рассказали про демона. Почему он утверждает, что уже видел её, когда она была маленькой девочкой? Ведь это может быть правдой. Первое воспоминание Полины о себе было связано с инкубатором. Когда она вышла оттуда, её радостно встретили, выразили бесконечную любовь, заботу и отправили на тесты. Это была стандартная процедура, но почему-то Полина тогда чувствовала себя неуютно. Вокруг была куча маленьких ангелочков с миниатюрными крылышками, которые спотыкались, падали, пытались взлететь и снова падали. Шум, гам, тарарам. И только одна она... возвышалась над ними, как айсберг над пингвинами. Конечно, к ней было особое внимание, и девушка тогда связывала его со своим взрослым возрастом среди всего этого ангельского детсада. Но только сейчас, поднимая из глубины сознания забытые воспоминания, Полина по-другому стала воспринимать эти внимательные сопроводительные взгляды и тихие перешёптывания за своей спиной. А во время тестов с неё не спускали взгляд

Наблюдатели и строгая приёмная комиссия, задававшая вперемешку одни и те же вопросы, но в разных формах. Тест показал ноль процентов лжи и Полину с облегчением выпустили в Свет.

Получалось так, что от неё скрыли важную информацию, которой тем не менее обладала противоборствующая сторона – а это был существенный минус к позиции Полины. Необходимо было предсказать действия противника для успешного завершения миссии, что вкупе с обострённым чувством справедливости, щедро приправленным болезненным женским любопытством, вынуждало девушку искать очной встречи с демоном ещё до прибытия к месту сражения.

Но как же встретиться с ним? Полина вспомнила свои недавние погружения в параллельную реальность – незабываемый и удивительный опыт, похожий на осознанное сновидение. И даже от этого странного опыта веяло чем-то знакомым, как будто она уже испытывала его давным-давно... в детстве. Она вспомнила обе встречи с Вилиалом, произошедшие спонтанно в потустороннем мире – сначала в поле, затем в баре. “Мне надо попытаться снова попасть в Запредельное, уже по своей воле, выйти на контакт с Вилиалом и всё у него разузнать – кем я была в прошлой жизни и как оказалась на Светлой Стороне”, – к такому выводу пришла ангел.

Полина остановилась на ночь в небольшом мотеле, чтобы отдохнуть в полной мере, по-человечески. Она надеялась вы-

спастись в автобусе, но была жестоко обманута в своих ожиданиях, оказавшись втиснутой между окном и тушей десятипудового слона. Почему «слону» было разрешено впихнуться в автобус, есть там вонючую курицу, а затем громко и надрывно храпеть, для неё оставалось загадкой. В раю такого бы не потерпели. Полине однажды сказали на учёбе, что добро должно быть с кулаками, но теперь она сама могла бы дать ответный урок своим преподавателям – добро должно быть не с кулаками, а с бейсбольной битой – иначе такого слона из автобуса не выгонишь.

Со стоном райского наслаждения приняв душ и залезши под тёплое одеяло, девушка наконец смогла расслабиться на свежих простынях и быстро выключилась из сознания. Проснувшись под утро, она не сразу поняла, где находится, но вскоре реальность коварно вползла на её постель, завладела подушкой и напрочь прогнала остатки сна. Нужно было срочно найти Вилиала.

Полина вспомнила, что запланировала выйти на демона через Запредельное состояние, и приняла решение немедленно осуществить свою попытку. Предварительно полностью отключив внутренний диалог, она легла поудобнее и, начав с самих мизинцев на ногах, стала постепенно расслаблять все остальные части и органы, теряя их ощущение, и так до самой макушки. Нахальное и упёртое тело с трудом поддавалось медитации, несколько раз посылая Полине зуд в нос или в локоть, но в конце концов сдалось и отпустило её. Тело

стало засыпать, но сама девушка уже достаточно выпалась, чтобы удерживать осознанное внимание. Она уравнивала дыхание и сконцентрировалась на точке посередине лба, над бровями, в том энергетическом центре, который иногда называют третьим глазом. Долгое время ничего не происходило и Полина почти отчаялась достичь выхода в Запредельное, как неожиданно темнота отступила.

Девушка стояла посреди знакомого луга, обильно поросшего цветами и благоухающего дивными ароматами, но на этот раз над головой не кружило ни одной птицы. Она некоторое время всматривалась вдаль в надежде увидеть идущего ей навстречу молодого человека, но картинка не менялась. Тогда Полина дала указание своему подсознанию найти Вилиала и стала ждать. Неожиданно поднялся сильный ветер, на горизонте показалась огромная туча и стала быстро заполнять собой всё небо. Ещё издали девушка заметила четыре огромных столба торнадо, которые хищно извивались, как змеи, и стремительно приближались к ней, вселяя благоговейный ужас. Когда один из смерчей практически достиг Полины, закрыв своей вертящейся тушей почти всё видимое пространство, её выкинуло из этого сна и она оказалась во дворе заброшенного замка. Вокруг неё возвышались высокие серые стены, сложенные из уже поросших травой валунов, сторожевые башни смотрели мимо девушки пустыми чёрными бойницами, а чуть поодаль стоял небольшой дворец, влачивший одинокое и жалкое существование. Полина

инстинктивно пошла к зданию, вошла в него и поднялась по широкой лестнице на второй этаж. Высокие инкрустированные самоцветами двери слева от входа были открыты и вели в приёмный зал, но он был пуст. Ангел прошла дальше по длинному пыльному коридору и вошла в следующие раскрытые настежь двери. Посреди небольшого помещения стоял массивный овальный стол, выполненный из красного дерева, вокруг него размещалось около десятка стульев с высокими резными спинками и на одном из них сидел тот, кого Полина так хотела видеть. Вилиал был одет в старинный костюм герцога из полосатой чёрно-синей ткани, украшенный дорогими перевязями, а на плечах у него покоился короткий синий плащ с красным подбоем. Он смотрел прямо на девушку, как будто ждал её прихода, и на осунувшемся его лице не читалось ни единой эмоции.

– Ну вот ты и пришла.

– Ты ждал меня?

– Как видишь.

– Ты знал, что я буду искать тебя?

– До недавнего времени – нет.

– И что ты теперь намерен делать?

– Это зависит от того, что намерена делать ты.

– Я намерена убить тебя.

На лице демона не дрогнул ни один мускул, он продолжал смотреть не мигая прямо в глаза ангелу. Полина также смотрела на Вилиала, тщетно пытаясь заметить хоть одну эмоцию

или намёк на неуправляемое движение в его теле.

– Я думаю, стоит дать другое определение твоим действиям – ты намерена выполнить полученный приказ, – голос мужчины не был надменным или грубым, скорее, он был мягким, но беспрекословным. Вилиал констатировал факт, не требующий опровержения, и тем самым забирал инициативу в свои руки.

– Это не меняет сути дела, – возразила Полина, – ты пытаешься перевести тему. Зачем ты уводишь за собой невинных людей? Я требую оставить их в покое и сдать!

Ангел всё-таки вызвала у демона эмоцию, но вероятно не ту, которую хотела бы. Инспектор наклонил голову и тихо засмеялся.

– Оставь заботу об этих несчастных. Тебе впору позаботиться о себе самой.

– Ты мне угрожаешь?!

– Право, ты слишком очаровательна! – Вилиал опять рассмеялся.

– Не смей называть меня очаровательной!

Теперь демон захохотал. Его смех был раскатистым и весёлым, он задрал голову кверху, а потом чуть не ударил её по красному столу, резко опрокинувшись вниз. Широко улыбаясь, он искрящимся взглядом посмотрел на Полину.

– Ты мне только что подарила несколько лет жизни, а ведь хотела убить меня! – Вилиал провёл ладонью по лицу, со лба до подбородка, зажмурился и успокоился.

– Ну что ж... вполне вероятно, что тебе всё-таки удастся это сделать, – сказал он.

– Убить тебя? Ты что же, не думаешь сопротивляться?

– С недавних пор стремление выжить в этой афере бесследно оставило меня.

– Значит, ты готов проиграть?

– А вот это вопрос скорее философский – где таится поражение, а где победа.

– Не пытайся сбить меня с толку, я знаю все ваши дьявольские уловки!

– Хм, ну тогда ты наверняка знаешь, почему именно тебя они послали сюда?

Девушка не нашлась, что ответить. Видимо, демон задел за живое, так как по её лицу пробежала тень, и он сразу это заметил. Наступило молчание, которое никто не смел нарушить, так как выжидал, какие действия предпримет противник. Наконец, то ли на правах мужчины, то ли на правах сильного Инспектор прервал тихую паузу.

– Я знаю это, – красноречиво и убедительным тоном изрёк он.

Лицо Полины покрылось лёгким румянцем и она нервно сглотнула, опустив глаза. Ангел прекрасно осознавала, что демон действительно может знать правду, и поэтому чувствовала ущербность своего положения. Но сдаваться она не собиралась.

– Ты бес, а бесам свойственно врать и изгаляться. Повто-

ряю, ты не сможешь обвести меня вокруг пальца, я всё знаю о ваших хитростях.

– Ты знаешь лишь то, чему вас обучили, но можешь ли ты доверять тем, кто уже однажды обманул тебя? Тебя послали в пекло, не сказав ни доли правды о твоём происхождении и о том, кого именно ты должна убить.

Полина до ужаса хотела узнать эту правду, но то ли ангельское, то ли женское достоинство не давали ей возможности задать свой вопрос напрямую. Наконец, она решилась.

– Что тебе известно об этом? – девушка сохранила холодный тон.

– Всё.

– Тогда расскажи!

– Зачем?

– Я хочу знать об этом!

– Ну, наконец-то! – Вилиал иронично улыбнулся. – Как порой бывают упрямы и неуступчивы ангелы...

– Но ведь я не всегда была ангелом?

– Ты всегда была ангелом... для меня.

– Ты знал меня до того, как я стала ангелом? – сердце Полины бешено забилося.

– Немного. Я и сделал тебя ангелом.

– Ты?! Как ты мог сделать меня ангелом? Ты убил меня?!

– Нет, это сделала твоя мать.

– У меня была мама? – Полина удивлённо осела на своём стуле и задумчиво опустила глаза.

Вилиал посмотрел на девушку и поймал себя на том, что не осознаёт до конца происходящее. Да, в это трудно было поверить. Та девочка, рисунки которой он с таким восторгом рассматривал в холодной серой квартире города зомби, сейчас выросла и сидела перед ним, не помня своей матери, такая же слабая и беззащитная, как и тогда. Знал ли он, мог ли предположить, разглядывая милое спящее личико в детской кроватке, или вынимая неживое тело из груди монстра, что их следующая встреча может произойти вот таким образом? Нет. В этом земном мире всегда происходило что-то такое, чего он никак не мог предвидеть. Его, давно переставшего удивляться или восхищаться, сослали в наказание туда, где он каждый день открывал для себя что-то новое, и прежде всего – в людях. В людях, которых ещё до недавнего времени ненавидел всем сердцем, которого у него не было. Его не было в аду, царстве сатаны и бесов, но оно было у него здесь, в миру смертных людей, и всё чаще давало о себе знать.

– Я ничего не помню, – Полина подняла глаза и устало посмотрела на Вилиала, – почему мама убила меня?

– Прости... Я не успел тогда спасти тебя. Она неожиданно выхватила твоё тело из детской кроватки и бросилась к балкону. Твоя мать была сильно больна, она не до конца отдавала отчёт своим действиям. Видимо, у неё были галлюцинации.

– Но... – тут девушку озаботил не из пустоты возникший вопрос, – но что ты делал там? Как ты там оказался?

Вилиал в свою очередь опустил глаза, затем поднял их на Полину и не спеша ответил:

– Я и так дал тебе излишнюю информацию. На этот раз будет достаточно. У тебя слишком много вопросов для ангела, явившегося убить демона.

Полина открыла глаза и очутилась в комнате мотеля, где лежала на кровати в махровом халате и тапочках. Она тут же захлопнула глаза обратно, но было уже поздно – портал в таинственную реальность, вызванный осознанным сновидением, был надёжно закрыт.

Глава 29. Аристарх.

Сознание сквозь густой туман, спотыкаясь о невидимые преграды в тёмных закоулках небытия, начало проявлять себя в голове Аристарха. Какая-то часть тела отдавала нестерпимой болью в тот участок мозга, который стал первым ощущать свою природную связь с нервными окончаниями. Первые мысли, возникшие у внезапно потерявшего сознание мужчины после пробуждения, хаотично сменялись одна за другой: “Я просыпаюсь... Но где я? И почему такая боль? Боже, я опять напился... Что я натворил на этот раз? Я упал в обморок? Надеюсь, это было не на людях... На меня напали? Меня ударили, за что и где?”. Сутулый, средних лет мужчина со шрамом на опухшем лице и запёкшейся кровью на зачёсанных назад волосах задавал себе эти вопросы, лёжа в одиночестве на дощатом полу заброшенного дома.

Аристарх, когда картина реальности перед его взором наконец прояснилась, попытался приподняться с пола, но не получилось. Связанные за спиной руки помешали ему это сделать, и он опрокинулся вниз. Поджав под себя колени, мужчина перевалился через плечо, упёрся головой в пол, распрямился и так оказался на коленях. В этом положении он мог лучше осмотреться в той небольшой комнате, где находился. Комната была пуста.

Аристарха стала пробивать мелкая дрожь. Это был внутренний, подсознательный и какой-то животный страх. Аристарх не отличался особой смелостью и предпочитал обходить тёмные переулки стороной, называя это предусмотрительностью или осторожностью. Но здесь был другой страх... Это не было страхом перед неизвестностью. Тревога исходила откуда-то изнутри и, видимо, сидела там некогда глубоко и тайно, не показывая себя, а теперь всплыла как нечистоты, обдавая рассудок ушатом обречённости, трусости и слабости. Это было состояние дежавю, потому что страх был подобен страхам из его детства, и сам он чувствовал себя ребёнком, беззащитным и одиноким.

В этот миг дверь в конце комнаты приоткрыли, и в темноте проёма показалась пара человеческих глаз. Дверь сразу же захлопнулась, послышался звук шагов и всё стихло. Через минуту ошалело глядевший на таинственную дверь Аристарх вновь услышал шаги, на этот раз нескольких людей, и в комнату одна за другой вошли пять женщин, держащихся степенно и надменно.

– Ничтожество! – это было первое, что услышал пленник. “Сволочь” было вторым словом, и “Подлец” – третьим.

Аристарх всё ещё не мог поверить в происходящее. Он ошалело смотрел на женщин, переводя взгляд с одной на другую, пытался вспомнить, видел ли он их раньше, но так и не смог. Становилось ясно – произошла какая-то грубейшая ошибка!

Высокая худощавая брюнетка в вызывающем наряде “а-ля вамп” подошла к мужчине, наклонилась, взяла его за волосы и с силой повалила к подошвам своих ботфуртов.

– Ненавижу! Ненавижу ваши лохматые головы, небритые морды и вонючие руки! Грязные грубые животные! Как вы смеете вообще прикасаться к нам?!

С силой пнув острым каблуком Аристарху в бок, женщина отступила и передала смену второй злобной насильнице, прямому антиподу брюнетке по внешности, но не по характеру, которая с разбегу заехала пудовой ногой пленнику под рёбра.

– Безмозглая тварь! Тупая обезьяна! Кусок идиота! Никогда вы кретины не сможете понять простую женскую логику!

Эстафета норвила стать угрожающей. Аристарх корчился на полу, не в силах произнести ни слова. Он не понимал уже ничего, также как ничего не чувствовал. Мужчина потерял сознание.

Вопреки ожиданиям, если бы таковые могли иметь место в шумящей и несущейся по кругу голове мученика, после его прихода в себя истязательницы всё ещё находились в комнате. Худшего развития сюжета себе и представить было нельзя.

– Очнулся, гад.

– Подождите! Что вы делаете? Кто вы? Что я вам сделал?! – Аристарх запыхался в своей спешке остановить чудовищную экзекуцию. Он смотрел на каменные и полные пре-

зрения лица мокрыми глазами надежды, каждой морщинкой на своём испуганном лице пытаюсь дать понять женщинам, как же жестоко они ошиблись в выборе своей жертвы.

– Ты мужчина – и этим всё сказано. Ты ответишь за всех.

Сказавшая эти слова красивая молодая девушка с вьющимися рыжими локонами, одетая в джинсы и короткую блузку, подошла к пленнику, вынула из сумочки на плече длинный нож и перерезала верёвки на его руках. Нож она не убрала, отступила на пару шагов и лишь отвела руку с оружием в сторону.

Со стоном Аристарх свёл онемевшие руки перед собой и обхватил затёкшие запястья, сжавшись пополам. По лицам женщин расплылись довольные улыбки торжествующих победительниц, которые наслаждались победой и жалким видом поверженного врага. Мученик с ужасом посмотрел в их сверкающие ненавистью глаза и надрывно возопил:

– Да что же такое происходит?! Вы с ума сошли? Я ни в чём не виноват!

– Ты виноват лишь в том, что ты мужчина, – повторила рыжеволосая и отступила ещё дальше, пустив вперёд себя маленькую худосочную дамочку средних лет в чёрном платье и шляпке с вуалью.

– Бездушный истукан! В тебе нет ни капли чувства и ни толики сознания! Только грязная тошная похоть!

– Тебе только жрать да пить, пить да жрать, тебя больше ничего не интересует! – не удержалась последняя женщина

с внешностью и, видимо, психотипом крестьянки. Одетая она была в бесформенный балахон, обнажающий крепкие мускулистые ноги и руки. И этими самыми руками она с размаху прошлась по голове и корпусу поднявшегося было на ноги Аристарха, отправив его в неприятный нокдаун. Дама с валью тоже не осталась в стороне после своей тирады и, прицелившись, нанесла разящий удар пленнику между ног.

Таким образом, физическим насилием не отметилась пока только рыжая красавица, зачем-то освободившая ножом от тяжёлых пут обессилевшего Аристарха. Но теперь уже становилось понятно, зачем. Подойдя к стонущей забитой фигуре посреди комнаты, она надела ей ремешок на шею и, с силой потянув, заставила пленника идти вслед за ней вдоль стены на четвереньках, подобно собаке.

– Вы созданы только для того, чтобы служить нам, женщинам! Вы должны выполнять наши приказы и желания беспрекословно, охранять нас, холить и лелеять, беззаветно любить и боготворить! Вот ваша мужская природа, и ничего больше!

С этими словами рыжая бестия полоснула по спине мученика два раза ножом, крест на крест разорвав на нём рубашку, и торжествующе воздела оружие кверху.

– Йохху!!

Её крик поддержал весь дружный женский коллектив, после чего торжественной процессией покинул комнату также степенно, как и появился в ней.

Сняв с шеи рабскую удавку, Аристарх судорожно провёл по спине рукой. Раны были не глубокие, но измазанная кровью ладонь никак не могла придать пленнику оптимизма. Он облокотился спиной на стену и закрыл глаза. Это было бы страшным сном, если бы не было страшной явью. Но в любом случае – надо было что-то делать: или просыпаться, или спастись. “Просыпаться” не удавалось.

Пять женщин, выйдя из комнаты, в которой они держали своего пленника, вышли на улицу и сели за большой стол под деревянным навесом, чтобы обсудить дальнейшие действия.

– Думаю, с ним пора кончать, – высказала своё мнения барышня-крестьянка.

– Вы что, хотите его убить? – испуганно спросила шляпка с вуалью.

– Боюсь, у нас не остаётся другого выбора... – рыжеволосая девушка на мгновение закрыла лицо ладонями, а затем провела ими по волосам, опустив голову.

– Здесь его никто не найдёт, – утвердительно закивала полная женщина в ярком платье, бывшая Аристарха второй, после брюнетки.

– Ну... мы можем приказать ему хранить молчание, иначе он сильно пожалеет. Думаю, он нам поверит, – осторожно высказалась сама брюнетка.

Рыжеволосая, которая, видимо, была за старшую, взяла слово.

– Убивать мы его не будем. Это не входило в наши планы.

Всё, что мы хотели, это отомстить мужчинам за их подлость, хамство, жестокость и презрение к “слабому” полу. Важно, чтобы он донёс до остальных всё, что могут сделать с ними женщины. Ведь для этого я и выбрала журналиста. Правда, мы немного переборщили, но теперь уже пути назад нет. Нам, женщинам, свойственно увлекаться, это наша натура. Пусть осознают и это. Главное, чтобы никто не узнал, кто мы, и об этом его надо предупредить. Каждая из нас постоит за другую!

– Это верно, женская дружба – страшная вещь!

Все женщины, как одна, подскочили на своих местах и в ужасе уставились на мужчину, произнёсшего из-за их спин эту неожиданную тираду.

Вилиал стоял чуть поодаль, в кожаном плаще, с трёхдневной небритостью на лице и странным предметом в правой руке. Этот тонкий длинный предмет был аккуратно завернут в кусок чёрного бархата и вызывал у беспощадной банды трепетный страх.

Вилиал не спеша, с напускной задумчивостью переводил взгляд с одной жертвы на другую, как бы смакуя своё театральное появление. Девушки переглянулись, но не смогли вымолвить ни слова.

– Вы в замешательстве, я вижу. Оно оправдано. Признаться, у меня большой соблазн вынуть сейчас этот предмет и закончить вашу пьесу справедливым финалом. Однако, в силу своей природной склонности к поиску выгоды, я могу вас

обрадовать – вам сильно повезло! Вы встретили того, кто вам сейчас непосредственно нужен, и кто с лёгкостью, достойной взмаха крыла самого беспечного ангела, разрешит все ваши страхи и сомнения. Впрочем, у вас есть выбор. Вы можете провести несколько лет за железной решёткой в раскаянии и муках совести, а можете отправиться в увлекательное заграничное путешествие с завораживающим концом, которое гарантирует вам личную свободу после его завершения. Голосовать будете, или..?

Женщины успокоились, но перекинулись недоуменными взглядами.

– Кто вы такой? – снова взяла слово рыжеволосая. – И как вы можете судить нас, не будучи знакомыми с теми тяжёлыми испытаниями, которые нам пришлось пережить? Все мы сильно пострадали от рук своих мужчин! Над нами издевались, били, унижали, насмехались и изменяли. Мы – женщины! Что вы знаете о нас, женщинах, чтобы судить нас своей мужской силой?

– Да, пожалуй, всё... – Вилиал вдруг задумался, – или почти всё. Но сейчас это не имеет никакого значения. Ваше преступление очевидно – вы выбрали в жертву невинного человека, осудив его лишь по половой принадлежности, этого обвинения вполне достаточно. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью с особой жестокостью, издевательством и мучениями для потерпевшего, совершённое группой лиц по предварительному сговору – вы понимаете, что

выйдете из тюрьмы уже дряхлыми старухами, обделёнными жизнью, свободой и счастьем? В общем так. Вы делаете то, что я вам скажу, а я в свою очередь гарантирую вам молчание и свободу. После того, как вы выполните моё поручение, естественно. А мужчину в запертой комнате я беру на себя, вам лучше о нём забыть. Ну что, согласны?

– Согласны... – нестройным хором ответили девушки и опустили головы.

– Ну вот и мило, – Вилиал улыбнулся, подошёл к столу, поставил таинственный свёрток сбоку, прислонив к стене, и наклонился к группе лиц по предварительному сговору, чтобы рассказать ей о дальнейших действиях.

Спустя некоторое время, когда все женщины покинули одинокий двор на краю заброшенной деревни, Вилиал вошёл в комнату, отведённую под пыточную камеру, и застал там сидящего на полу Аристарха, обхватившего руками распухшую голову. Демон назвался Инспектором уголовного розыска и вкратце объяснил ситуацию с захватом несчастного мученика. Помешанные на злобе и мести преступницы были пойманы и отправлены в камеру предварительного заключения, Аристарха же просят до особого распоряжения хранить молчание, дабы не мешать следственной работе, и никому не рассказывать об истинной картине происшествия. Освобождённый пленник с радостью согласился, крепко пожал Инспектору руку и посетовал на прощание:

– Я не понимаю, почему люди такие злые, критикуют, уни-

жают, насмеваются, ведь мы же все в одной коробке! Нам надо помогать друг другу, а мы создаём образ врага и боремся с ним. Кричим на Бога, что он создал плохой мир, а он, бедолага, наверное сидит у себя на облаке в одиночестве и пьёт горькую. И если мы сами не поможем ему, он попросту нажмёт кнопку “Перезагрузка”, или вообще отформатирует Диск Жизни. Вот лично я бы на его месте давно так сделал, у Бога очень крепкие нервы... А это стадное чувство? Как только свалили одного, все бросаются его затапывать, не оставляя шансов выжить и подняться. Это потому, что людьми в группе руководит не их разум, а разум группы, стада. Это совершенно иная сущность, для которой люди – пешки, и она ими жертвует, чтобы забраться повыше... Благодарю вас!

Глава 30. Игрок.

Вилиал снова решил проехаться поездом – была в этом какая-то непреодолимая романтика. Мерный стук колёс по стыкам рельсов синхронизировался с ударами сердечной мышцы, и достигаемый резонанс способствовал особому медитативному состоянию. Летящие навстречу разноцветные крыши домов с дымящимися трубами, раскрывающие первые почки голые деревья и отходящие от зимнего анабиоза журчащие речки под дрожащими фермами мостов притягивали к себе взор и не хотели отпускать его до конца поездки. На платформах железнодорожных путей среди людей попадались интересные персонажи, которых Инспектор быстро прочитывал и затем не переставал удивляться. “Воистину, опасайтесь людей верующих, ибо у них есть боги, которые всё им прощают. Неверующих тоже, ибо у них нет бога, который бы им хоть что-то запретил,” – размышлял он задумчиво, пока его рассуждения не прервал неприятный мужской голос.

– В картишки не желаете перекинуться? Скоротать времечко в поездке, не более! По копеечке?

Вилиал посмотрел в сторону нарушителя покоя и обнаружил рядом с собой невысокого худощавого мужчину, в сером драповом пальто и широкополой фетровой шляпе. Задавая

свой вопрос, тот слегка наклонился вперёд и вбок, как бы заглядывая сидящему собеседнику в глаза, и оставался в такой позе до того момента, пока Инспектор не соблаговолил ему ответить.

– Ну, присаживайтесь.

– Отлично! Вот спасибо, а то никто не соглашается, а дорога такая мутная. Думают, я мошенник какой... Да какой из меня мошенник, вы сами посмотрите!

Вилиал посмотрел, но промолчал. Мошенник перед демон сидел натуральнейший. Маленькие прыгающие глазки, высокий лоб и длинные жилистые пальцы, наколки на которых шулер инстинктивно пытался скрыть от внимательного взора. Мужчина достал колоду карт, раскрыл рубашкой вниз перед попутчиком и пожал плечами, как бы показывая, что никакого обмана в них нет.

– Я вам сейчас покажу интереснейшую игру! Она очень лёгкая, называется магаданский покер. Правила такие...

– Я знаю.

Мужичок замер на полуслове, удивлённо посмотрел на соперника и медленно переспросил:

– Знаете?

– Да.

Шулер снова пожал плечами и стал нервно перетасовывать колоду, уронив пару раз карты на стол. Наконец, он с деловым видом раздал карты, достал толстый потрёпанный кошелёк и, не показывая его содержимое Вилиалу, уверен-

ным жестом вынул и положил на стол крупную купюру.

– Извините, меньше нет! Ну, вы можете поставить, сколько захотите!

– Меньше тоже нет, – отреагировал Инспектор, и поставил купюру того же номинала, только в иностранной валюте.

Игрок сглотнул слюну, помял пальцы, не отрывая взгляд от денег на столе, и, наконец, улыбнулся и посмотрел невинным детским взглядом на своего соперника.

– Ну, начали, – он поднял свои карты.

Вилиал не шелохнулся. Он сидел, сложив руки на груди и откинувшись на стену плацкарта в невозмутимой позе. Демон смотрел прямо в глаза мужчине напротив. Тот помял подбородок, положил карты, посмотрел куда-то вверх, подумал, махнул рукой и достал из кошелька ещё одну купюру.

– Эх, была-не-была, один раз живём!

Инспектор, не трогая своих карт, достал другую купюру и также положил рядом.

– А вы что, карты поднимать не будете? – удивился Игрок.

– Нет, – коротко ответил Вилиал и продолжил смотреть прямо на партнёра.

Тут лицо мужчины внезапно побледнело, он схватился за голову и сжал её длинными жилистыми пальцами изо всех сил. Вены на его руках напряглись, и казалось, что сейчас он раздавит своё лицо, если его не остановить. Демон не на шутку перепугался, явно не ожидая такой реакции, выпрямился и схватил Игрока за руки.

– Что вы делаете?! Остановитесь!

Картёжник оторвал руки от головы, и тут Вилиал увидел его истинную суть. Перед ним сидел несчастный, забитый жизнью мужичок с уставшими красными глазами, мокрыми от слёз и провалившимися от отчаяния и тоски. Всё тело Игрока куда-то осело так, что его стало еле видно из-за стола, он превратилось в жалкий серый комочек, а фетровая широкополая шляпа свалилась на грязный пол вагона. Инспектор поднял шляпу, отряхнул её, положил на стол поверх карт и спросил мужчину:

– Что с вами случилось, вам плохо?

– Да, мне плохо, – Игрок опустил взгляд куда-то под ноги. – Мне ужасно плохо уже который год, и никому до этого нет дела. Вот вы, – он посмотрел с грустью на Вилиала, – вы, как представитель правопорядка, можете мне сказать, почему государству наплевать на то, что творится с его гражданином? Почему этот гражданин верой и правдой служил своей стране, платил налоги, платил профсоюзу, участвовал в самодеятельности, стрелял из автомата, воспитывал ребёнка, красил стены в школе, а чуть стало ему тяжело, так от него сразу все отвернулись? Почему никто не протянул ему руку помощи?

– Спасибо за комплимент, но я не представитель правопорядка. Вы, как я понимаю, пас? Разумное решение. Вовремя остановиться – это дорогого стоит.

Вилиал перевернул свои карты, так и лежавшие на столе

стопкой с самой раздачи, и разложил их в ряд.

– Флеш рояль... – Игрок заворуженно произнёс название выигрышной комбинации. – Как вы это сделали? Ведь раздавал я! – Он перевернул свои карты, но там была лишь разномастная мелочь. – Этого не может быть!

– Мне кажется, вы далеко не впервые произносите эти слова.

– Да... я произношу их постоянно. Какой-то злой рок преследует меня с того момента, как я выиграл свою первую ставку в казино. Это была моя единственная, хоть и крупная победа. Да, я сглупил тогда, и понял это слишком поздно... Но ведь я осознал свою ошибку и обещал всё исправить! Почему же меня никто не услышал? Не услышал там, наверху!

Мужичок поднял вверх сжатые кулаки и гневно потряс ими в направлении неба. Его глаза были широко раскрыты и наполнены священным и праведным гневом. Затем он снова осел, осунулся, устался под ноги и продолжил.

– Я пообещал в тот раз, когда проиграл все деньги, отдать весь следующий выигрыш на благотворительность и в церковь, оставив себе лишь начальную ставку, но небеса как будто заткнули уши. А ведь я был глубоко верующим человеком! Я продал машину, дачу, брал кредиты, но никак не мог отыгаться. Я превратился в больного человека, я стал помешан на игре! Ведь неудачи следовали одна за другой, и когда-то мне наконец должно было повезти! Но вы видите, во что я превратился? Меня перестали пускать в казино,

игровые клубы, за карточные столы. В конце концов меня поймали на жульничестве и сильно избили. Я долго болел и остался без средств к существованию, а вскоре попался на краже. Несколько лет за решёткой не сделали меня мудрее, я снова взялся за игру, и снова неудачно. Я молился в храмах целыми днями, но, видимо, ни святые, ни ангелы, ни Бог не услышали меня. Почему они не услышали меня, вот вы можете мне сказать? Да кто вы такой вообще?!

– Я чёрт. Да, самый обычный чёрт. Ну, не самый обычный, конечно... но тем не менее. И я, как чёрт, вот вам что скажу. Вы что, действительно не понимаете? Как, как можно этого не видеть? Я порой удивляюсь вам, людям. То, что лежит на самой поверхности, вы не замечаете, и ныряете куда-то вглубь в поисках неведомого. Или как там у вас говорят: «Слона то я и не заметил». Вы подходите вслепую к слону, берёте его за огромное ухо, щупаете и говорите себе: «Да, это очень большое ухо». После этого берёте его за хобот, за бивни, и заключаете: «Да, это хобот и это бивни». Но вам и этого недостаточно! Вы даже глаза не хотите открыть, хотя они у вас есть, и играете в какие-то прятки. «Это не может быть слонем, это было бы слишком просто...» – такова ваша логика? Вы постоянно жалуетесь на что-то, постоянно недовольны. А кто виноват-то в ваших несчастьях, кроме вас самих? Бог вам не помогает, святые угодники не являются? Да как к вам подойти то, если вы облеплены кучей лярв, бесами, чертями, попросту говоря. Потрудитесь изба-

виться сначала от них! Почему кто-то должен делать за вас вашу работу, в чём же такая ваша ценность и исключительность? Да вы хотя бы половину из них снимите, чтобы вас в принципе разглядеть можно было! Никто из высших светлых сущностей не хочет лишний раз мараться, а вы ходите, облепленные слизняками, червями и тараканами, и просите о помощи... Да ангелы же убегают при одном вашем появлении! Вот вы бомжей, нищих и юродивых чураетесь, а чем вы лучше? Да многие из них чище самых красивых, умных и богатых из вас! Я вам много историй могу рассказать про то, сколько «праведников» жарится на раскалённой сковородке в Преисподней. Ангелы помогают только тем, кто сам делает первый шаг, кто борется со своими пороками не на словах, а на деле. Это тяжёлый труд, и не каждый доходит даже до половины пути, ибо мы, бесы, хитры и настойчивы. Но как только вы сбрасываете свои первые оковы, сияние вашей ауры прорывается сквозь толщу нечистот и его замечают те, о поддержке и помощи которых вы чаще всего просите. Возможно, вам начнут помогать, а скорее всего, на вас просто не хватит сил, ибо ресурсы с обеих сторон ограничены. Поэтому, чем больше пороков вы с себя снимите сами, тем больше шансов на то, что вас заметят и действительно помогут! Я не знаю, зачем я это говорю, это ведь не в моих интересах... но что-то в вас, людях, есть. Я только сейчас начал это замечать и ещё не полностью осознал то, что почувствовал. Даже самые падшие из вас сохраняют луч света, который блуждает

где-то в темноте вашей души в поисках выхода. Я выслушал много историй, и многие из них меня поразили, хоть я не подал и вида. И я вот что могу вам сказать – в людях есть очень большая сила! Сила, которой они не пользуются, и которая может свернуть горы на их пути. Однако, люди зачем-то играют чужие роли, подхваченные ими, как вирус, и всю энергию тратят на достижение ложных целей. Но больше я ничего не скажу, мой язык и так разболтал много лишнего. Я могу вам помочь. Выбирайте, либо это быстро сделаю я, за небольшую услугу, либо трудитесь сами и возрождайте свои благодетели, и тогда вас, может быть, заметят светлые. Шанс есть у каждого. Это честно, и выбор за вами.

Глава 31. Гавриил.

Полина сидела в здании аэропорта в ожидании своего рейса. В зале ожидания народу было немного, но люди потихоньку подтягивались. Ангел приехала заранее, так как других целей у неё уже не осталось – след Вилиала она потеряла, и теперь летела на то место, где по предположениям архангелов он должен был появиться. Задача её гораздо усложнялась, так как демон собирал себе помощников, видимо соблазняя их богатством, властью или свободой, а она оставалась одна. Порой бездонная бездна отчаяния и депрессии открывала перед ней свою скрипучую дверь и обдавала девушку плесенью и сыростью сквозь ядовитую паутину страха, но

Полина собирала остатки сил, закрывала эту дверь ногой и старалась переключить своё внимание на детей или животных. Нет, так нельзя! Она должна держаться! Ей обязательно помогут!

– А, вот ты где, – неожиданно раздался за её спиной знакомый голос, и девушка вздрогнула от неожиданности.

– Гавриил!!

– Тихо, тихо, – архангел оглянулся вокруг и сел рядом с Полиной, – не стоит привлекать внимание.

Архангел Гавриил, так неожиданно явившийся на встречу с ангелом в образе обычного человека, был для Полины настоящим спасителем, она не выдержала и бросилась ему на шею, заключив в объятия. Таких крепких объятий Гавриил не испытывал никогда! Погрузившись в родную энергетику, девушка заплакала. Буквально за минуту она выпалила ему всё, что накопилось у неё на душе, и архангел внимательно и терпеливо выслушал, кивая головой в знак понимания. Наконец, Полина успокоилась.

– Архангел, большое вам спасибо, что вы пришли ко мне! Вы как раз во время. Я не знаю, что мне делать дальше. Ну, прилечу я туда, а потом? – Тут девушка неожиданно вспомнила. – А потом... что значат слова демона, что он знал меня раньше? Почему вы мне ничего не рассказали?

Гавриил с сожалением посмотрел на Полину, опустил глаза, подумал и ответил:

– Так значит, он к тебе приходил?

– Да, во сне.

– Это был не сон.

– Я знаю.

– И что он тебе рассказал?

– Что у меня была мама, которая выбросилась со мной с балкона.

– И всё? А почему она выбросилась с балкона, он не сказал?

– Нет...

Архангел хмыкнул, мотнул иронично головой и спросил девушку, прищурившись:

– Ну а сама-то ты как думаешь? Ну ты же видишь, перед тобой – бес! Ну что тут ещё можно сказать!

– Но он не мог обмануть меня!

– А что такое обман? Я уж не спрашиваю, почему ты считаешь, что он не мог тебя обмануть, оставим это, но ведь мы-то тебя чему обучали? Враг хитёр и коварен! Да, он действительно сказал правду, но сказал её, как ложь, потому что скрыл главное – мотив!

– Я спросила его, как он оказался в той квартире, но он не ответил...

– Ну, вот видишь! Это всё и объясняет! Мама схватила тебя из кровати и бросилась вниз потому, что сей демон ввёл её в отчаяние – это специфика Вилиала, его стезя. Именно поэтому он стал верховным демоном, сделал себе карьеру, так как в совершенстве овладел искусством отбивать у че-

ловека веру. Твоя мама думала, что ты безнадежно больна, так же, как и она, и не хотела отдавать тебя на опыты и подвергать страданиям. Это демон внушил ей броситься вниз, и именно он раскрыл под балконом дьявольский портал, который захватил ваши души и отправил в ад!

Полина сидела бледная, без единой кровинки на лице, и готова была упасть в обморок. Слишком много на её детскую душу выпало переживаний за последнее время, а стойкостью и выдержкой она пока не обладала.

– Хорошо... мне всё понятно. Что дальше? Что я должна делать?

– Ничего, продолжай свой путь. Мы знаем, что он собрал 13 человек, соблазнив их исполнением желаний или шантажировав, но они не смогут тебе помешать, если ты будешь решительна. Мы специально выбрали именно тебя, ты уже поняла это, но только не попадись на его удочку! Повторяю, демон хитёр и коварен, он может использовать запрещённые приёмы, может соблазнять, вызывать жалость, обещать вознаграждение, может использовать самую правдивую ложь. Ты должна всегда помнить главное: перед тобой дьявол! Как бы он ни выглядел и чтобы он ни говорил – это всё обман, и его цель – уничтожить мир.

Полина кивнула. Она была уверена, что теперь-то ни один Вилиал в мире не сможет обвести её вокруг пальца и посеять сомнение. Она отругала себя за то малодушие, которое проявила, поддавшись его влиянию. Только сейчас она поняла,

как ловко её провёл демон, притворившись красивым юношей на цветущем лугу, и как ловко он смог посеять в ней сомнение тогда, в замке, лишив сил и стремления. Архангел же своим появлением доказал, что светлые силы никогда не оставляют в беде своих ангелов и всегда приходят на помощь в самый нужный момент.

– Я уничтожу его.

Глава 32. В полёт.

Фёдор стоял посредине зала у стойки регистрации израильского рейса и переминался с ноги на ногу. Он никогда не летал на самолётах, тем более за границу, да и в поездах не ездил уже лет сорок, поэтому испытывал неприятные замешательство и боязнь. Не меньше его смущало после родной деревни и количество народа вокруг, говорящего не по-русски, а также вид огромных крылатых машин с амбразурами иллюминаторов. Теребя в руках меховую ушанку и поглаживая густую бороду, он понимал, что намного отстал в своём развитии от остальной цивилизации, и искренне хотел, чтобы вся эта суeta вокруг него поскорее закончилась. Несколько раз промелькнула у него шальная мысль всё бросить, но вовсе не страх перед Вилиалом останавливал его от этого поступка. То был Дитрих, образ которого стоял перед несчастным Фёдором даже тогда, когда он закрывал глаза. Мужчина понимал, что организм его больше года не протянет, и всё материальное скоро растает, как дымка, оставив ему лишь неискупленные грехи и тяжкий груз вины перед убитым немецким юношей. Фёдор искренне верил в бессмертие души, и вечные её мучения были для него пострашнее любых самолётов.

Фёдор ещё простоял бы так полчаса, если бы на него не

наткнулся маленького роста мужичок с беззубой улыбкой и не попросил извинения на ломаном французском:

– Ой, мильпардонте, оревуар!

– Чего?

– А, так вы русский? Ну, слава богу, хоть кто-то. Извиняюсь!

– Да ничего... Вы что, тоже в Израиль? – спросил Фёдор с ударением на последнем слог.

– Да, пёс его заberi, туда, туда. Вы уже прошли регистрацию?

– Да нет... я это, в первый раз, – Фёдор смущённо засмеялся.

– А я летал. Давно, правда, – мужичок погрузился в мимолётное воспоминание.

– Ну, тогда ведите меня, раз вы такой опытный! Вас как зовут? Меня Фёдор.

– А меня Прохор! Будем знакомы!

Два новоиспечённых приятеля прошли к стойке и встали в небольшую очередь. Впереди вела громкую беседу с работницей аэропорта своенравная блондинка, и резкий голос её был слышен далеко вокруг.

– Вы обязаны дать мне место рядом с этой девушкой, мы летим вместе!

– На вас заказаны места в разных частях салона.

– Так поменяйте их!

– Я не могу этого сделать, ваши места уже оплачены и би-

леты подготовлены.

– Так сделайте другие билеты!

– Все места заняты!

– Лариса, да ладно тебе, не спорь, тут лететь-то всего ничего! – подруга блондинки, симпатичная брюнетка, пыталась успокоить попутчицу.

– Вот барда-ак! – не смогла успокоиться Лариса, но всё-таки смирилась со своей участью. – Пошли, Марина.

В зоне дьюти-фри Прохор и Фёдор стояли в стороне от других пассажиров и оживлённо делились друг с другом воспоминаниями из личной жизни. Марина и Лариса тоже держались вместе, поскольку были давними подругами, но теперь их соединяла ещё большая связь – чёрный приворот в исполнении таинственного Инспектора и общее поручение, которое они обязались исполнить в конечной цели своего путешествия.

Среди других пассажиров также выделялась нестройная группа из пяти смущённых женщин, из которых только одна, рыженькая, вела себя более-менее цивилизованно. Остальные следовали за ней, как на привязи, натываясь друг на друга и пребывая в постоянной отрешённой задумчивости. Барышня-крестьянка в бесформенном пальто, худосочная дамочка в своей неременной шляпке с вуалью, маленькая толстушка в лёгком пуховике и высокая худошавая брюнетка, на этот раз без своего вызывающего вампирского наряда – вот такая свита сопровождала рыжеволосую и весьма симпа-

тичную девушку в джинсовом костюме.

Вскоре пассажиров пригласили на посадку, доставили до трапа на автобусе и вежливо рассадили по свои местам. На удивление, Фёдор и Прохор оказались на соседних местах, через проход, чему оба были рады, так как за короткое время своего знакомства уже успели проникнуться друг к другу симпатией. Чуть впереди их, через ряд, также рядом с проходом сидел насупившийся в своём недовольстве Лёня Ветерок – он выделялся высоким ростом и спортивным телосложением, так что проход, в котором он мог вытянуть длинные ноги, был ему как нельзя кстати. Лёня был недоволен тем, что ему пришлось покинуть тихую мирную пристань психиатрической лечебницы, воспользовавшись известной дырой между забором и стеной здания. Суэта обывателей его раздражала и мешала сосредотачиваться на глубоких философских мыслях, но воспоминания об ужасном клоуне и лютая ненависть к белокурому Предводителю двигали его вперёд, нужно было покончить со всем этим и опять возвращаться в больницу – ведь там был его дом...

В глубине салона рядом друг с другом сидели ещё два человека – снова с мушкетёрскими бородкой и усиками, но уже постриженный и причёсанный Иннокентий, только что выбравшийся из очередного портала, и хмурый худощавый Игрок, в строгом костюме и тонких кожаных перчатках, скрывающих тюремные наколки на длинных жилистых пальцах. Друг друга они не знали, но у них было нечто общее – это

память о холодных тюремных стенах и желание изменить накатанную дорогу своей жизни. У Кеши эта дорога замыкалась по кругу, а у Игрока убегала по бесконечным рельсам в далёкое никуда.

И наконец, на самом заднем ряду, примкнув к холодному стеклу иллюминатора, сидел с заветной книжкой в руках молодой юноша в круглых очках – книга его называлась “Квантовая физика”, а согревал студента толстый свитер с большим воротом, закатанным на шее в несколько слоёв. Юноша чуть не опоздал на свой рейс, но неуёмное желание исполнить взятое на себя ответственное поручение и получить заслуженную награду заставило его бежать вприпрыжку, преодолевая немислимые преграды, и таким образом успеть проскочить в зону таможенного контроля до того, как она была закрыта.

Вот такая пёстрая компания была собрана Вилиалом в одном месте с одной единственной целью – она должна была помочь ему вернуться назад. Домой. Он по-прежнему стремился покинуть этот людской мир, хотя и начал проникаться к его обитателям определённой симпатией. Демон не был уверен, что ему придётся легко, когда он вернётся назад в Преисподнюю, но и оставаться здесь влачить своё существование простым смертным он не имел никакого желания. Вилиал иногда поражался удивительной иронии мироздания. Он, верховный демон, заведующий главным отделом Тёмного мира – Пристанью Отчаяния, наполнял Океан упадка ду-

ха унылыми и потерявшими веру человеческими душами, и вот он сам оказался изгнанным на поверхность из-за Отчаяния – того, в которое поверг душу Катерины, матери маленькой Полины. И теперь Вилиал должен был исправить последствия своего малодушия, благодаря которому он освободил и отправил Полину на Светлую сторону. А девочка эта затем была послана помешать ему вернуться домой... Воистину, пути Господни были неисповедимы.

Глава 33. Астероид

– Алло!

– Георгий Валентинович, это Николаев! Нам необходимо срочно встретиться!

– А в чём такая спешка?

– Апофис!

– И что Апофис?

– Он изменил орбиту!

Через два часа оба астронома (один – директор обсерватории, другой – её старший научный сотрудник) тщательно рассматривали данные наблюдений.

– Я совершенно случайно заметил, – комментировал Николаев, – даже не знаю, что меня кольнуло вернуться. Сначала глазам не поверил, потом проверил на компьютере – так и есть! На 5 градусов! И... он стал вращаться вокруг своей оси, как будто его раскрутили, как волчок!

– И куда он теперь направляется?

– По первым приблизительным расчётам, астероид должен пролететь всего в 100 тысячах километров от Земли. По времени – прямо на Пасху!

– Но он точно мимо пролетит?

– Точно.

– Вот же... Бог Хаоса, не зря так назвали.

– Бог тьмы и хаоса!

– Ну, надеюсь, тьма нам не грозит.

– Да, если только...

– Что ещё?

Николаев неуверенно провёл рукой по небритой щетине и поправил позолоченную оправу. Георгий Валентинович, облокотившийся локтями и всем грузным телом на директорский стол, внимательно из под густых бровей смотрел на сотрудника. Перед ним были разбросаны карты звёздного неба, чертежи и схемы с таинственными цифрами и буквами, а также несколько папок с мелкими таблицами со множеством столбцов.

– Ну, я имею ввиду RQ36... Но надо тщательно всё проверить. Поступили новые данные со спутника. На этот астероид сильно влияет гравитация со стороны больших планет, его орбита очень изменчива. И по предварительным данным, мы скоро можем ожидать его появление вблизи Земли, примерно в то же время.

– Два астероида?

– Я вот тут распечатку сделал... Но, повторяю, надо всё проверить. И в любом случае, наши расчёты не могут быть абсолютно точными.

Николаев развернул перед директором смятый в руках небольшой рулон миллиметровой бумаги. Он расправил его дрожащими руками и натужно выдохнул. Георгий Валентинович нахмурился, поводил глазами по чертежу и спросил:

– Не понимаю. Что вы хотите этим сказать?

– Они движутся навстречу друг другу, Апофис и RQ36.

И вот здесь, – старший научный сотрудник ткнул пальцем в точку пересечения двух кривых, – они должны столкнуться. Это всего в сотне тысяч километров от нашей планеты. И сколько будет осколков, и какого они будут размера, и куда они могут полететь – не знает никто. Даже Бог.

Глава 34. Иерусалим.

Вилиал стоял перед монументальным и величественным зданием отеля “Царь Давид” и не мог оторвать от него свой взгляд. Элегантный и благородный фасад напоминал ему тот дворец, в котором он совсем недавно принимал Полину. Это был любимый древний стиль демона, настоящий шедевр классической архитектуры, от него пахло могуществом и вечностью. Здание соединяло в себе европейскую симметричность форм и традиционные для восточной архитектуры арки, купола и разноцветные камни. Ушедшая романтическая эпоха и обширные сады с пальмами и зелёными лужайками красиво сочетались с современными атрибутами уюта и комфорта – плавательными бассейнами, теннисными кортами, детскими площадками и тихими уголками для уединения и отдыха.

Вилиал вспомнил, когда был здесь последний раз. Это было летом 1946 года, когда в результате теракта произошло обрушение одного угла здания – от взрыва тогда погибло около ста человек, и демон никак не мог пропустить такое происшествие. С тех пор зданию пристроили ещё два этажа, и теперь этот фешенебельный отель напротив древних городских стен притягивал к себе взор Инспектора как никогда сильно.

Вилиал прошёл под величественную арку входа и ступил в роскошный мраморный вестибюль. Он степенно подошёл к администратору и поздоровался.

– Я заказывал номера на 5 человек, – с этими словами он протянул список менеджеру, – все ли эти люди заселились и всем ли довольны?

– О, мистер Вилиал! Да, все пять человек с удобством расселились на втором этаже, мы познакомили их с номерами и услугами, и они остались очень довольны!

– Отлично.

Вилиал вышел из отеля и не спеша пошёл в сторону Башни Давида, возвышавшейся неподалёку у входа в Старый город. Эта цитадель хранила память о многих исторических событиях, и хотя неоднократно была разрушена и перестроена, демону было интересно вновь посетить некоторые значимые для него места крепости – ведь он никогда не был здесь человеком.

В том изысканном отеле, который посетил Вилиал, он заранее заказал пять одиночных номеров – для Фёдора, Прохора, Лёни, Иннокентия и студента. Инспектор испытывал некую внутреннюю симпатию к этим людям, несмотря на весомую когорту тараканов в каждой голове. Остальных своих компаньонов он расселил по другим гостиницам, оставив вместе лишь пятёрку неразлучных девиц – их он поместил в отель “Глория”. Для Игрока он выбрал недорогой номер в гостинице “Новый Империл”, а Марину и Ларису разде-

лил между ещё двумя скромными отелями. Ему не нравилось то, какое дурное влияние оказывает на свою подругу Лариса, и без того подбившая её на приворот, и потому он даже в самолёте специально заказал им места вдали друг от друга. Все выбранные гостиницы находились рядом со Старым городом, и Вилиалу показалось это удобным.

Поражённые величественной красотой отеля “Царь Давид” и Иерусалима, Фёдор и Прохор долго восхищались и цокали. Они никак не могли поверить в то, что им выпал такой удобный случай увидеть весь исторический библейский антураж своими глазами. Прохор долго рассматривал сувениры на торговых лотках, тщательно выбирая покупку, когда вдруг обнаружил, что рядом с ним нет Фёдора. Буквально тут же тот вынырнул из ниоткуда, схватил Прохора под руку и силой затолкал в ближайший магазинчик. С удивлением глядя на взволнованного товарища, Прохор никак не мог понять, что могло произойти с ним. Фёдор долго всматривался в декоративное стекло окна и, наконец, увидев кого-то на улице, выкатил глаза и схватился за голову.

– Она здесь!

– Кто?

– Та девчонка!

– Какая девчонка?

Только тогда Фёдор осознал, что так и не рассказал Прохору правды о цели своего визита в Иерусалим. Отведя товарища в сторону, он взял с него слово молчать о великой

тайне, и рассказал о встрече в далёкой деревушке близ церковного холма с Инспектором, вытянувшим из него историю многолетней давности. Рассказал и о Полине, пытавшейся выведать информацию о демоне, и о своём долге перед Вилиалом. Прохор выслушал всё молча, не моргая, а когда Фёдор закончил, рассказал ему свою историю – про церковь, квартиру, обещание Инспектора и его распоряжение прибыть в Иерусалим для получения дальнейших инструкций. Фёдор многозначительно кивнул.

– Всё понятно. Ну и попали мы с тобой, братишка. И чует моё сердце, что ни одни мы. Но само главное! Та девчонка, которая искала Инспектора – я только что её видел! Это значит, что она хочет нам помешать!

– А она тебя видела?

– Не знаю... Кажется, да...

Полина видела. Но Полина видела больше – почти нос к носу она наткнулась ещё и на Лёню Ветерка, также заметившего её удивлённый взгляд и бросившегося наутёк. Девушка была не просто удивлена – она была поражена до оцепенения. Целый каскад бурных эмоций и мыслей чуть не снёс её голову. Сердце бешено колотилось и отчаянно рвалось наружу – не так то легко было молодому ангелу в чувственном теле женщины. “Что он затеял? Сколько ещё людей он совершил?” – Полина ощущала приближение развязки и жалела, что не смогла вовремя помешать Вилиалу собрать свиту. Видимо, многое было безвозвратно упущено, и оттого выпол-

нение порученной задачи становилось ещё более тяжёлым.

Фёдор и Прохор с разрешения хозяина покинули магазин через заднюю дверь и сделали предусмотрительный круг, чтобы опять не попасться на глаза Полине. Прогуливаясь у Стены Плача, два товарища обратили внимание на знакомую парочку на женской половине стены, отгороженной перегородками, и многозначительно переглянулись. Устроившая небольшой скандал у стойки регистрации аэропорта блондинка вместе со своей черноволосой подругой о чём-то молились, прикоснувшись стене и закрыв глаза, а когда отвернулись и отошли от неё, их уже поджидали двое мужчин.

– Здравствуйте, леди! – слегка паясничая, Прохор снял ермолку и вежливо поклонился.

– А, здравствуйте, мы вас видели в аэропорту! Вы тоже здесь?

– И мы тоже! Но, дамы, у нас с приятелем есть важный разговор для вас, и мы просим отойти в сторону, чтобы не привлекать внимания.

Девушки удивились, но последовали просьбе Прохора. Вместе с Фёдором они отошли вглубь площади, где двое товарищей последовательно рассказали им о своей встрече с Вилиалом. Друзья не ошиблись – двух подруг постигла та же участь. Взяв с них обещание в обмен на чёрный приворот, Инспектор вскоре заказал девушкам билеты на самолёт и расселил в отели, дав распоряжение ожидать его дальнейшей команды. Вкратце обменявшись мнением о Вилиале и

его предприятия, компания решила не строить никаких догадок, а смиренно ожидать дальнейших действий от Инспектора. Фёдор жаждал искупить свою вину перед юным Дитрихом, Прохор мечтал о покаянии перед покойным Лаврентием, Марина же с Ларисой несли ответственность за тот старинный обряд, который провёл для них демон, хотя чувство мести мужу к этому времени уже сменилось желанием поскорее разделаться со своим долгом.

Глава 35. Встреча.

Сидя в удобных креслах в тени зелёных аллей “Царя Давида”, Фёдор и Прохор ловили столь непривычные для них моменты восторженного наслаждения. Яркое солнце, голубое небо и историческая архитектура древнего города давали им возможность осознать свою причастность к широте реальности цивилизованного мира, чего никто из них не мог почувствовать в своих захолустьях. Уже и прошлая жизнь, полная забот и тревог, начинала казаться им кошмарным сном, и они не хотели засыпать снова. Здесь они поначалу чувствовали себя как посетители музея, купившие дорогие билеты и погружившиеся в мимолётное созерцание чудес параллельной вселенной. Теперь же, отдыхая на свежем воздухе и никуда не спеша, они начинали растворяться в новом для себя мире и становиться его частью. Увы, им постоянно приходилось отгонять гнетущие мысли о кратковременности своих иллюзий, иначе бы они не смогли в полной мере почувствовать себя счастливыми и свободными людьми.

– Похоже, он наблюдает за нами, – негромко произнёс Прохор, не поворачивая головы.

– Кто? – испуганно подскочил Фёдор.

– Да тихо ты. Тот, ненормальный, помнишь, в самолёте? Всё пытался выведать у стюардессы, добавляла ли она ему в

кофе аминазин.

– Ах, этот... Ну и что здесь такого?

– А тебе что, не кажется странным, что он поселился в нашем же отеле? Откуда у него такие средства, ты посмотри, он одет не лучше нашего!

– Хм, да, ты прав. Похоже, он из нашей компании.

Подойдя к Лёне Ветерку, новоиспечённые приятели спросили его, не знаком ли он с человеком, называющим себя Инспектором. Лёня не ответил, но по тому, как он посмотрел на своих собеседников, мужчины догадались, что не ошиблись в своих ожиданиях. Они вкратце рассказали душевнобольному про свои встречи с Вилиалом, после чего услышали странный и неожиданный вопрос в свой адрес:

– А он вам клоуна не показывал?

Решив обсудить всё в номере отеля, товарищи поднялись по лестнице на второй этаж и вошли в просторный номер с будоражающим видом на Храмовую гору. Только пройдя вглубь комнаты и обернувшись, они поняли, что находятся в номере не одни.

В углу номера в широком низком кресле царственно восседала, закинув ногу на ногу, пронзающая насквозь острым взглядом Полина. Вошедшие мужчины замерли в оцепенении, и девушка мгновенно почувствовала своё превосходство.

– Только не вздумайте снова от меня бежать. Неужели все мужчины такие трусы? Я была о них другого мнения...

– Мы не хотели ставить вас в неловкое положение, – зачем то соврал Фёдор, но больше ничего приличного не пришло ему в голову.

– В неловкое положение вы поставили прежде всего себя. Но не убежав от дамы, а согласившись приехать сюда под угрозами отщепенца и убийцы, которым является почитаемый вами Инспектор.

– Это была честная сделка, и не вам предъявлять обвинения, – подал голос Лёня.

– Не переигрывайте. Разыгрывать мизансцены будете у себя в лечебнице. Я пришла сюда, чтобы остановить его и вас. С ним я поступлю, как полагается, а вот вас ещё можно спасти. Вы сейчас же выезжаете из отеля и отправляетесь в аэропорт!

Товарищи переглянулись и, не сговариваясь, втроём грозной стеной пошли в направлении Полины. Девушка поняла, что переоценила свои силы, и приготовилась кричать.

– Оставьте её.

При этих словах все четверо снова замерли, как вкопанные. Знакомый, слегка осипший голос нельзя было перепутать ни с каким другим – всем им он был слишком хорошо знаком. Приятели расступились, и перед Полиной впервые в этой реальности возник тот, ради встречи с которым она согласилась пройти невыносимые для себя испытания.

– Оставьте нас вдвоём. На улице темнеет, и вы вдоволь можете налюбоваться очаровательным звёздным небом.

Лёня, Фёдор и Прохор безмолвно повиновались и друг за другом тихонько покинули помещение. Вилиал подошёл к огромному окну, задёрнул плотные занавески, вернулся, отодвинул от небольшого стола ещё одно кресло и сел в него. Всё это время Полина не отрывала от Инспектора взгляда, как бы пытаясь до конца осознать происходящее, поскольку шок от появления демона ещё не до конца покинул её. Посмотрев друг другу в глаза в течение минуты, он расслабились и сели в своих креслах так, как им было удобно. Первым начал Вилиал.

– Ну, и зачем ты сюда явилась? Неужели ты всё ещё тешишь себя надеждой помешать мне? Ведь я уже дал тебе понять, что тебя подставили.

– Ты соврал мне. Я до сих пор виню себя, что поддалась твоим уловкам, ведь нас столько обучали этому!

– В моих словах не было ни грамма лжи. Кто тебе сказал об этом?

– Не имеет значения. Теперь я знаю правду! Это ты убил мою маму!

Вилиал сделал удивлённое лицо, приподняв брови, и на минуту задумался. Он не хотел этого разговора. Он хотел поскорее всё закончить, провести всё задуманное, как по накатанной, и поскорее забыть о неприятном путешествии. Но в появлении Полины было нечто большее, чтобы игнорировать его. Он ещё не до конца понимал, что именно, но об этом должен был знать его фантом. Тот замок, в котором де-

мон принял на аудиенции ангела, был им построен в Запределе именно для своего двойника, проживавшего в параллельном мире, пока Вилиал занимался своей основной деятельностью. В часы отдохновения или по ночам демон воплощался в того молодого юношу и жил совсем другой жизнью – богатой новыми впечатлениями и опытом. Но в последнее время он всё меньше посещал другой мир в виду занятости, а когда появился там снова, то увидел замок и дворец в запустении. Что-то произошло, пока Вилиал отсутствовал, и связано это было с изменениями в самом демоне. Он всё больше остывал к своей работе, и именно потому старался погрузиться в неё с головой, изыскивая новые стимулы. А тут ещё это происшествие с Катериной и её дочкой. В том доме, когда Инспектор увидел в кроватке спящего ребёнка, он почувствовал непреодолимое наваждение, что знает Полину гораздо дольше. Видимо, это было знание его фантома, двойника, живущего в Запределе, но точная информация пока была недоступна самому Вилиалу.

Каждое живое существо, будь то человек, демон или ангел, имеют своих двойников “по ту сторону”, в параллельной реальности, существующей на астральном, чувственном, эмоциональном плане. Таков закон дуальной природы – “каждой твари по паре”. Немногие существа имеют способность посещать другой мир, но те, кто могут осознавать себя в сновидениях, путешествуя среди астральных проекций живых существ, знают, насколько удивителен и необычен За-

предел. Это мир подсознательных желаний, живых эмоций и возвышенных стремлений, коим не хватает места в обычной жизни, и они вырываются на свободу, воплощаясь в удивительных формах и содержаниях параллельной реальности.

– И всё? Это всё, что он тебе рассказал?

– Да куда уж больше. Мне и этого было достаточно.

Вилиал рассмеялся. Как же много было общего между Небесным и Подземным миром! Разными были только цели, а вот методы их достижения... не отличались практически ничем.

– Ну, тогда скажи мне, почему я сейчас сижу напротив тебя? Почему никто не может помешать мне? Почему ангелы не приходят тебе на помощь, ведь я сильнее, умнее и способнее тебя. Что мешает мне разделаться с тобой раз и навсегда? Зачем вообще был необходим этот балаган с преследованием, если всё можно было разрешить моментально?

– По-другому было нельзя, – ответила Полина, но её голос уже не звучал так уверенно, как прежде. Тень сомнения и растерянности опять легла на её милое, но уставшее лицо.

– Серьёзно? Тогда я тебе скажу, почему. Это я вытащил тебя из Преисподней, поставив на кон всю карьеру и жизнь. Это я передал твою душу Архангелу Гавриилу в обмен на договор, и именно поэтому меня выгнали из Преисподней и заставили совершить этот путь по ненавистной земле. Ты знаешь, почему они послали именно тебя? Нет. Думаешь, из-за того, что я убил Катерину, твою маму? Нет – тогда бы свет-

лые сказали тебе об этом сразу, а не после моего контакта с тобой. Небесная Канцелярия сопровождала тебя в поход только по одной причине – они знали с самого начала, что я ничего не смогу с тобой сделать. Знали потому, что я сам спас тебя из Преисподней. Знали потому, что ты каким-то образом дорога мне. Знали потому, что только тебе я могу позволить убить себя.

Полина давно сидела, закрыв лицо руками и наклонившись к коленям. Подсознательные чувства, страхи, сомнения и догадки всплыли на поверхность сознания и заполнили всё её человеческое Я. Нет, она не чувствовала себя обманутой. Она чувствовала лишь досаду на саму себя – досаду, что всё это время действовала, как марионетка, пряча от себя вопросы и обрезая концы торчащих нитей. Но путешествие по поверхности Земли успело сделать её достаточно сильной для того, чтобы ответить Вилиалу.

– Это не отменяет цели нашего предприятия – ты хочешь сотворить зло, и я должна тебе помешать. Что за договор, на который ты поменял мою душу, демон?

Вилиал смотрел на Полину и молчал. Он восхищался ею. Демон впервые увидел перед собой сильную женщину, способную постоять за себя и свои принципы. Куда-то мгновенно улетучилась та легкомысленная девчонка с сознанием ребёнка, которая преследовала его в безумной погоне за иллюзорными идеалами, нарисованными прагматичными хозяевами. Вместо неё перед ним теперь сидела истинная женщи-

на без страха и упрёка, полная осознанности и решимости, достойная уважения и... любви.

– “Всё, что демон Вилиал хочет в ответ за душу девочки Полины – это предоставить ей возможность вернуться на Землю вновь, но при этом сам Вилиал волен посещать её на Земле в любое удобное для него время, и никто из Небесного мира не вправе ему препятствовать.”

Полине стало душно, она поднялась с кресла и молча вышла из номера.

Глава 36. Исполнение желаний-1.

Фёдор, Прохор и Лёня Ветерок сидели в номере душевнобольного в ожидании Вилиала. Демон в комнате Фёдора о чём-то вёл разговор с женщиной, которая пыталась помешать исполнить их заветные желания. Сидели молча, боясь нарушить своеобразное таинство и важность наступившего момента. Наконец, дверь открылась и вошёл Инспектор.

– Ах, вот вы где, проказники, а я вас везде ищу! – Вилиал шутил и был, по-видимому, в хорошем расположении духа. Трое приятелей вздохнули с облегчением.

– Ну что, отвಾದили её, да? Разделались с ней? Вы её из окна сбросили? – троица наперебой сыпала вопросами, снимая последствия стресса и воздействие адреналина.

– Вы о Полине? Да всё с ней нормально. Ну потерялась девчонка немного, я ей объяснил, что к чему, теперь вопросов нет. С кем не бывает, давайте простим её! И перейдём к делу, сегодня у нас очень важная ночь.

– Сегодня? Это случится сегодня? Наконец-то...

– Да. Но сейчас я попрошу каждого из вас пройти в свой номер. Фёдор, Полины там больше нет, не беспокойся, можешь идти, я скоро приду. Лёня, ты оставайся, жди меня. А с тобой, Прохор, мы пойдём вместе. Начали!

Включив свет и войдя к себе в комнату, Прохор почув-

ствовал, как сильно забилося его сердце. Он так и остановился при входе, пройдя по инерции лишь несколько шагов. Там, в глубине комнаты, у раскрытого окна, стоял к нему спиной человек в чёрном пальто и широкополой шляпе. Бывший бездомный за доли секунды вновь превратился в того счастливого бомжа, который ежедневно бодрой походкой спешил к дому человека, снабдившего его работой и человеческим отношением. Как будто не было ничего того, что случилось после – ни трусости и малодушия, ни скитаний по заграницам, ни боли раскаяния, ни серых дней на паперти, ни сурового Инспектора с его пронизательным взглядом. Были только двое – он и Лаврентий. Живой Лаврентий!

Человек у окна повернулся, и перед Прохором предстал знакомый до боли образ его попечителя – бородка клинышком, густые брови, усы, морщинистый лоб и добрый весёлый взгляд. Не говоря ни слова, Прохор бросился к Лаврентию, упал на колени, зарыдал и обнял его за ноги. Так они долго стояли в тишине, которую нарушали лишь глухие рыдания уткнувшегося в драповое пальто бездомного. Наконец, Лаврентий погладил по голове Прохора и поднял его на ноги. Красными полными слёз глазами Прохор смотрел в лицо своему благодетелю и не мог оторвать от него взгляда. Лаврентий также не отрываясь смотрел в глаза бедолаге и легко улыбался, держа его за руки. Так они и сели вдвоём на кровать неразлучной парой, любящими друг друга не какими-то плотскими глухими чувствами, а самыми высокими духов-

ными устремлениями.

– Ты жив, Лаврентий! – голос Прохора был скомкан и сжат от волнения, и он сам не узнал его.

– Не совсем, Прохор... Я не хочу тебя обманывать. Но сейчас самое главное то, что мы вместе! Ты так хотел меня увидеть, и я сам безумно рад тебя увидеть!

– Ты умер, Лаврентий... Я так виноват перед тобой!

– Не стоит винить себя. Я давно болел и знал о приближении смерти. То, что ты уехал – это был твой выбор. Но это был выбор другого человека, Прохор! Ты теперь совсем иной. Не стоит винить себя за слабование того, кем ты уже давно не являешься. Прошлое уходит, и его надо смело отпускать, не тянуть за собой эту ношу! Ты раскаялся, ты тяжело переживал случившееся, ты хотел всё исправить, но уже не мог – ведь я покинул тебя. Тебе надо забыть произошедшее тогда, пусть в твоих воспоминаниях обо мне останется только самое лучшее!

– Я нашёл тот детдом, Лаврентий!

– Я знаю.

– Но он сгорел... всех детей разобрали по семьям, кого-то распределили в другие заведения... Мне никто не хотел говорить, как сложились их судьбы, я хотел помочь им, но уже не мог.

– Я знаю. Я всё знаю о тебе, Прохор, я наблюдал за тобой, я всегда был рядом! Я и дальше буду рядом! Каждый раз, когда ты будешь вести себя достойно или делать доброе дело

– знай, в тот момент я рядом с тобой!

Двое растроганных мужчин обнялись, сидя на кровати, и лёгкое покашливание Вилиала не сразу вернуло их к реальности.

– Кхм, я премного извиняюсь, господа, но мне нужно спешить, я и так сделал для вас всё, что мог. Согласитесь, достать человека с того света – не такая уж простая задача... даже для меня.

– Вилиал, огромное вам спасибо, – произнёс в ответ Лаврентий. – Вы понимаете, что я не являюсь вашим приверженцем, но тот поступок, который вы совершили, дав нам увидеться, достоин всяческого уважения. Я знаю, мне тоже надо спешить, меня могут хватиться, и нам обоим не поздоровится... Прохор!

– Лаврентий!

Друзья ещё раз обнялись, Лавр встал с кровати, снял перед Вилиалом шляпу в знак признательности и быстрым шагом покинул комнату.

Прохор сидел на кровати, глядя в пол, но на лице его была благодарная улыбка. Он о чём-то думал, видимо, удерживая перед собой образ Лаврентия, расставшегося с ним, а может продолжал беседу. Вилиал тоже улыбнулся, глядя на него, и спросил, нарушив трогательность момента:

– Всё ли я сделал для того, чтобы выполнить своё обещание?

– Да, Вилиал! Я благодарен вам за сделанное, теперь моя

душа спокойна!

– Могу ли я теперь потребовать от вас выполнения поставленной задачи?

– Да, я сделаю всё, что вы скажете!

– Тогда слушайте.

Глава 37. Исполнение желаний-2.

Войдя в комнату к Фёдору, Инспектор застал его за рюмкой спиртного, но не высказал никакого недовольства. Мужик смутился, закашлялся, извинился и сел в кресло, ожидая дальнейшего хода событий.

– Вы готовы?

– Да, – всё ещё хриплым после кашля голосом ответил Фёдор.

– К вам гости.

С этими словами Вилиал открыл дверь, и через порог комнаты перешагнула очень пожилая женщина. Она была одета во всё чёрное, будто на похоронах, седые волосы были собраны сзади в пучок и скрыты под небольшим кружевным чепцом.

– Фрау Майер, вот тот человек, о котором я вам говорил.

Женщина подошла ближе к Фёдору, который инстинктивно поднялся на ноги, и, прищурившись сквозь маленькие очки, внимательно посмотрела на него. Мужчина вопросительно и растерянно взглянул на Инспектора.

– Это Герта Майер, Фёдор, сестра Дитриха Майера, с которым тебе суждено было встретиться в начале войны.

Фёдор смотрел на женщину и не знал, как себя вести. Он замер в ожидании, беспомощно опустив руки вдоль тела и

слегка подавшись вперёд, как будто остановился в подсознательном движении. По-видимому, первым его желанием было обнять пожилую немку, но страх перед неведомой реакцией взял над ним вверх. Фрау Майер всё ещё стояла молча и неподвижно, глядя в глаза мужчине, и становилось понятно, что она ждёт от него первого шага. Наконец, Фёдор не выдержал, отбросил мнимые сомнения, шагнув к женщине, крепко её обнял и заплакал.

– Простите меня! – произнёс он, всхлипывая и содрогаясь всем телом, так и не отпуская фрау, как будто боялся, что она захочет высвободиться из-за неприязни.

– Я давно вас простила... Не плачьте! – немка говорила по-русски с мягким баварским акцентом. – Это была война. Многие миллионы людей были тогда убиты. Дитрих всё-равно бы погиб, он был совершенно без защиты!

Фёдор ослабил свою хватку и, наконец, совсем отпустил Герту Майер, отойдя на два шага. Он вытер руками глаза, нос и продолжил смотреть на немку сверху вниз, слегка наклонившись.

– У меня тоже была сестра, – вспомнил о Наде Фёдор, – она не дожила до этих дней, умерла в больнице. Я знаю, что значит потерять сестру, это также тяжело, как потерять брата. Но Дитрих был совсем молодым... Не знаю, как сложилась бы его судьба, но мне было очень тяжело все эти годы. Он иногда являлся мне во сне, но всё время молчал! И это молчание было самым страшным молчанием из всех, кото-

рые мне довелось слышать. Я просил у него прощения, умолял, стоял на коленях, но он смотрел сквозь меня, как будто не замечая, а потом исчезал. Видимо, это было такое наказание для меня, жестокое, но достойное моего поступка. Из страха увидеть его снова я начинал сильно пить, и тогда проваливался в беспамятство, иногда на несколько дней. В результате я остался совсем без здоровья, и превратился в то жалкое подобие человека, которое вы видите перед собой! Мне стыдно за то, кем я был, и стыдно за то, кем стал...

– Я для того сюда приехала, чтобы вас успокоить! Этот молодой человек, – она указала лёгким движением на Вилиала, – мне рассказал, как вы из-за того случая сильно переживаете. Я сама у него спросила, где вас найти, и он любезно помог мне сюда приехать. И я вам снова говорю – не вините себя! Вы своими страданиями уже всё искупили, всё Бог видит. Обещайте мне, что теперь вы не будете никогда об этом вспоминать!

– Да, хорошо, если вы просите... я сделаю всё, что вы просите!

– Я только это у вас прошу! Не надо больше горя! Живите и людям в глаза смело смотрите! Вы очень хороший человек!

– Спасибо! – Фёдор опять обнял женщину, на этот раз мягко и любя, и она ответила ему взаимностью.

Вилиал всё это время оставался в тени, не нарушая интимности встречи, и когда почувствовал, что она подошла к концу, просто встал на середину комнаты. Фрау Майер и

Фёдор посмотрели на него, потом друг на друга, взаимно поклонились, Инспектор взял женщину под руку и молча вывел из комнаты.

Вернувшись через несколько минут, он застал Фёдора сидящим на кровати в томной прострации. Тот улыбался куда-то в пустоту, сложив перед собой руки, и совершенно не замечал вошедшего Вилиала.

– Ну что, всё прошло нормально? – спросил демон.

– О, да, спасибо вам! У меня как камень с души упал, я стал совершенно другим человеком! Подумать только, какая замечательная женщина!

– Да, обошлась она с вами любезно. Но не будем больше об этом. Насколько я понимаю, своё условие я выполнил?

– Да, Вилиал, я понимаю, к чему вы. Договор в силе! Я сделаю всё, что вы мне скажете.

– Отлично!

Инспектор сел рядом с Фёдором и, глядя ему в глаза, дал последнее распоряжение.

Глава 38. Исполнение желаний-3.

Следующим был Лёня. То, что Вилиал никакой не гипнотизёр, пациент психиатрической лечебницы, не будь дураком, догадался сразу же после его ухода. Сомнений не оставалось, Инспектор – пришелец из того параллельного мира, из-за которого Лёня и оказался не у дел, потеряв всё, что имел. Именно поэтому больной не стал с ним шутить и согласился на любые условия. В конце концов, кто, как не Вилиал, мог снова отправить его на ту сторону реальности и помочь наказать злополучного Предводителя. И вот теперь, предчувствуя наступающую развязку, Лёня в предвкушении потирал руки.

Когда Инспектор вошёл к нему в комнату, сбежавший пациент вскочил с кресла и встал по стойке смирно, глядя прямо в глаза Вилиалу решительным взором.

– Ишь ты, какой прыткий! – рассмеялся демон.

Он положил Лёню на диван, приказал расслабиться, закрыть глаза и постараться ни о чём не думать. Тот послушно повиновался. Когда через минуту душевнобольной очнулся, они стояли с Инспектором на берегу моря и волны, перебирая белой пеной по золотому песку, мягко ополаскивали их сандалии.

– Ты что, в туалет не мог сходить? – предъявил претензию

больному Вилиал.

– Почему?

– Море! Раз вода, значит пузырь у тебя полный.

– Я думал, это не помешает... – расстроился Лёня.

– Думать раньше надо было, когда кнопки нажимал. Ладно, справимся.

Инспектор взял пациента за ворот и вместе с ним поднялся в воздух. Они стремительно полетели вверх в сторону моря, и Лёня с замиранием сердца наблюдал нестройные ряды пенных барашков на воде, редкие мазки одиноких корабликов и тёмные подвижные стаи рыбных косяков. Затем, постепенно тая, море скрылось из глаз в дымке плывущих облаков, и в глаза больному ярко засветило солнце. Однако, вскоре Вилиал резко отклонился от курса и пара воздухоплателей стала стремительно снижаться.

– Залетим на минуту, проведать надо!

Лёня согласно кивнул, хотя, по понятным причинам, его согласия никто и не думал спрашивать. Солнце вновь скрылось за облаками, под ногами стали появляться заливные луга и зелёные лесные островки. Инспектор спустился ещё ниже и они полетели в какой-то сотне метров над землёй, при этом скорость оставалась огромной и соответствовала скорости реактивного самолёта. Наконец, Вилиал замедлился, и за одной из лесных опушек показали серые стены старинного замка, к которому они с Вилиалом и держали путь. Опустившись на твёрдую почву, Лёня с удовольствием по-

топал по ней ногами – всё-таки рождённому ползать летать было непривычно и опасливо. Даже во сне.

Инспектор молча направился к себе во дворец, и душевнобольной покорно последовал за ним, ощущая себя слугой и оруженосцем.

– Чей это замок? – спросил он скорее из вежливости.

– Мой. Когда-то здесь было шумно и весело, но, видимо, наши дома меняются вместе с нами – стареем мы, стареют и они.

– Я бы не назвал вас старым... – Лёня не врал.

– Мне несколько тысяч лет, но возраст измеряется не годами. Порою, даже вы, люди, рождаетесь стариками. Это печально, но это так. А некоторые, и таких несоизмеримо больше, до самой старости остаются детьми. И это здорово.

– Кто вы, Вилиал? Я вас совсем не знаю!

– Я демон, Леонид. Демон отчаяния и обольщения, дух небытия, лжи и разрушения. Но, как и всякий демон, я когда-то был ангелом. И они меня помнят... очень хорошо помнят, Леонид!

С этими словами Вилиал вошёл в огромную залу для приёма почётных гостей и направился к трону, стоящему в её глубине. Подойдя, он слегка стряхнул пыль с престола и сел на него, устало откинувшись на покрытую мехом горностаю спинку. Поддавшись инстинкту, Лёня сел рядом на мягкую подушку на ступеньке, видимо, специально предназначенную для шута или фаворита.

– Когда-то здесь устраивались балы, трон был облеплен блудницами, возле усыпанных яствами столов валялись пьяные рыцари и принцы, по залу сновали шуты и скоморохи. А что теперь?

– Теперь здесь пусто и уныло, – кивая, согласился Лёня.

– Пусто и уныло. О чём это говорит? О том, что я сам стыл пуст и уныл. Мой дом – это отражение самого меня. Если нет гармонии в душе, то её не будет нигде вокруг.

– Да... я это знаю, – безумец вздохнул.

– Но я хочу всё исправить.

– Как?

– Я хочу вернуть сюда жизнь. Но той бесшабашной, пьяной и распутной жизни уже никогда не будет, это пройденный этап. Назад пути нет. Если двигаться, то двигаться только вперёд. Я же сейчас стою на месте. А что означает стояние на одном месте? Любая остановка – это шаг назад. Это как эскалатор, по которому человек идёт вверх, а его ступени двигаются вниз. Если идёшь медленно – стоишь на месте, если перестаёшь идти – спускаешься вниз. И чтобы куда-то прийти, подняться наверх – нужно прилагать усилия, сопротивляться, преодолевать преграды, идти с максимальной скоростью! Только в таком движении есть смысл, всё остальное – суета.

– Как правильно вы говорите! Я целиком с вами согласен.

– И я знаю, как это сделать. Всё, что мне нужно – это забыть своё прошлое.

– Так просто?

– Так сложно.

Вилиал поднялся со своего места, вышел на середину зала, посмотрел вокруг и щёлкнул пальцами. Буквально тут же воздух вокруг сотрясся колебаниями и из ниоткуда, из пустоты рядом с демоном возник седой старик в потёртом камзоле.

– О, мой господин! Я уже и не ждал когда-либо увидеть вас! – раскрыв от удивления глаза, подал голос новый посетитель замка.

– Я всего лишь ждал удобного случая позвать тебя, Густав. Ты видишь, в каком здесь всё запустении... Тебе одному трудно будет навести порядок, поэтому можешь взять помощников, но особо не увлекайся – уборка должна быть поверхностной, без излишеств, потому, что я не люблю напрасный труд.

– Напрасный труд? Что вы хотите сказать этим, хозяин?

– Лишь то, что сказал. Скоро здесь может появиться человек, который захочет увидеть этот дворец совсем другим. Поэтому, мы должны быть экономны и скромны в своих усердиях.

– Я понял вас, ваше сиятельство. Всё будет исполнено так, как вы хотите.

После этого старик исчез, а Вилиал вернулся к Лёне Ветерку.

– Ну что же, пришла пора заняться и тобой, мой душев-

нобольной друг. Мы почти прибыли на место, поэтому войти в тот злополучный коридор не составит труда. Видишь вон ту дверь?

С этими словами Инспектор подозвал к себе Лёню и пошёл с ним к невысокой деревянной двери с полусводом, обитой железными пластинами и засовами.

– Смело открывай её, за этой дверью ты найдёшь то, что ищешь!

– Эту дверь должен открыть я?

– Конечно! Если её открою я, то мы попадём совсем в другое место!

Поднатужившись, душевнобольной друг демона толкнул тяжёлую дверь со своего места и она со скрипом открылась. За дверью была темнота, но когда Вилиал и Лёня вошли внутрь, то стало светло, и они оказались в длинном пустом коридоре, в конце которого было окно.

– В том коридоре не было окна, – усомнился Лёня.

– Тогда не было, а сейчас есть. Ведь мы меняемся, не правда ли, Леонид?

Сбежавший пациент согласно кивнул головой и пошёл вперёд. Инспектор тоже пошёл за ним чуть поодаль, стараясь не мешать развивающимся событиям. Пройдя несколько метров, Лёня обнаружил справа от себя ответвление коридора, но, посмотрев вдаль, не повернул туда, а пошёл дальше. Так он миновал ещё несколько лишних коридоров, пока, наконец, не свернул за очередной поворот. Он шёл ещё

некоторое время, не сворачивая, а потом, постепенно набирая скорость, побежал. Он бежал легко и свободно, не сбивая дыхание, взгляд его был открытым и чистым, лицо целеустремлённым, а на губах сияла лёгкая улыбка. Впереди показался яркий свет, и вскоре Леонид Сергеевич Ветерок вбежал в большой просторный холл, замедлил шаг и остановился.

Посреди холла стоял такой знакомый душевнобольному офисный стол с таким же знакомым странным ящиком, на котором сияли белой подсветкой ненавистные кнопки. Рядом со столом находился высокий белокурый Предводитель, который был в одиночестве, без прислуги, и внимательно смотрел на появившегося Лёню.

– А, вот и вы, мой заблудившийся друг! Приятно видеть вас снова!

– А мне – нет, – отреагировал “заблудившийся друг”, но ответ его, вопреки ожиданиям самого Лёни, не был злобным или неприветливым.

– Я... я хочу вернуть те кнопки, которые я нажал, – неожиданно для самого себя выпалил он.

– Да? А что так?

– Я... ошибся. Я не хочу нажимать никаких кнопок.

– Отчего же?

– Я понял... понял кое-что.

– И что?

– Я понял, что видел мир не таким, каким он был на са-

мом деле. Я носил тёмные очки, и мир казался мне хмурым, чужим и ненавистным. Я сам надел эти очки, но теперь их уже нет... они разбились.

– И кто же их разбил?

– Вы...

– Я слышал, ты хотел убить меня.

– Я был не прав. Нет предела совершенству человека, и я стою только на первых ступеньках своего развития. Я знаю, что сделаю ещё много ошибок, но я готов совершить и принять их потому, что я теперь другой. Я буду бежать и дальше, бежать вверх по эскалатору, падать и снова бежать, я больше не хочу останавливаться! Я прошу простить меня за то, что хотел вам зла, я был глуп и извиняюсь перед вами...

– Я не могу простить тебя просто потому, что не обижен на тебя. Почему я должен был держать обиду, почему ты не имел право желать убить меня? Я не ставлю себя так высоко, я всего лишь слуга создателя, который должен быть благодарен ему за каждый прожитый миг. Прощение... это от гордыни. Если ты осознаешь, что нет людей, виноватых перед тобой, то ты откроешь новые двери к пониманию мироздания. И потому надо не прощать, а стремиться понять того человека, который тебя якобы обидел, ибо в этом и твоя вина!

– Спасибо! Спасибо вам! Я теперь знаю, что был глупцом, а вы поставили меня на истинный путь! Но дайте, дайте же мне снова нажать эти кнопки!

– Да нет никаких кнопок, дружок! Вот, посмотри!

Лёня с удивлением посмотрел на злополучный ящик и увидел, что действительно, то, что казалось ему кнопками, было лишь полустёртыми надписями на исцарапанной крышке, и нажимать на них не было никакого смысла.

– Так что же, что же тогда произошло?!

– А ничего! Просто всё шло так, как и должно было идти с самого начала. Все первопричины своих несчастий ты придумал сам, в очередной раз переложив вину на кого-то. И трагический случай с твоей женой, и наследство богатого дяди, и последующие изменения в твоей психике не были запрограммированы никакими кнопками. Ты их придумал из-за своей слабости и нежелания брать ответственность за свою жизнь. Теперь ты понял?

– Понял... Теперь я всё понял. И что же мне теперь делать?

– А вот это ты уже решай сам. Смело иди по жизни и ничего не бойся! Перед тобой открыты все дороги, делай свой выбор! А если упадёшь, или увидишь, что ошибся дорогой - не горюй! Вставай, продолжай или меняй дорогу – всё в твоей власти!

– Спасибо! Но... кто же ты? Кто ты есть в этом мире?

– Я – это ты. Я твой дубль.

После этих слов фантома Лёня провалился в темноту и тут же очнулся на диване в номере израильского отеля. Рядом с ним сидел Вилиал и смотрел на душевнобольного ши-

роко раскрытыми глазами, полными удивления и озадаченности.

– Да что же вы за люди-то такие?! – не выдержал Инспектор и закричал. – Откуда вы берёте всё то, что показываете мне? Как в вас помещается всё это? Кто вы?!

– Мы – люди. Просто люди.

Глава 39. Исполнение желаний-4.

Полина сидела на скамейке в сквере и подставляла своё лицо свежим порывам ветра. Ей ни о чём не хотелось думать, она желала лишь, чтобы этот ветер поскорее выдул из её головы все дурные мысли. В этот момент она мечтала быть просто человеком! Она смотрела на людей, прогуливающих по аллее перед гостиницей, и со вздохом завидовала им. Вот беззаботная парочка, весело смеющаяся и кружащая друг вокруг друга, словно два мотылька на цветочной поляне. Вот пожилая пара, крепко ухватившаяся за руки, поддерживает и заботится о себе, как о едином целом. Вот две женщины тихо перешёптываются, оборачиваясь на молодого человека в круглых очках, который задумался, глядя в прозрачную воду голубого бассейна. Как же они счастливы все! Неужели они не понимают? В этот момент Полина готова была бросить службу в Небесной Канцелярии ради того, чтобы поменяться с любым из этих людей ролями.

– Молодой человек! Да-да, я к вам обращаюсь! Скажите мне – вы счастливы? Почему вы такой грустный?! – громко крикнула ангел, обращаясь к тому самому юноше у водоёма.

– Я? Отчего же... Ну, да, наверное, счастлив... – неуверенно ответил тот.

– Да вы посмотрите только, сколько вокруг прекрасного!

– Прекрасного? А что, если это всего лишь набор нулей и единиц? Если этот мир – не настоящий, а искусственный, виртуальный?

Полина нахмурила лоб и недовольно посмотрела на студента.

– Чего это вам в голову взбрело?

– Да не мне... Но нашёлся один умный человек, который открыл мне глаза на этот мир. И теперь этот мир уже никогда не станет для меня другим.

На Полину повеяло теперь совсем другим ветром – она почувствовала тот самый запах, энергетический след, о котором узнала на дне зловещего котлована, у разрушенной церкви.

– Так вон оно в чём дело. И до вас добрался “Инспектор”.

– Какой инспектор?

– Видимо, по делам несовершеннолетних. Я не знаю, как он вам представился, видимо, крупным учёным.

– Нет, он не учёный, он гораздо больше! Он знает то, о чём современная наука ещё даже не догадывается!

– О, как всё запущено. На неокрепшие мозги легла коварная тень демона.

– И даже если он демон, что из этого? В каждом из нас есть и демон, и ангел. Вот вы, девушка, по-видимому, считаете себя ангелом? Так я вас обрадую – в моём восприятии демоном сейчас являетесь как раз вы!

– Здесь уже есть один душевнобольной, вам к нему, со-

ставите компанию. Где он вас таких понабрал только? Вот вам конкретно, молодой человек, он что наобещал? Золотые горы, волшебную палочку, власть над миром?

– Власть над миром.

– Серьёзно? Нет, вы – серьёзно? И вы ему поверили? А-ха-ха-ха-ха! – Полина залилась смехом, который грозил перейти в истерический.

– Поверил. А что плохого в вере? Вот вы – во что вы верите?

Полина замолчала. Она поднялась со скамейки, подошла к студенту, упёрла руки в бок и посмотрела на него сверху вниз. Паренёк был на голову ниже её, но нисколько не смущался, глядя на девушку не моргая сквозь большие круглые стёкла своих очков.

– Я не верю. Я знаю. Знаю, что ничего у вас не получится, вы все напрасно сюда приехали. Вы – всего лишь жертвоприношение, агнцы на заклание.

– Вы выпили? От вас пахнет вином... Тогда всё понятно. Вы так говорите, как будто ревнуете его ко мне. Или, как вы говорите – к нам, раз я здесь не один. А кто вы такая? Вы что, хотите ему помешать? Вы не сможете.

– Это почему же? – удивилась Полина, артистично подняв брови.

– Вы слишком много энергии тратите впустую, сотрясая воздух. И ещё, как я сказал, вы его ревнуете. Мне кажется, вы к нему равнодушны...

Громкая пощёчина раздалась над зелёным сквером, студент от неожиданности схватился за щёку, а прогуливающиеся постояльцы сразу обернулись на резкий звук.

– Хам! – крикнула девушка в лицо юноше, чтобы перебить собственный испуг, развернулась и быстро скрылась в сторону дороги.

Студент, сам ещё не отойдя от шока, чтобы скрыться от любопытных взглядов побежал в отель “Царь Давид” и поднялся к себе в номер. Там, умывшись в ванной, он долго смотрел в зеркало на красное пятно у себя на щеке – такого с ним ещё не случалось. “Ненормальная,” – только и смог произнести он, на что услышал голос из комнаты:

– Это вы о ком?

Юноша вышел из ванной с полотенцем в руках и увидел сидящего в уютном кресле старого знакомого – учёного соседа по месту в автобусе, Вилиала.

– А, здравствуйте! Да так, дамочка одна попалась... Вы, кстати, её, наверное, знаете.

– Полина? И вам от неё досталось? Вот ведь женщина, везде успевает! – Инспектор засмеялся.

– Она о вас говорила всякую чушь, но я её не слушал. По моему, у неё идея фикс. Вы с ней давно знакомы?

– Да как сказать... С одной стороны – давно, с другой – недавно. Это ведь как посмотреть, – Вилиал улыбнулся.

– Это точно. И потом, она в вас влюблена. Но, думаю, вы знаете – вы ведь всё знаете! – Студент с восторгом посмотрел

на собеседника.

– Всё знать невозможно, – задумчиво ответил Инспектор, – а с чего вы взяли, что влюблена?

– Ну, помните, я вам рассказывал про девушку, которая мне нравилась, но отвергла мои ухаживания? Я тогда вёл себя точно также – ревновал и пытался представить её в невыгодном свете перед другими людьми. Именно тогда я понял, что влюблён, а ведь от любви до ненависти – один шаг.

– Если любишь, никогда зла не сможешь сделать по определению. Какая-то странная любовь у вас была...

– Это от гордыни. Зол был, что не со мной она, а с другими.

– Ну, поэтому она и не приняла вас, люди ведь подсознательно чувствуют многие вещи. А если бы Полина имела ко мне чувства, то стояла бы не на моём пути, а в сторонке, и ждала, пока я всё закончу, или помогала бы.

– Она просто ещё не знала, что любит вас, но теперь я ей об этом сказал! – довольно улыбнулся студент.

– Да вы с ума сошли! – Вилиал не на шутку испугался.

– Почему? Что здесь такого?

– Да сам чёрт не знает, что у женщины на уме, а уж у влюблённой – и сам Бог не ведает. Как бы она теперь дел не наворотила... Ну, ладно, оставим её. У нас есть более важное дело. И так, мы с тобой расстались в автобусе после того, как ты вышел на промежуточной остановке. Помнишь ли ты, что было до этого?

– Да, я всё отчётливо помню. Вы рассказывали мне удивительные вещи о квантовой физике, об устройстве мира и человека, а закончили тем, что человек, как и фотон, может иметь своего двойника.

– Да, я имел ввиду астрального двойника, фантома, живущего в параллельном мире. Всё в природе имеет свою вторую сторону, но описать это одним уравнением невозможно. Дуальность человека многолика. Например, как сказал один американский писатель, Марк Твен, ты наверное знаешь о нём – “Каждый человек, подобно луне, имеет свою неосвещенную сторону, которую он никому не показывает.” Проблема в том, что люди не всегда могут отличить свет от тьмы, и прежде всего, чтобы познать мир, они должны познать самого себя. Не познав свою тёмную сторону, они никогда не смогут отличить свет от тьмы вокруг себя, ибо легко могут принять одно за другое. И уж тем более, отрицая в себе тьму или отрицая в себе свет, они плотно закупоривают бутылку, которую им надо открыть и выпить всё содержимое.

– Зачем?

– Чтобы стать свободными! Вот ты рассказал мне потом, когда отдохнул и уложил всю информацию в голове, что мечтаешь стать великим учёным. Я спросил, для чего, и получил ответ: чтобы все вокруг тобой восхищались, говорили о тебе, думали, читали, смотрели на тебя по телевизору. И потом ты сказал, что хочешь сделать открытие, которое поможет тебе контролировать весь мир. Ты захотел славы и

власти. А знаешь, почему? Потому, что ты чувствуешь себя слабым, неуверенным, и ты боишься за своё будущее. Можно связать это с борьбой за выживание, с дуальностью человека на уровне животное-разум, но виной всему лишь одно – страх. Страх порождает стремление подавить другого человека, подчинить его себе – а вдруг он это сделает вместо тебя? А потом наступает зависимость, человек старается захватить всё большее пространство, и материальное, и духовное, и интеллектуальное, и эмоциональное. Чем дальше он забирается наверх, тем с большей опасностью сталкивается, и нуждается в ещё больших богатствах, славе или власти. Есть хорошая поговорка: прежде, чем покорить вершину, посмотри, на вершину какого дерьма ты собираешься забраться. Человек стремится к свободе, и думает, что её дают деньги и власть, но как же он ошибается! И деньги, если их избыток, и власть, когда она извращена, лишь пожирают человека, превращая его сначала в животное, а потом в растение. Всё, что нужно человеку для свободы – это открыть и выпить ту бутылку, о которой я говорил. Её содержимое – это он сам. Недавно один душевнобольной, ты его скоро увидишь, сказал мне, что нет смысла долбиться в дверь, выбивая её наружу, если она спокойно открывается вовнутрь. Все тайны мироздания, вся власть мира лежит внутри человека, а не снаружи, именно к познанию самого себя должны стремиться люди, именно для этого они раз за разом рождаются на свет, а не уходят навсегда туда, где истинная свобода.

да, гармония и жизнь.

Студент слушал Вилиала заворуженно, открыв рот, видимо, чтобы не упустить ни слова. Когда тот закончил, юноша задумался на минуту, а потом кивнул и сказал:

– Да, я согласен с вами, но я не отступлю от своего решения! Вы предложили мне помощь, я согласился, и вот теперь я здесь, и жду ваших распоряжений. Теперь я уверен, что справлюсь со всем этим – деньгами, властью и славой, и смогу остаться человеком!

– Хорошо. Скоро ты станешь свидетелем научного открытия, точнее, сделаешь его с моей помощью, – Инспектор посмотрел на небо чуть повнимательнее, чем это делают праздные обыватели или зеваки. – Это открытие сможет перевернуть представление человечества о мироустройстве, но в конечном счёте всё зависит от того, справишься ты с этим открытием, или нет. Сейчас же я скажу тебе, – Вилиал посмотрел на часы, – куда ты должен идти и что делать. Больше от тебя на данный момент ничего не требуется.

Студент кивнул.

Глава 40. Исполнение желаний-5.

Иннокентию было неуютно в номере, несмотря на его богатое убранство, и он не спеша гулял по древнему городу. Кеша никогда не был за границей, и ему было интересно всё. Он заглядывал в глаза людям, останавливался, наблюдал за ними, прислушивался к языку и пытался понять их речь. Прогуливаясь по Иерусалиму, Иннокентий попадал в самые глухие закоулки и иногда по несколько минут стоял во дворах, скрытых от обывательских взглядов туристов, протаптывающих давно известные всем маршруты. Он пытался представить себя израильтянином, отгородившись стеной от своего прошлого, и изображал пантомиму, будто выходит из дома, проверяет, взял ли ключи от машины, затем как бы решает прогуляться до работы пешком и по пути заходит в магазин. Эта игра сильно занимала его, так он проживал отрывок из ещё одной жизни, перевоплощаясь в нового героя. Как и Прохор с Фёдором, Кеша отгонял от себя хмурые мысли, что скоро это путешествие закончится, и ему опять придётся возвращаться туда, где он по-прежнему чувствовал себя несчастным. Вилиал обещал всё исправить, поставить на место, прекратить эту дьявольскую карусель между тюрьмой и домом, и Иннокентию оставалось только ждать. Сегодня ночью он в очередной раз должен был очнуться в карцере, и

этот факт никак не добавлял ему хорошего настроения.

– Далеко же вы забрались! Еле нашёл вас, – человек в светлом парусиновом пиджаке окликнул увлékшегося туриста.

– О, Вилиал! Наконец-то. Я уже успел соскучиться по вам, – улыбнулся Кеша Инспектору.

– Вы первый человек, от которого я слышу подобные слова! – Вилиал подошёл ближе и мотнул головой от удивления. – Обычно при моём появлении люди шарахаются в сторону.

– Ну, вы же понимаете, какие надежды я на вас возлагаю!

– Вы взяли с собой то, о чём я вас просил?

– Да, вот она! – ответил Иннокентий и вытащил из кармана ветровки небольшую хрустальную пирамидку.

– Вы носите её с собой? – опять удивился Инспектор.

– Ну, на всякий случай. После того, что вы рассказали об объёмном резонансе...

– Да, и я могу повторить. Любая объёмная форма особым образом структурирует вокруг себя пространство, особенно, если она построена по законам симметрии, золотого сечения или имеет свой определённый порядок. Однако, даже с виду несимметричные абстрактные скульптуры порой так притягивают к себе людей, что те просто не могут двинуться с места! Крупные архитектурные объекты или даже мебель в доме могут влиять на самочувствие людей и животных; формы емкостей – на их содержимое, и даже сложная химическая формула вещества вносит свою лепту в его свойства благо-

даря только своей структуре. А брачные танцы птиц, ритуальные танцы шаманов? Все они служат для создания определённого спектра энергоинформационного обмена. В комнате, где царит беспорядок и вещи разбросаны, как попало, никогда не будет стабильной энергетики. Вы замечали, как заворуженно смотрят зрители на вращающуюся на одной ноге балерину, или дети на разноцветную юлу? Я часто наблюдал за групповым помешательством мух под квадратной хрустальной люстрой, когда они летают строго по её периметру, маниакально вычерчивая углы. Даже форма человеческого тела и расположение его внутренних органов – далеко не случайны. Все эти случаи относятся к явлению объёмного резонанса, так часто неучитываемого людьми. Что же тут говорить о пирамидах, которые за счёт своей формы имеют целый ряд уникальных свойств – гармонизация пространства, стабилизация эмоционального и физического здоровья, мумификация, сублимирование и многие другие...

– Но как могла пирамидка, купленная в тот злополучный день по пути домой, повлиять на сдвиг фаз моего прошлого и будущего?

– Дело не только в пирамиде, но она является одной из необходимых составляющих вашей временной карусели. Вы купили её в тот день, когда переместились в будущее, но не купили её снова, вернувшись в прошлое, и это стало одной из причин вашего цикла. В любом случае, её надо иметь при себе во время следующего сеанса, а второй необходимый фак-

тор я обеспечу сам. Вернее, уже обеспечил, – Вилиал снова поднял голову к небу и замер в минутном трансе.

– Моё перемещение должно состояться сегодня ночью, – грустно произнёс Иннокентий, когда Инспектор опустил голову.

– Я знаю. Его не будет.

– Не будет?! – Кеша вскричал, как ужаленный.

– Не будет... Будет кое-что другое. Сейчас мне надо встретиться ещё с людьми, вам же я лишь дам последнее распоряжение – где и когда вы должны быть, и что делать, чтобы мы наконец закончили со всеми этими дурацкими историями. – Вилиал вновь поднял голову, но при этом устало закрыл глаза.

– Скажите, Иннокентий, – обратился Инспектор, – тогда, под мостом, когда вы надевали себе на шею верёвку, о чём вы думали?

– Я думал лишь о том, чтобы стать свободным. И ради этого я готов был умереть.

Вилиал внимательно посмотрел на собеседника.

– Вы не верите в ад? В то, что души грешников пекутся в гиене огненной?

– Ад не может быть общим, как и рай. Для каждого он свой. У всех свои радости и свои несчастья. То, что горе для одного, для другого может быть спасением. Богатый чувствует себя несчастным из-за того, что не имеет детей, а многодетный бедняк мечтает о его золотых запасах. Мой ад для

меня здесь.

– И ад, и рай находятся в душе человека, Кеша. И то, как вибрирует душа, резонирует с частотами, на которых существуют вселенские Преисподняя и Эдем. Подобное к подобному. Поэтому, если вы чувствуете себя несчастным, вы никогда не попадёте в рай! Даже если он пожалеет вас и захочет принять – вы не сможете там находиться, так как существуете с ним на разных частотах. Но не думайте, что если вы совершаете самоубийство или другой грех с невинным лицом младенца, вам это сойдёт с рук. Человек – лишь часть единого энергетического организма, и если он совершает преступление по отношению к другой его части, то этот организм относится к нему, как к вредоносной бактерии, и стремится изолировать и уничтожить. Таков закон, и я удивляюсь тому, как люди порой безразлично относятся к своей душе, к своей участи. Однако, как я сказал, я спасу вас. Вы помогаете мне, а я вам. Уговор в силе?

– В силе!

– Тогда слушайте.

Глава 41. Исполнение желаний-6.

– Здравствуйте, Вилиал.

– О, вы сами нашли меня? Похвально. Это избавило меня от лишней работы.

– Я заметил, как вы наблюдали за несколькими людьми, и, видимо, затем общались с ними. Наверное, пришёл мой черёд?

– Вы не ошиблись, именно с вами я хотел поговорить следующим.

Игрок согласно кивнул. Они стояли с Инспектором на Храмовой горе, возле золотой головы мечети Купол Скалы, перед ступенями широкой каменной лестницы. Некогда на месте этой мечети возвышался Храм Соломона, построенного по завещанию самого царя Давида, и Вилиал хорошо его помнил. Однако, вавилоняне после захвата Иерусалима разрушили в отместку израильтянам Храм до самого основания. Стоя на месте мусульманских святынь рядом со святыней иудейской – Стеной плача, и христианской – Храмом Гроба Господня, Игрок ощущал себя частицей исторической памяти и был наполнен почтением и уважением к многозначительным памятникам трёх религий.

– Как ваше имя? – поинтересовался Вилиал у Игрока.

– Родители назвали меня Владленом, в честь вождя рево-

люции. Странное было время...

– Странными были люди, время здесь не причём. Ведь в то же время в других странах были совсем другие представления о жизни, любви, взаимоотношениях. Моральные и духовные ценности не подвластны времени, наоборот, человеческая воля, дух и вера способны управлять им. Но мы сейчас не об этом. Ваше имя было выбрано под влиянием социума, сложившихся в обществе устоев, продиктованных выбранным вектором развития. Но никогда внешний мир не должен захватывать контроль над внутренним, так как внутренний мир будет искать виноватых снаружи, а не внутри. Помните, что вы мне говорили в поезде: “Почему гражданин верой и правдой служил стране, а чуть стало ему тяжело, так от него сразу все отвернулись?” Вы были марионетками, ваш внутренний мир был подменён на чужеродные идеалы, облечённые в привлекательную, но извращённую форму. Человек смотрит, откуда он получает энергию, и если он не может ничего достигнуть с её помощью, он склонен винить источник энергии, а не себя самого. Огонь должен быть изнутри! Вы же начали свою речь с жалоб. С жалоб на кого-то, но только не на себя!

Вы знаете, почему вы бедны, почему у вас нет денег? Дело не в казино или лотерее. Это первый показатель нищеты – у бедняка всегда виноват кто-то другой, бедняк всегда хочет получить всё и сразу, бедняк всегда жалеет себя и клянёт судьбу. Отсюда же и стремление к сплошной экономии – по-

иск скидок и столпотворение на распродажах, экономия на зарплате подчинённых, на образовании детей, потребление дешёвых искусственных продуктов – всё это говорит лишь о превышении расходов над доходами, но при этом имеется совершенно неверный подход к решению задачи! Человек, сознание которого запрограммировано на богатство, никогда не будет делать таких ошибок – он будет искать новые пути развития, иначе превратится в бедняка! И будет носить дешёвые вещи, есть дешёвые продукты, от него разбегутся лучшие работники, он загубит перспективы своих детей. Окунувшись в энергетику бедности, от неё очень трудно избавиться, придётся начинать всё сначала.

– Вы предлагаете мне начать всё сначала?

– Сначала я предлагаю вам сыграть в игру.

С этими словами Вилиал вынул из пакета, который держал в руках, деревянную шкатулку, разложил её пополам, и Игрок увидел перед собой расчерченное на маленькие квадраты поле и набор чёрных и белых фишек.

– Эта древняя игра имеет несколько названий, но у вас она больше известна, как Го. Её смысл прост – необходимо завладеть большей территорией, чем соперник. Её правила тоже просты – один играет белыми, другой чёрными; первый ход делают чёрные; камни ставятся на пересечении линий; захваченными считаются камни, все точки вокруг которых заняты противником; игра закончена, когда не осталось ходов. Я вам сейчас покажу.

В течение нескольких минут Инспектор и Владлен увлечённо расставляли фишки на поле, хватались за голову, смеялись и начинали заново.

– Это очень сложная и интересная игра, Вилиал, но к чему вы меня сейчас с ней познакомили?

– Эта игра – руководство к жизни, мой друг, и отличный инструмент для познания самого себя. Чтобы выиграть в Го, и чтобы выиграть в жизнь, необходимо следовать одним и тем же правилам.

1. И там, и там необходимы спокойствие и уважение к сопернику.

2. И там, и там необходимо уметь планировать свои действия на несколько ходов вперёд, правильно рассчитывать свои силы и внешние факторы.

3. В обеих играх проигрывает жадность, когда человек стремится урвать слишком большой кусок, и теряет всё, что заимел.

4. Но в обоих случаях, если вы замкнётесь на мелочах и не будете расширять свою территорию – вы проиграете.

5. Готовность к самопожертвованию и гибкости – необходимое условие, без которого и там, и там вы не сможете одержать победу! Придётся избавляться от лишнего, меньшего, чтобы заполучить большее.

6. Необходимо уметь вести свою игру, не смотря на действия противника, но в то же время учитывая их.

7. Везде надо создать сплочённый коллектив единомыш-

ленников, семью из людей и фишек, которые будут охранять твою территорию от завоевателей.

8. В игре, как и в жизни, нужно уметь доводить до конца начатое дело, не разбрасываясь по сиюминутным озарениям.

9. В обоих случаях в ходе игры или жизни необходимо организовать себя, свой внутренний мир и своё пространство, что просто невозможно сделать в условиях уныния и поиска виноватых извне.

10. И Го, и жизнь – это свобода. Свобода мысли, чувства, развития и формы. Перед вами открыты тысячи путей, и вы можете ступить на любой из них, за которым, на следующем перекрёстке, вам откроются уже новые. Но надо понимать, что ваша свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека, чёрные фишки всегда упираются в белые. Будут и проигравшие, и побеждённые, поэтому чувства игрока должны быть свободны от мирских страстей, от жажды победы и, как следствие, горечи поражений.

Вся ваша жизнь, как и Го, не азартная игра, а лишь одна сплошная медитация для познания вселенной через свой собственный мир, для познания единства противоположностей и животворящего баланса Великой Дуальности!

– Да... это удивительная игра, такая же удивительная, как и жизнь. Но что же мне делать теперь? Я понял, что был азартным, жадным, нищим духом, разобраным на мелкие части. Вы думаете, эта игра мне поможет встать на ноги?

– Вы проиграли свою партию. Признайте поражение и

начните новую. Теперь у вас в руках будут чёрные фишки, за вами первый ход и инициатива. В Го, как и в жизни, можно созидать и разрушать, но созидающий всегда на шаг впереди! Я верну вам стартовый капитал, которого вы когда-то лишились по своей глупости – это в моей власти. Вы же в благодарность за это и за преподанный урок в Го, выполните то поручение, для которого приехали сюда, за тридевять земель. Устраивает вас такое соглашение?

– Да, конечно, я готов!

– Итак...

Глава 42. Исполнение желаний-7.

Марина стояла, прислонившись к стволу пальмы, и смотрела снизу на её верхушку, высоко задрав голову. Это было так необычно... Она никогда до этого не видела пальмы живую, только на картинках, и не знала, что они такие удивительные. Их перистые ветки напоминали то лучи зелёного фантастического солнца, то мохнатые лапы огромного паука, притаившегося над обречённой жертвой.

– Любуетесь?!

– Ой, испугали! – отпрянула девушка и засмеялась.

Вилиал встал под пальму, как только что это сделала Марина, и тоже посмотрел вверх. Изобразив испуг, он прижал к себе обе руки, зажмурил глаза и пародийно закричал:

– Ой, сейчас прыгнет!

Инспектор и девушка засмеялись вместе, и в этот момент к ним присоединилась Лариса.

– Ну вот, не успела отойти, она уже шашни с кем-то завела. Ах, это вы...

– Да, это я, здравствуйте. Мы тут с вашей подружкой любовались удивительным миром живой природы, так похожим на фантастику. Порою люди восхищаются выдуманнами инопланетными мирами в книгах и фильмах, и не видят, что сами живут в невероятной фантастике. На вашей плане-

те тысячи видов насекомых, животных, рыб и растений, о которых вы даже не знаете. Вы до сих пор не смогли изучить миллионы километров суши и моря, и ваша история тоже полна белых пятен. Ваш мозг работает всего на 5 процентов от своих способностей, над Землёй висит громадное космическое тело, обращённое к ней только одной стороной, и, наконец, вы самым фантастическим образом, как роботы, отключаетесь от питания на всю ночь, и этот цикл продолжается таинственных 24 часа на протяжении всей вашей жизни. И разве это – не фантастика?! Да вся ваша реальность, если задуматься, настолько невероятна, что хоть и сложно жить, но всегда тянет узнать – что там дальше, за поворотом?

Девушки призадумались, но не надолго.

– Фантастика – уже то, что мы с Ларисой здесь оказались, – улыбнулась Марина.

– Да уж, до сих пор поверить не могу, особенно учитывая то, по какой причине мы тут собрались... – отреагировала её подруга.

– И по какой-же? – спросил вдруг Вилиал.

– Ну, как... – запнулась блондинка, – Марине изменил муж, она решила его наказать, вы предложили нам помочь с приворотом, мы согласились оказать услугу вам. И вот, мы здесь, в Израиле... Фантастика!

– Да, но здесь есть одна маленькая неувязочка. Кстати, как приворот?

– О, спасибо, Вилиал, вы – волшебник! Муж абсолютно

изменился! – обрадовалась Марина, поправляя упавшую на лоб чёрную прядь. – Он смотрит на меня, как на богиню! Руки целует, спасибо говорит, цветы дарит, готов выполнить любое желание – это так восхитительно!

– А здоровье как? Нет жалоб?

– Да нет, вроде... Правда, слышала, на работе стал раздражителен, и приходит уставший. Но, думаю, это последствия расставания со своей бывшей возлюбленной.

– Какой возлюбленной?

– Ну, с которой у него шашни были...

– Какие шашни?

– Вилиал, ну мы же вам всё рассказали! – не выдержала и вмешалась Лариса.

– Неужели? Марина, откуда у вас появилась информация, что у вашего мужа кто-то есть?

– Так он сам сказал... – девушка была растеряна и не понимала, что происходит.

– Нет, до этого! Вы ведь ещё раньше думали, что она у него есть.

– Ну, он стал замкнут, пропадал по вечерам, приходил пьяный, грубил...

– И? Что, это всё?

– Потом я спросила его, нет ли у него другой женщины...

– Вы не спрашивали его, вы подошли и сказали ему, что знаете о его измене. Я ещё раз спрашиваю – кто вам сказал, что ваш муж вам изменяет?

– Вот, она... – Марина испуганно показала на свою подружку.

Вилиал перевёл свой многозначительный взгляд на Ларису и замолчал. Блондинка недоумённо смотрела то на Марину, то на Инспектора, пока наконец не почувствовала, что краснеет.

– Да что вы на меня уставились? Я что, была неправа?! – сорвалась девушка.

На этот раз уже на Вилиала смотрели две пары осуждающих глаз, но тот оказался невозмутим, выдержал гроссмейстерскую паузу, вздохнул и ответил:

– Не было у него никакой женщины.

Лицо Марины побледнело, она отступила назад и её тело тихо заскользило по стволу той самой удивительной пальмы. Инспектор поддержал девушку и аккуратно усадил на траву. Лариса тем временем стояла, как вкопанная, в оцепенении, и не могла пошевелиться. Краска никак не сходила с её лица и она сквозь зубы произнесла:

– Так значит, это я во всём виновата?

– Я бы не ставил так вопрос. Что произошло, то произошло. Так было надо.

– Тогда почему же он себя так вёл? – спросила Лариса. – В чём причина?

– Причина? Я же сказал – не было у него никакой женщины. Понимаете? Ему нужна была женщина! Медовые месяцы прошли, пришли будни, и он оказался к ним не готов.

Сказка сменилась былью, и принцесса сняла с себя праздничные наряды. А принцу так хотелось сказки, он думал, что так будет продолжаться всегда! В семье появился ребёнок, и принцу перестали уделять внимание, переключившись на того, кто более нуждался в заботе и уходе. В семье появился второй ребёнок, понимаете? Ваш муж тоже был ещё ребёнком, таковы мужчины – они слишком поздно взрослеют. Стало меньше заботы, внимания, любви, секса, и он поник. Он мучился от того, что не может исправить ситуацию дома, и от того, что не может пойти налево – ведь он любил свою жену! Он стал чувствовать себя ущербным, ему было стыдно, что он не может приспособиться к ситуации или перетерпеть. Именно поэтому он старался дышать другой жизнью, за пределами семьи, с друзьями, чтобы окончательно не свихнуться. Все остальные внешние признаки его “измены” – отсюда же. Ему пришлось признать и придуманную вами любовницу, но только для того, чтобы обратить на себя внимание.

Марина заплакала, а Лариса, тоже с мокрыми глазами, села рядом с подружкой и обняла её.

– Прости меня...

– Нет, это я виновата. Я сама себе всё напридумывала...

Пока подружки плакали и обнимались вместе на траве под пальмой, Вилиал отошёл в сторону, чтобы вдохнуть свежего воздуха. “Уф-ф, кажется, разделался,” – сказал он себе мысленно и глубоко вздохнул. Слишком много для него было

сегодня сентиментальности. Сначала Прохор припадал к ногам Лаврентия, потом Фёдор обнимал сестру Дитриха, затем Лёня со своим Предводителем... Всё это было непривычно для демона, но он удивлялся своей терпимости – раньше за ним такого не наблюдалось.

– Пойдите, Вилиал, а что же теперь делать с приворотом? – нарушила покой очнувшаяся первой Лариса.

– Да не было никакого приворота, – ответил Инспектор, не оборачиваясь. – Я соврал. Я лишь слегка почистил его энергетику, порядком замусоренную, что заметно изменило его восприятие окружающей действительности, а всё остальное Марина себе придумала. Такова уж природа женщины – любите вы домысливать...

– И ничего я не придумала! Он действительно полюбил меня! – ожила девушка.

– Так он всегда любил вас! Понимаете? Впрочем, я уже устал от ваших слёз. Разберётесь сами со временем. Итак, что же мы имеем... Получается, я не выполнил своего обещания?

– Нет, Вилиал, я думаю, мы обе довольны. Правда, Марина?

– Да, я согласна, Лариса. Вы сделали гораздо лучше!

– Значит, наш договор в силе? Вы сделаете то, о чём я вас попрошу?

– Конечно! – хором ответили девушки, и Вилиал склонился над ними, чтобы дать последние указания.

Глава 43. Исполнение желаний-8.

– А вот и я! – Вилиал распростёр объятья, но остался стоять на месте.

Все пять девушек, чуть не спровадившие в своём западе на тот свет бедного Аристарха, дружной компанией сидели в открытом кафе возле небольшой гостиницы. От яркого солнца их оберегал разноцветный тент, а лёгкий ветерок нежно обдувал ухоженные румяные личики. На столе у девушек стояло большое блюдо с фруктами и несколько коробок сока.

– Здравсьте, – невесёлым и нестройным хором приветствовали Инспектора женщины и замерли в ожидании конца своих несчастий.

– Ну же, веселее! Чего мы такие грустные?! Такое солнце, такая погода, ветерок, Иерусалим, да тут плясать надо! Право же, вы плохо влияете друг на друга, надо было вас расселить. Дурное настроение – это такая зараза! Стоит появиться в каком-нибудь коллективе человеку с грустным выражением лица, так он начинает как бактерия портить настроение всем окружающим! Вы что пьёте, сок? Так я вам вот что скажу. Люди – как коробки сока. Надписи могут говорить что угодно, краски могут быть яркими или тусклыми, коробка мятой, рваной, или целой и невредимой, но главное – что

там внутри. Яд, химия, отравы или натуральный, вкусный и полезный сок. Какими коробками, с каким содержимым мы себя окружаем, такой сок и пьём. Такими и становимся.

Девушки продолжали молчать, как будто сока в рот набрали, и Вилиал решил сесть рядом с ними. Они подвинулись, он снял пиджак, наполнил стакан оранжевым напитком и с показным наслаждением осушил его за один раз.

– Я хочу с вами познакомиться поближе. Прошлая наша встреча была немного скомкана неловкой ситуацией (кстати, Аристарх передавал вам привет). Меня не отпускает простое человеческое желание понять, что двигало каждой из вас в отдельности, когда вы решались на столь неординарный поступок. Понимаете? В отдельности, а не под властью группового инстинкта. Вот вы, – Инспектор обратился к высокой худощавой брюнетке, – кажется, вы говорили про грязных грубых животных, которые не должны сметь к вам прикасаться. Это вы не о мужчинах случайно? Как вас зовут?

– Лиза. О мужчинах. Мой муж оказался совсем другим человеком, нежели был до нашей свадьбы. Он ухаживал за мной год, и всё это время был одет с иголки, чист и выбрит. Я думала, что наконец-то встретила свой идеал! Меня с детства воспитывали в семье, где царили порядок и чистота, и я очень хотела встретить мужчину, похожего на своего отца! Папа рано умер, и у меня остались самые лучшие воспоминания о нём. Именно он, кадровый военный, следил за домом и не давал прийти ему в упадок. Однако, вскоре

после свадьбы я поняла, как жестоко ошиблась. При моей природной и воспитанной склонности к чистоте и уюту было просто невыносимо терпеть разбросанные по комнате носки и штаны. С работы муж приносил домой запах машинного масла и бензина, а в отросшей бороде его постоянно застре-вали остатки вермишели и котлет. Дверцы на шкафах висели на одной петле, плинтуса отходили от стен, а с потолка в ванной, когда я мылась, на меня сыпалась штукатурка! Я женщина! Я не могла это вытерпеть, мои нервы были натянуты и я стала срываться. И при всё при том, уже муж стал говорить мне, что до свадьбы я была совсем другой! Нет, вы слышали? А он прямо-таки остался ангелом во плоти! Хуже всего было то, что я не могла его бросить, так как забеременела ещё до свадьбы. Пожаловавшись на свою судьбу подругам по работе, я узнала, что их мужья ничем от моего не отличаются. Я была в шоке! Абсолютно все мужики одинаковые, и они ломают своим женщинам жизнь... именно такой я сделала для себя вывод. А что мне оставалось делать? В результате я впала в депрессию, выход из которой мне пришлось искать среди таких же, как и я, обманутых женщин.

– А я вам больше скажу, – не выдержала её маленькая полная подруга, Алевтина, бывшая Аристарха второй, – мужчины постоянно кичатся своими умственными способностями, а на деле оказывается, что они и гроша ломаного не стоят! У меня два высших образования, я медик и экономист, а мне постоянно приходилось слышать дома, что я глупая и

несмышлёная. Я, видите ли, не могу понять такой простой вещи, как устройство карбюратора или принцип работы холодильника! А оно мне надо, вообще? Я – женщина! И логика у меня своя, я согласна, но она ничем не хуже мужской, она просто – другая! Неужели с этим так трудно было примириться? Постоянные насмешки над моими высшими образованиями и пожелания идти работать кухаркой шли вразрез с моими способностями по разгадыванию кроссвордов и викторин, на что муж постоянно закрывал глаза. Так кто из нас был невеждой и тупым? Моральные унижения не могли пройти даром, я стала искать выход своей агрессии и нашла его с помощью новых подруг.

– Вот вы мужчина, сидите и осуждаете нас, женщин, угрожаете, пристыдить пытаетесь... А вы вообще знаете, что такое – быть женщиной? – Дала о себе знать Варвара, худенькая дамочка в шляпке с вуалью. – Это же совсем другой организм, другие процессы, и как следствие – другая психика, другое восприятие, другая душа! Женщина, в отличие от вас, живёт чувствами, а не умом! Женщина – это мать, она заботится о всей семье, переживает за каждого, любит, ночами не спит, помогает, успокаивает, дышит с каждым его проблемами, а случись что – стеной за свою семью встанет и себя не пожалеет. И что она получает взамен? Бесчувственность и животный инстинкт. Женщина должна получать то же, что и отдаёт, а ей приходится терпеть грубость, сарказм, плотский садизм и нежелание понять и принять её, как жен-

щину и мать ваших детей.

– Всё, что вас, мужчин, интересует, – вступила в разговор барышня-крестьянка, которую звали Софья – это как бы набить свой живот пивом и сосисками, разлечься на диване перед телевизором, и чтобы ни-ни! Ни свет включить, ни сесть рядом, ни слова сказать. Утром встал, пожрал, ушёл на работу, вечером пришёл, пожрал, посмотрел телевизор, лёг спать. И всё! Вся ваша жизнь! А наша? Наша-то как же?

Вилиал сидел под пристальными взглядами десятка женских глаз и чувствовал, что в нём поднимается чувство братской солидарности с мужчинами, которое заставляло его дать отпор этим несправедливым обвинениям и наветам. Однако, он вовремя спохватился, вспомнив, кто он такой и как здесь вообще оказался, после чего с облегчением вздохнул и улыбнулся.

– Ну, всё понятно. Огонь и лёд, поэзия и проза, душа и карбюратор. Воистину, чтобы мужчине понять женщину, надо ей быть, но это невозможно. К счастью, я не совсем мужчина, если вы не поняли, и потому я спокойно принял все ваши жалобы и оправдания. И вы не поверите, но мне даже есть, что вам ответить! Но сначала я хотел бы услышать вас, милая предводительница. У вас есть имя?

– У меня есть имя. Родители назвали меня Златой, только что вам до моего имени? По вам видно, что вы воспринимаете нас как свору бешеных собак, накинувшихся на невинную жертву и истерзавших её до полусмерти. В чём-то, может, вы

и правы, но только не в одном. Этот Аристарх – далеко не невинная жертва, и я выбрала его не случайно. И, конечно, вовсе не потому, что он журналист, и якобы сможет написать об этом происшествии в газете – в назидание остальным мужчинам. Я только рассказала этим девушкам свою историю – историю обманутой и брошенной под насмешки молоденькой девочки, влюбившейся в школьные годы в красивого одноклассника. Мы обменивались любовными письмами, передавая их друг другу в руки, гуляли вместе после школы, целовались в подъезде, строили планы на будущее... А потом я сделала большую глупость... Я хотела всё по взрослому, я хотела стать женщиной и полюбить по-настоящему, я не знала, кто такие мальчишки, и витала в воздушных иллюзиях. Позвав его к себе домой, я предложила сыграть в настоящую семью, в папу и маму, и для начала мы должны были “сделать ребёнка”. Я разделась перед ним, предложив ему сделать то же самое, и мы, смущаясь и смеясь, просто обнимались, не зная, как это должно происходить на самом деле. Я взяла с него обещание, что он никому не расскажет о случившемся, и он сдержал своё слово... но только не надолго. Нашу любовную переписку обнаружила школьная учительница, родителей вызвали в школу, дома был скандал, и нашим отношениям наступил конец. И вот, через год, когда в необузданной детской головке уже стала забываться романтическая история первой любви, он в своей мальчишеской компании со вкусом и привирианием рассказал о моём рас-

пущенном и легкомысленном поступке. Стоит ли говорить о том, какое это было испытание для скромной и тихой девочки, прилюдно подвергшейся многочисленным насмешкам и оскорблениям? С тех пор прошло много лет, я изменилась внешне, но внутри меня навсегда засела злость и ненависть к этому человеку. И, когда я его наконец его встретила, я приняла это за знак судьбы. Аристарх не узнал меня, но это уже не имело никакого значения. Я нисколько не раскаиваюсь в своём поступке, слышите? Нисколько! Я нашла этих бедных женщин, собрала их вместе, и мы решили, что должны отомстить всем мужчинам в одном лице. Вы спросите, почему я не сказала им, что тем молодым подонком был Аристарх? Да просто из жалости. Они бы убили его на месте!

Вилиал сидел невозмутимо, сложив руки на груди, и думал. Его посетило странное беспокойство, какое-то неуютное чувство, которому он не мог найти объяснение. И дело тут было вовсе не в этих душещипательных историях, рассказанных несчастными девушками, тревога исходила откуда-то снаружи. Он огляделся, но за растущей зелёной изгородью трудно было что-либо разглядеть.

– Я не буду оправдывать поступки тех мужчин, о которых вы рассказали. О вашем же преступлении я уже рассказал сухим текстом уголовного кодекса. Закон есть закон. Но я готов вас освободить от ответственности, как мы и договаривались, и я сдержу своё слово. Перед последним распоряжением я вам хочу сказать лишь одно.

И мужчинам, и женщинам свойственно давать оценки поступкам друг друга, беря на себя роль судьи и прокурора. Но имеют ли они на это право? На эту тему можно долго рассуждать, но я не буду вас мучить и сразу скажу итог – нет! Ни у кого нет такого права! Чтобы осуждать другого, самому надо быть без греха, но кто первый из вас бросит камень? И потом... Человек – существо текучее, он постоянно изменяется, как ручей, не стоит на месте. Вы не поверите, но уже через несколько минут перед вами может стоять совсем другое существо, но всё в том же теле. Вы же наверняка замечали за собой импульсивность и необдуманность поступков, о которых очень быстро сожалели? Это происходит со всеми людьми по той причине, которую я только что назвал – люди текучи. Вы же постоянно останавливаете течение человека, давая оценку его личности на тот или иной момент времени, в том или ином поле событий. Получается, что вы повесили ярлык на человека, которого уже нет, он стал другим. Какой в этом смысл? Никакого! Ни для вас, ни для него. Вам сказали – идите и размножайтесь, но вам не сказали – идите и критикуйте друг друга. Если вы удерживаете в себе чей-то негативный образ, он остаётся жить, но только в вас самой, и постепенно съедает вас изнутри. Освободитесь от него, и вы освободите того человека, который спешит уйти вперёд вместе с вами.

Враг человека, прежде всего – он сам. Он и ангел, он и демон, и вся его жизнь – это борьба с самим собой. Всё, что

вокруг него – это тоже он сам, потому, что только он один так воспринимает мир. А если он кого-то ненавидит – то и ненавидит себя, а любит – значит любит себя. И, я вас умоляю, не надо больше никогда и ничего придумывать, всё есть так, как оно есть, и ничего больше. Главное правило реальности – не запутаться в своих иллюзиях. Вы готовы?

Глава 44. Стена.

Когда женщины и Инспектор покинули кафе, Полина всё ещё продолжала сидеть по ту сторону зелёной изгороди в больших тёмных очках и широкополой шляпе, скрывающих её лицо. Она сидела там с того момента, как девушки вышли из гостиницы и сели за столик, видела подходящего к ним Вилиала и слышала весь их разговор. В какой-то момент демон почувствовал её присутствие, но Полина сдержала беспокойство и он отвлёкся.

Из этой беседы девушка поняла, что Вилиал, представившийся своим жертвам Инспектором, набирал в свой отряд не случайных людей. Все собравшиеся в кафе женщины совершили серьёзный проступок и, не смотря на имевшиеся в их жизни побудительные мотивы, в любом случае должны были нести наказание. До этого момента Полина несколько иначе представляла себе методы работы демона, предполагая, что он действовал исключительно методом шантажа и запугивания. Конечно, эти способы он и применял, но, с другой стороны, его “разбор полётов” приводил к осознанию жертвами своей вины и раскаянию. По сути, никто не заставлял их лезть в петлю ни во время совершения своих грехов, ни во время согласия оказать помощь Вилиалу в обмен на “индульгенцию”. Но ведь в том и состояло искусство демона,

ловко проворачивающего своё дело и настойчиво идущего к цели. В Полине говорило две сущности. Одна, ангельская, постоянно напоминала ей, с кем она имеет дело, и ожесточала восприятие Вилиала, запрещая вдаваться в подробности его действий. Другая же, человеческая сущность, постепенно брала вверх, и девушка ловила себя на том, что личное отношение к ней демона постепенно оказывает на неё более сильное влияние. Она чувствовала, не смотря на порой саркастический тон Вилиала, что небезразлична ему, и это подтверждала история её освобождения из Преисподней. К тому же, у неё из головы никак не исчезал другой образ Вилиала – молодого юноши из Запредела, красивого, робкого, печального, но улыбающегося такой улыбкой, от которой на душе становилось тепло и ясно. Нынешний же образ демона был гораздо более суров, холоден, но и за ним проглядывался уставший взгляд Запредельного Вилиала. Казалось, тот юноша пробивался через защитные блоки, выстроенные в целях безопасности, но демон всякий раз пытался подавить его образ, напуская на себя важность и нравоучительность. Полина чувствовала на уровне подсознания, что Вилиал – не просто бездушный демон, что он понимает гораздо больше, чем говорит, и во всех его действиях есть какой-то скрытый подтекст. И потом, это наваждение... Та фотография, которую ей показали в Небесной Канцелярии перед началом долгого и трудного пути... Уже тогда она почувствовала не только то, что их история будет иметь особенный конец, но

и то, что у этой истории было своё особое прошлое. Была какая-то недосказанность в их отношениях, какой-то скрытый мотив, не позволявший им уничтожить друг друга до того момента, как они сойдутся в решающей схватке. Юный студент сказал ей, что она ревнует Вилиала и равнодушна к нему... Пожалуй, это было так, и последовавшая пощёчина испугала Полину потому, что подтверждала правоту этих слов. В тот момент она была Женщиной с большой буквы. И ангел уступал ей место в теле девушки с каждым днём всё больше и больше.

После того, как Полина узнала историю пяти необузданных женщин, у неё возникло желание пообщаться с остальными “участниками шоу”. Набравшись смелости, она вернулась к гостинице “Царь Давид” и, подавив женскую гордость, попросила каждого по очереди рассказать свою историю. Фёдор, Прохор и Лёня Ветерок не смогли устоять перед обаянием ангела и вкратце передали ей ту информацию, которую когда-то поведали Инспектору. Более того, теперь они могли рассказать ей и больше, передав во всех подробностях заключительные сцены со своими героями, освободившими их от тягостных мучений. Во всех случаях у девушки выступали слёзы на глазах, она благодарила рассказчиков и спешно удалялась. По всему было видно, что Полина ошибалась в политике Вилиала, и это заставляло её задуматься ещё больше. Студента она не нашла, но, наверное, не сильно и хотела, вспоминая историю их расставания. Разумно предпола-

гая, что количество помощников Инспектора должно было равняться чёртовой дюжине, она расспросила у Прохора и Фёдора о других персонажах. Те могли ей рассказать о местонахождении только двух девушек, Марины и Ларисы, о которых она уже знала, и с которыми теперь у Полины тоже получилось встретиться.

– Здравствуйте! Меня зовут Полина, и я прошу вас рассказать мне ту историю, которая привела вас сюда. Я знаю о вашей встрече с Инспектором, я была в том кафе, знаю, что вы согласились ему помочь, и догадываюсь, что он уже выполнил своё обещание. Я прошу вас, как женщина, и обещаю, что буду хранить молчание. Всё, что я хочу, это чтобы вы смогли вернуться домой в целости и сохранности, именно для этого я должна узнать всё в самых подробностях...

Марина и Лариса также поддались располагающему к себе обаянию Полины и покаялись в своих ошибках, приведших к поиску действенного чёрного приворота. Они были готовы расцеловать Вилиала за то, что он открыл им глаза и, проявив целомудрие и доброту, не стал идти на поводу у заблудших душ, отменив заклинание.

– У зла много масок, но самая опасная из них – маска добродетели, – напутствовала ангел девушек перед расставанием, – будьте осторожны.

Полина сидела на камнях крепости Башни Давида и смотрела на горизонт. Солнце клонилось всё ниже, наполняясь таинственным красным цветом, на древний город спуска-

лись тяжёлые сумерки, и ангел чувствовала, что это последний закат в её человеческой жизни. Ах, если бы она сейчас была тем ребёнком в детской кроватке, как бы она была счастлива! Но в то же время девушка понимала, что на пути её счастья встал не Вилиал, постучавший в дверь Полиной квартиры, а эпидемия, поразившая город, маму девочки, и изменившая их судьбу. Не приди Инспектор в дом Катерины, та всё равно не справилась бы с подступившей болезнью, и какая судьба постигла бы при этом саму Полину, оставалось только догадываться. Интересно, если бы Вилиал знал, чем всё это закончится, стал бы он стучать в ту дверь? Нет, не стал бы. Он ошибся, от этого никто не застрахован, даже высшие сущности. Ошиблась и Полина. Вот только она пока не знала, какую именно ошибку совершила – ангел стояла на распутье. Либо она ошиблась, наделив Вилиала чертами демона, либо ошиблась, поддавшись его злым чарам и полюбив его. Оставалось только ждать. Или...

Полина встала со своего места и посмотрела в сторону Храма Воскресения Христова, являющегося святилищем христиан. Затем её взгляд упал на Западную стену, Стену Плача, самое святое место для иудеев, между камней которой молящимися принято вкладывать просьбы к Богу о ниспослании здоровья, спасения, удачи или исполнения другого сокровенного желания. Полина закрыла глаза, подняла лицо кверху и глубоко втянула носом свежий воздух. Он наполнил её решимостью, силой и она сделала выбор. Спустившись

с цитадели Башни Давида, ангел направилась к площади у Западной стены, где попросила у старого еврея карандаш и листок бумаги. Черкнув несколько слов, Полина прошла на женскую половину, положила руку на Стену Плача и, помолвившись, вложила в щель между камней свою маленькую записку. Постояв несколько секунд, девушка развернулась и молча покинула площадь, направившись к себе в отель. Ей предстояла тяжёлая ночь, и нужно было хорошо отдохнуть.

Глава 45. Тьма и Свет.

– Давно не виделись.

– Ух-ты...

Архангел Гавриил и демон Вилиал сидели друг напротив друга в ресторане “Эвкалипт” за отдельным столиком. На открытой площадке из подвешенных сверху кашпо на них свисали зелёные гроздья растений, а белые луны светильников создавали романтическую обстановку. Ресторан представлял собой старинный иерусалимский дом у подножия стен Старого города, недалеко от Яффских ворот, с многочисленными каменными ступенями и исторической архитектурой. Его шеф-повар, используя древние травы и продукты, удивительным образом возродил библейские блюда, которыми питались царь Давид и Иисус тысячи лет назад. Пригласивший Вилиала Гавриил заказал себе суп из топинамбура с миндальным молоком и кускус, приготовленный по рецепту времен царя Соломона. Гостя же поджидал ягнёнок, в течение всей ночи запекавшийся в глиняном горшочке, и сладкий пудинг из восточных цветов.

– Чем обязан столь позднему и неожиданному приглашению? – поинтересовался Инспектор, располагаясь в кресле поудобнее.

– Да просто хотелось познакомиться поближе, – ответил

Архангел и аккуратно отхлебнул ложечкой порцию горячего супа. – А-а-а, прелесть...

Вилиал тоже не стал стесняться и, заглянув в свой горшочек, вдохнул яркий и сытный аромат свежего мяса. Несколько первых минут встречи двое оппонентов уделили только еде, дабы не мешать вкусовым рецепторам и органам пищеварения сполна получить удовольствие, после чего, выпив по бокалу лучшего местного вина, внимательными взглядами оценили друг друга. Оба были гладко выбриты, худощавы, одеты в похожие светлые костюмы и отличались лишь цветом волос и смуглостью лица. Более темноволос и смугл был Вилиал, Гавриил же выделялся благородной сединой и бледной кожей.

Они уже не в первый раз организовывали подобное рандеву, но прошлая инициатива, как мы помним, исходила от демона. Тогда он под шум горного водопада Ангел, берущего начало на плато Горы Дьявола в Венесуэле, передал Архангелу тело и душу девочки Полины, после чего двое соперников заключили некоммерческий договор. И вот, Небесная Канцелярия назло Вилиалу выполнила часть своего договора, отправив Полину на Землю, но снабдила её при этом “коварной” миссией. С другой стороны, согласно договору, ангелы не могли помешать демону встречаться с девушкой и проводить с ней свою политику, чем тот тоже не преминул воспользоваться.

Разговор на правах пригласившего продолжил Гавриил.

– Я так понимаю, что твоё появление здесь приурочено к великому празднику Пасхи, который будет отмечаться послезавтра. А завтра, в Великую Субботу, Господь намерен по традиции ниспослать на Землю Благодатный огонь в Храме Воскресения Христова. Уж не замышляешь ли ты какую глупость по этому поводу, раб сатаны?

– Хм, хорошая идея! А то я всё думал, чем бы таким развлечься. Весьма вовремя ты надоумил меня, я был о тебе более скромного мнения.

– Не ехидничай, этим ты только выдаёшь себя. Ну, допустим, этот огонь не будет зажжён, что с того? Весь мир перевернётся? Ведь это просто “шоу”!

– Как знать, как знать... Ты не совсем искренен, окрашивая в тусклые краски столь ожидаемое всем православным христианским миром событие. Миллионы праведников жаждут лицезреть огонь и получить известие о том, что Господь всё ещё любит их. И если вдруг случится непредвиденное... Ты же знаешь, сколь старательна в приумножении своих грехов твоя паства, да и сама она прекрасна осведомлена об этом. Каждый год люди трепещут в страхе, что у твоего хозяина наконец лопнет терпение и он ниспошлёт на Землю очередной Всемирный потоп, а не безобидный Благодатный Огонь. Что ж, если случится грандиозная паника во время этого, как ты легкомысленно выразился, шоу, то я и мои соратники будем весьма рады такому событию.

– Ты и твои соратники? Смелое заявление. Меня питают

большие сомнения, что те, кого ты называешь своими соратниками, так же могут назвать тебя своим боевым товарищем. С тех пор, как ты был верховным демоном, кое-что изменилось, не так ли? Ты надеешься вернуться обратно, но ждут ли тебя там? Сомневаешься ли ты в том, что за твоё место у трона сатаны уже ведётся коварная и беспощадная борьба? Да и сам Хозяин Тьмы никогда не простит тебя за содеянный проступок, ты это прекрасно знаешь. Ты стоишь у края пропасти и думаешь, что в её глубине найдёшь спасение и избавление? Это глупо, на дне твоей пропасти лишь Ничто. Ты потерялся, и мне жаль тебя, Вилиал. Вспомни, ведь когда-то, в твою бытность ангелом, мы были друзьями! Что мешает тебе вернуться обратно? Стань первым, кто сделает это, и ты будешь непобедим!

– Мягко стелешь, Верховный Хитрец! Ты хочешь занять чужое поле, не принеся взамен никакой жертвы? Одержатъ победу таким образом невозможно ни в игре Го, ни где либо ещё. Что-то получаешь, что-то отдаёшь, этот закон был придуман задолго до нашего с тобой появления. Сатана и Бог играют одну бесконечную партию в Го, окружая чёрными и белыми фишками пустые клетки – людей, и забирая камни своего противника – ангелов и демонов. Но есть одно непреложное правило – инициатива всегда у чёрных, именно они делают первый ход, и именно они – созидатели. Тьма была изначально, и лишь потом появился свет. Белым уготована судьба разрушителя, и потому у сатаны есть преимущество –

он всегда на шаг впереди. Сегодня это преимущество у меня, либо... либо ты можешь перехитрить чёрных, принеся в жертву белую фишку.

Гавриил сидел, откинувшись на спинку кресла и подперев квадратный подбородок правой рукой. Взгляд его был хмурым, из под густых седых бровей на Вилиала смотрели изучающие чёрные глаза. Наконец, помолчав, он принял какое-то решение и процедил сквозь зубы:

– Белые согласны на жертву ради великой цели.

– Но согласится ли жертва стать жертвой?

– У нас есть строгий порядок, иерархия и подчинение. Каждый из нас готов пожертвовать собой во имя победы добра и справедливости. Но сможешь ли ты сам принять такую жертву?

Вилиал с горькой ухмылкой посмотрел на Архангела – оба они понимали, что речь сейчас идёт о Полине.

– И белые, и чёрные фишки, когда их окружают противники, убирают с доски и складывают в ящик. Там они ожидают своей участи, их достанут только после того, как партия закончится.

– Но ведь эта игра может длиться вечность... – Гавриил не спускал глаз с демона.

– Что ж, раз это необходимо...

– Ты не договариваешь, Вилиал. Мы же знаем, что ты равнодушен к Полине и не сможешь просто так убрать её с поля. Что ты задумал?

Демон долго смотрел немигающим взглядом в глаза Гавриилу и ничего не говорил. Затем он вдруг спохватился принялся уничтожать свой пудинг, а Архангелу в ответ пришлось нехотя ковырять свой кускус. Допив бокал вина, Вилиал также молча поднялся и направился было к выходу, однако, как будто что-то вспомнив, на полушаге обернулся к Гавриилу и произнёс:

– Я никогда не возвращаюсь туда, где уже был однажды счастлив, ведь нельзя войти в одну и ту же реку дважды. Вы сделали свой ход, теперь моя очередь. Отдыхайте.

Глава 46. Храм.

Иерусалимский Храм Воскресения Христова, он же Храм Гроба Господня, располагается на том месте, где по христианским преданиям был распят и захоронен Иисус Христос – мессия, пришедший на Землю, чтобы образумить погрязших в грехах иудеев. На Голгофе, куда Иисус донёс свой крест и был на нём распят, ныне располагается целый архитектурный комплекс, названный Храмом, а непосредственное место захоронения и воскресения Христа – гробница – находится в Кувуклии – небольшой часовне посередине круглой ротонды с огромным куполом. Кувуклия, выложенная из жёлто-розового мрамора, делится на две части – придел Ангела, где сидел на камне возвестивший о воскресении Ангел, и сам Гроб Господень – небольшое помещение с низким арочным входом, где находится каменное погребальное ложе, покрытое старинной мраморной плитой. Там и зажигает в канун праздника Великой Пасхи свою лампаду от сошедшего с небес Благодатного огня главный православный первосвященник – иерусалимский патриарх. Вынос Благодатного огня символизирует воскрешение Иисуса и собирает огромное количество верующих, эта церемония транслируется на весь мир.

Фёдор, Лёня Ветерок и Прохор не считали себя истинны-

ми христианами, но при случае никогда не отказывались перекреститься или, когда жизнь совсем уж поворачивалась к ним своей неприглядной стороной, помолиться во спасение. В сложные и критические моменты своей судьбы они поступали также, как и большинство грешников – моментально вспоминали о Боге и начинали просить Создателя о милости. Однако на то, чтобы регулярно соблюдать христианские обычаи и традиции, поститься и посещать церковь, у них как обычно не находилось времени или возможности. В назначенное время, после полуночи, все трое дружной компанией направились к тому месту, о котором им рассказал Инспектор. Ночное небо было необычайно ясным и сияло мириадами звёзд, и товарищи шагали к Храму Гроба Господня практически не глядя под ноги – все их взоры были обращены кверху. Шли молча, боясь нарушить тишину небесного таинства, и души их были наполнены важностью наступающего момента. Сегодня они должны были исполнить своё обещание, данное Вилиалу, и покинуть древний город, отправившись к родным местам. То чувство сожаления о скором конце путешествия, которое их переполняло ранее, сменилось чувством выполненного долга перед сестрой Дитриха и Лаврентием, а Лёня же восхищался тем прозрением, которое ему даровал ненавидимый ещё недавно Предводитель. Все трое теперь стали совершенно другими людьми – и благодаря Инспектору, сдержавшему своё слово, и благодаря свежему ветру Иерусалима, обдувавшему их целеустремлённые

лица, и благодаря открывшимся перед ними новым перспективам. Фёдор, Прохор и Лёня стремились вернуться домой, чтобы начать новую жизнь, они чувствовали прилив сил и желание изменить свой мир. Все друзья были гладко выбриты, пострижены, хорошо одеты и надушены дорогими одеколонами. По сути, их сознание было уже далеко от Иерусалимской земли, оно начинало готовить им место для будущих подвигов и новых деяний у себя на родине. И потому последний поход в Храм на Голгофе был для них хоть и важной, но лишь промежуточной точкой, в которой они не собирались надолго останавливаться – ни телом, ни душой, ни мозгом.

Пять отчаянных женщин шли единым творческим коллективом – высокорослая Лиза в длинном чёрном платье, малютка Алевтина в лёгкой белой накидке, худощавая Варвара в любимой шляпке с вуалью и барышня-крестьянка Софья в сиреневом сарафане под предводительством рыжеволосой Златы. Трудно сказать, почему, но сознание у всех девушек тоже претерпело значительные изменения. Тут сказалась и смена географического пояса, и новые впечатления, и, конечно, откровенный разговор с Инспектором, который принял их отповеди, “отпустил грехи” и дал наставление. По сути, именно на нём они окончательно выместили всё, что годами копили в своих душах в отношении мужчин, и теперь женщины шли вперёд лёгкой походкой, весело переговариваясь и смеясь.

Марина и Лариса, также почувствовавшие глубокое облегчение после разговора с Вилиалом, уже стояли чуть поодаль от Храма, у церкви Александра Невского, и ожидали наступления условленного времени. Тяжёлый груз приворота, который снял с них Инспектор, упал камнем с душ и сорвал оковы, давившие на сознание. Марина стремилась теперь к мужу всем сердцем, торопясь поделиться той любовью, которой столько времени его напрасно обделяла. Лариса тоже полностью раскаялась в своём поступке, она теперь вообще не понимала, как ей могла прийти в голову такая глупость, как любовный приворот. Дома её ждал свой собственный муж, терявшийся в догадках, и она не хотела повторять судьбу своей подруги, мало уделявшей внимание “второму ребёнку”. Обе девушки также вдохнули свежего ветра перемен и теперь стремились поскорее вернуться домой, чтобы начать свою жизнь сначала. Они изменились внутренне, и мир вокруг них тут же преобразился сам собой, окрасившись в яркие краски и благоухающие ароматы. Ах, как же мало нужно было им для счастья!

Постепенно приближался к намеченной цели и Игрок, не спеша гуляя по иерусалимским переулкам и наслаждаясь открытым звёздным небом. В его голове постоянно всплывали воспоминания о параллелях, которые Вилиал проводил между жизнью и игрой Го, и ещё Владлену было стыдно за того человека, которым он был совсем недавно – человека жалкого, нервного, потерянного и бездуховного. По какой-то

неведомой иронии его дух поднял не небесный ангел, спустившийся для этого из Рая, а демон, поднявшийся из глубин Преисподней и собиравшийся совершить акт возмездия. Пожалуй, Игрок был единственным из всей чёртовой дюжины сообщников, кто ясно отдавал себе отчёт, кем же является Инспектор, и какую цель он преследует в Иерусалиме. Владлен не строил иллюзий ни о Вилиале, ни о своём будущем, он понимал, что ему не перестроить себя быстро, хотя он и сделал уже значительный шаг на этом пути. Прогуливаясь на свежем ночном воздухе, Игрок принял окончательное решение сделать то, о чём они договорились с демоном, он чувствовал, что был у того в долгу, и к тому же обещанная Инспектором сумма денег была для находящегося на дне финансовой пропасти Владлена весьма необходимой.

Студент был благодарен Вилиалу за то, что тот раскрыл ему коварство денег, славы и власти, но юношеский задор и тяга к экспериментам не оставляли его в покое. Молодой человек был уверен, что справится с этой “непосильной ношей” и сохранит, или даже приумножит свой уровень сознания и духа. Юноша грезил самореализацией, хотел сделать научное открытие и стать знаменитым, но кто из нас в его годы не мечтал о подобном? Стать популярным певцом, голливудским актёром, известным футболистом, автогонщиком, президентом, великим учёным или космонавтом – этих вожделений не смог миновать в своей жизни наверное ни один человек. Студент не видел ничего плохого в своём стремле-

нии завоевать этот мир, а необъятная в своей непостижимости квантовая физика была для него той волшебной палочкой, которой коварная фея непрестанно мотала перед его лицом. Молодой человек шёл из своего отеля к Храму Гроба Господня быстрой весёлой походкой, на его губах сияла загадочная улыбка, а сознание было пленено предвкушением исполнения долгожданной мечты.

Иннокентий в одиночестве сидел на корточках, прислонившись спиной к стене Храма возле расколотой Колонны Святого Огня. По преданию, несколько столетий назад православных христиан не пустили на службу Святого огня, и тогда после их молитвы огонь вырвался из колонны у входа в Храм и расколол её почти наполовину. Кеша сидел там и сжимал в руках хрустальную пирамидку, в которой для него заключался весь мир, который он потерял. Иногда он смотрел сквозь неё на звёзды и ему казалось, что он видит внутри свою прошлую жизнь, не обременённую бесконечными скитаниями между прошлым и будущим. Жизнь, которую он считал когда-то беспросветной и нестерпимой мукой, вялотекущей действительностью, от которой Иннокентий был готов лезть на стену. Там была и любимая жена, которую он тогда не ценил, но которую теперь, после надежды, поданной Вилиалом, готов был расцеловать и сделать счастливой. “И ад, и рай находятся в душе человека,” – сказал ему недавно Вилиал, и Иннокентий очень близко к сердцу принял его слова. Больше он таких ошибок не совершит.

Недалеко послышались шаги, и Кеша насторожился. Над площадкой перед Храмом горело всего несколько ламп, остальные были потушены, и потому света было мало. Сперва показались какие-то силуэты, потом они приблизились, на них упали лучи светильников и Иннокентий узнал троих мужчин, которых несколько раз видел у гостиницы “Царь Давид”. Он поднялся, Прохор, Фёдор и Лёня подошли к нему, поздоровались, обменялись рукопожатиями и многозначительно кивнули друг другу. Объяснений не требовалось, все понимали, зачем и по чьему приглашению они здесь находятся.

– Закрыто? – спросил Прохор, глядя на двери Храма.

– Да, пока закрыто, – ответил Кеша.

Раздалось ещё несколько шагов, и на небольшую освещённую площадь вошли Злата, Лиза, Алевтина, Варвара и Софья. Они также приблизились к Иннокентию и окружившим его мужчинам, поздоровались, спросили, кто их сюда пригласил, слышали имя Вилиала и многозначительно закивали.

– Да, нас тоже, – ответила за всех Злата.

Скучать компании не пришлось, поскольку к ним постепенно присоединились Марина с Ларисой и Игрок, которых встретили уже улыбками и шутливыми возгласами. Однако, на правах первого явившегося, Иннокентий попросил дружную компанию не шуметь и соблюдать осторожность. В этот момент вдоль стены проскользнула чья-то тень, скрытая чёр-

ным балахоном, молча подкралась к дверям Храма, достала ключи и отомкнула замок. Также бесшумно и безмолвно Тень попыталась удалиться, но на самом выходе с площадки столкнулась с запыхавшимся Студентом. Тень испуганно произнесла несколько слов на арабском и быстро скрылась с глаз.

Кеша, которому все без исключения интуитивно отдали пальму первенства, осторожно открыл двери храма и вошёл внутрь. Несмотря на то, что Храм ещё недавно был заперт, внутри горело несколько светильников, дававших тусклый и рассеянный жёлтый свет. Вошедшие вслед за Иннокентием компаньоны во всей полноте смогли почувствовать на себе те трепетные эмоции, которые овладевают всеми посетителями этого исторического памятника. Справа от входа высоко вверх поднималась крутая каменная лестница на Голгофу, а прямо перед ними, недалеко от входа, располагался Камень Миропомзания, на который Иосиф с позволения Понтия Пилата снял с креста и положил тело Иисуса. Никто из ночных гостей не смог удержаться, чтобы не прикоснуться к этой древней христианской реликвии, над которой горело восемь больших лампад. Последовав от Камня Помзания влево под арку колонн, непрощенные посетители прошли мимо мраморного круга, ограждённого решетчатым колпаком – местом стояния Святых Жён – и оказались в огромной круглой ротонде. Посреди неё величественно возвышалась мраморная часовня с украшениями по стенам и плос-

кой крышей с небольшим куполом – Кувуклия. Было далеко за полночь, все литургии закончились или ещё не начались, и гости смогли без помех налюбоваться открывшимся перед ними грациозным зрелищем. Перед Кувуклией вверху горело несколько больших лампад, а рядом с ней несколько огромных подсвечников, которые слабо освещали её и наполняли всю ротонду таинственными пляшущими тенями. На стенах часовни были выгравированы христианские тексты, а по карнизам были установлены драгоценные старинные иконы, перед которыми также висело несколько лампад. Сама ротонда была обрамлена по окружности высокими арками на нескольких этажах, балконной галереей и многочисленными столбами и колоннами, а завершал эту торжественную композицию огромный купол со стилизованным изображением солнца посередине.

Подошло назначенное время, и ночные посетители стали рассеиваться по своим местам.

Глава 47. Небесный огонь.

Шесть человек – Фёдор, Прохор, Игрок, Лёня, Студент и Марина – друг за другом поднялись по каменной лестнице на второй этаж и равномерно разошлись по балконной галерее. Отсчитывая про себя определённое количество шагов от входа, они встали по окружности на свои места в арочных сводах и стали видны остальным участникам представления, оставшимся внизу. Шесть девушек – Лиза, Алевтина, Варвара, Софья, Злата и Лариса также отсчитали каждая свои шаги, начиная от входа в Кувуклию, и встали спинами к её центру на некотором расстоянии, образуя круг. При этом получилось так, что ни один человек с верхнего яруса не стоял напротив человека у часовни, и если бы их можно было соединить поочерёдно воображаемой линией, то образовалась бы объёмная шестиконечная звезда с лучами, исходящими от Кувуклии и заканчивающимися на балконной галерее. Последний ночной посетитель, а вернее – первый из них, Иннокентий, подошёл к металлической конструкции, оставшейся после ремонтных работ у стены часовни, и забрался по ней на крышу Кувуклии. Перед ним открылась небольшая каменная площадка с двумя прямыми углами, заканчивающаяся полукругом и ограниченная балюстрадой, и в центре этой полуокружности возвышалась в три челове-

ческих роста башня с колоннами, покрытая куполом. Кеша вошёл под купол башни, сел на середину, достал хрустальную пирамидку и, взяв её в руки, смиренно опустил голову в ожидании.

Несколько минут ночные гости стояли в молчании, слушая тишину и наблюдая игру света на стенах от пламени лампад и свечей. Наконец, они услышали возрастающий гул, раздававшийся со всех сторон, который то усиливался, то ослабевал, пока наконец не превратился в разноголосое рычание, как будто невидимые звери всех мастей проникли в Храм и приготовились к нападению. Постепенно то тут, то там в воздухе стали появляться очертания невиданных существ – то с огромными витыми рогами, то с ослиными ушами, то с длинными хоботами, хвостами, копытами и крыльями, но образы эти были нестабильны и сразу же исчезали, уступая место друг другу. Становилось страшно, но участники дьявольского шоу старались не смотреть вокруг себя, направив взгляды в пустоту собственного внутреннего пространства. Перед Иннокентием откуда-то из воздуха соткался и выпрыгнул длинноносый карлик с большими ушами и в красном колпаке. Он подошёл к башне с колоннами, за которыми сидел Кеша, и попытался войти внутрь, но не смог, отчего разозлился и яростно затопал. Вдруг, откуда не возьмись, в ротонду на разгорячённом белом коне влетела Полина с развевающимися светлыми локонами. Одета в облегающий чёрный костюм с кружевным воротником, она вско-

чила на седло и одним махом запрыгнула на крышу Кувуклии. Ангел выхватила из ножен на поясе сверкающую шпагу и без жалости пронзила ей тело гневного карлика. Тот вскинул короткими ручонками и замертво упал на каменный пол, разлив под собой лужицу крови, но уже через несколько секунд от этого мрачного зрелища не осталось и следа – карлик растаял в воздухе также быстро, как и появился. Полина осмотрелась вокруг, оглядев соратников Вилиала на балконе и внизу, неприятно улыбнулась, подняла шпагу вверх и неожиданно взмыла в воздух под самый купол ротонды. Там она и застыла в неподвижности, не обращая внимание на продолжавших появляться и исчезать то здесь, то там чертей и бесов.

Не спеша, чеканя каждый шаг, в лёгкой задумчивости в зале появился Вилиал. Он был одет в потёртый бурый камзол с большим отворотом, украшенный позолоченными пуговицами, такого же цвета штаны и высокие чёрные ботфорты с серебряными пряжками. На его широком кожаном поясе свисала огромная шпага с рукоятью из чёрного дерева, на клинке которой были выгравированы шестиконечная звезда и несколько пентаграмм, а руки демона были скрещены за спиной. Эта шпага была тем самым загадочным предметом, который с опаской лицезрели у заброшенного дома пять необузданных женщин, и которым демон угрожал разом решить все их проблемы. Подойдя ко входу в Кувуклию, демон медленно поднялся в воздух и взошёл на её крышу. Полина,

завидев Вилиала на крыше часовни, камнем с неба спустилась вниз и встала между ним и Иннокентием.

– Тебе не удастся сотворить зло, – сказала она демону и протянула в его направлении шпагу.

– От меня уже ничего не зависит, я лишь наблюдатель, – спокойно и мягко ответил Вилиал и уверенно отвёл рукой её клинок.

Как бы в подтверждение его слов за спиной у Полины вспыхнуло голубое сияние, осветившее крышу часовни. Она обернулась и увидела, как небесного цвета огонь исходит из хрустальной пирамидки в руках изумлённого Кеши. В этот момент все присутствующие на балконе и возле Кувуклии люди достали по такой же пирамидке и протянули их впереди себя. От каждой хрустальной фигурки вышло по два синих луча, они соединились попарно и образовали видимую шестиконечную звезду, которую заблаговременно сформировали своим расположением подопечные Вилиала. На лучах звезды вспыхнуло лазурное пламя и ещё сильнее озарило вокруг себя ротонду и часовню. И тут из под самого купола Храма Воскресения Христова заструился вниз мягкий голубой столб света, переливаясь искрами и отблесками спустился до крыши часовни и застыл, поражая всех присутствующих своим волшебством и красотой.

– Как видишь, чудо Благодатного огня свершилось, тебе не о чем беспокоиться, – улыбнулся Вилиал Полине.

– Но огонь должен был спуститься не сейчас! – закричала

она.

– Ну, я решил перестраховаться, что в этом плохого? Вам, ангелам, не угодишь.

– Ты вызвал божественный огонь своими дьявольскими заклинаниями ночью для того, чтобы люди не увидели его утром? Так вот в чём был твой замысел?! Ты решил повергнуть в панику всех православных христиан, посеять смуту и вражду с католиками, внушить страх перед концом света и разрушить веру? Так вот чего стоишь ты и твои громкие слова, которыми ты обманул бедных грешников и заставил их участвовать в твоём дьявольском представлении?!

Вилиал смотрел на разгорячённую гневом Полину и не мог налюбоваться. Её лицо покраснело от волнения, щёки пылали, глаза метали искры, густые локоны были наэлектризованы и развевались в разные стороны. В этот момент она снова направила свою шпагу в грудь демона, но её клинок дрожал и не решался ринуться вперёд.

– Они сдали тебя.

– Кто? – переспросила ангел, не ожидая такого поворота.

– Светлые. Я только что виделся с Гавриилом, он дал согласие на твоё уничтожение.

– Этого не может быть! Потому, что я не справилась? Но я могу всё исправить!

– Конечно, я знаю. Мы оба сможем это сделать.

– Оба?

– Они сдали тебя в обмен на моё обещание не нарушать

церемонию Благодатного огня.

– Твоё обещание? Но ведь ты хочешь вернуться обратно!
Зачем тебе это?

– Я люблю тебя.

Рука Полины задрожала ещё сильнее и она опустила шпагу. Они стояли с Вилиалом под столбом переливающегося небесного света и смотрели друг на друга, боясь моргнуть и пошевелиться. Гнев ангела развеялся, волосы легли на плечи, взгляд стал печальным, но румянец так и не сошёл с её лица. Вдруг из щелей между камнями на крыше Кувуклии один за другим вылезли и поднялись в воздух те самые розовый слоник, синий крокодильчик и зелёная птичка, которых нарисовала на бумаге в своей квартире маленькая Полина, и которым так удивилась её мама, потерявшая сознание и очнувшаяся в Запределе. Цветные рисунки подлетели к ангелу и сели на её плечи – птичка начала беззаботно чистить свой клювик, слоник весело поднял вверх хоботок, а крокодильчик сел на задние лапы и захлопал в ладоши. Вилиал был сам удивлён их появлению, но всё же перевёл свой взгляд на лицо Полины.

– Знаешь, зачем они тебя послали? Теперь я могу сказать тебе правду. Твои хозяева знали, что только ты сможешь убить меня. Погибнув насильственной смертью, я попаду к ним, как мученик, и там они решат принять меня. Им это выгодно, а назад у бывшего демона пути нет. А поскольку погибший от руки ангела не может считаться мучеником, они

сделали тебя человеком, заставив пройти нелёгкий путь по поверхности Земли.

– Я не смогу убить тебя. Я тоже люблю тебя...

Вилиал приблизился к Полине, нежно взял её за руки и легонько поцеловал в губы. Девушка в смущении опустила глаза, и он продолжил:

– Я не хочу назад, тот мир стал для меня чужим. Став человеком, я лучше узнал людей, постиг их душу и увидел тот тяжёлый путь, который им всем суждено пройти. Я понял, что мы были неправы по отношению к ним. Но я не хочу возвращаться и в ваш Небесный мир, потому что тоже был там, пока не упал вниз, а любой шаг назад это признание поражения. Ни ад, ни рай уже никогда не будут для меня такими, как прежде. К тому же, моё обращение в ангела вызовет небывалую смуту и новую смертельную битву, в которой канут в Небытие тысячи ангелов и бесов, архангелов и демонов.

– Так что же нам теперь делать?! – Полина смотрела в глаза Вилиалу, и по её щекам стекали слёзы. Демон улыбнулся, вытер слёзы кончиками пальцев и ещё раз легко поцеловал девушку.

– Мы уйдём вместе. Согласна ли ты довериться мне?

– Да! – с этими словами девушка сама потянулась к Вилиалу и, обняв за шею, крепко поцеловала его в губы.

Огромная шестиконечная звезда всё ещё продолжала полыхать лазурным пламенем, а пирамида в руках Иннокентия

излучать небесный свет, когда Вилиал поднял свою шпагу вверх и крест на крест расчертил ей воздух. В тот же миг нисходящее с купола ротонды голубое сияние поднялось вверх и исчезло, но всякая нежить, черти и бесы, до этого момента безуспешно пытавшиеся вырваться из потустороннего мира, стали проникать в эту реальность. Оказавшись внутри Храма, они бросались к часовне и забирались по её стенам, стремясь наброситься на Вилиала и Полину. Бывшие ангел и демон, которые ещё недавно казались друг другу врагами, встали спиной к спине и направили свои шпаги на нападавшую нечисть. Магические клинки уничтожали злобных астральных существ, лишь только оказывались направленными в их сторону, но поток чертей не иссякал. Шесть девушек внизу Кувуклии мужественно не сходили с места, держа в вытянутых руках сверкающие пирамиды, но нежить их как будто не замечала, направив все свои силы против Вилиала.

– Что нам делать? Когда это закончится?! – закричала Полина сквозь рёв диких зверей, отражая их атаки.

Вилиал посмотрел сквозь полукруглый купол ротонды на небо, победоносно улыбнулся и крикнул:

– Всё!!!

В тот же миг стоящие и держащие свои пирамидки на балконной галерее Храма Фёдор, Прохор, Лёня, Владлен и Студент увидели, как Кувуклия сотряслась в воздухе, её изображение исказилось, подёрнулось дымкой, как мираж, на миг исчезло и появилось снова. Но теперь уже не было никаких

чертей и бесов, атакующих часовню, исчезли лучи, соединявшие двенадцать хрустальных пирамид, и исчезли сами Полина и Вилиал, словно растворившись в воздухе.

– Я свободен! – кричал радостный Иннокентий, прыгая по крыше Кувуклии.

– Это невероятно! Я видел это! Они существуют! – воскликнул Студент и бросился по каменным ступеням вниз Храма. Он хватал стены часовни руками и, казалось, не мог поверить в их существование.

– Вы видели это? – он восхищённо повернулся к спустившимся вслед за ним друзьям и оставшимся внизу женщинам. – Мы только что стали свидетелями невероятного научного события! Это были гравитационные волны! Они сместили пространство и время!

– Но откуда они взялись? – недоуменно спросил Игрок.

– Это Вилиал, – ответил за Студента сошедший из башни Кеша. – Он рассказал, как планирует избавить меня от карусели времени. Вилиал с помощью магических заклинаний и пассов придавал ускорение и вращение большому метеориту, изменил его направление и толкнул с другим метеоритом...

– Да, – продолжил Студент, – эти два метеорита только что столкнулись недалеко от Земли! Любые двигающиеся ускоренные массы создают гравитационную волну, и образовавшаяся при мощнейшем взрыве двух космических тел волна своей максимальной амплитудой оказалась направлена в эту часовню, и она искривила ткань пространства и времени! Та-

ким образом, демон с ангелом переместились в параллельный мир!

Лёня понимающе закивал головой:

– Вилиал называл его Запределом.

Глава 48. Финал.

Я закончил перечитывать записи в своём дневнике, открыл чистую страницу, взял ручку и приступил к написанию последней главы – той, которую только что увидел в своём последнем сновидении...

Полина стояла на стене замка, подставив лицо лёгкому ветру, и смотрела вдаль. Справа от неё далеко за горизонт простирались заливные луга и зелёные рощи лесов, а слева открывался волшебный вид на огромное поле с миллионами удивительных цветов. Девушка сразу узнала это поле – именно на нём она впервые встретила того молодого человека, который был фантомом злого демона в другом мире...

– Всем цветам снятся сны, что они – люди. Мы лишь цветы на огромном лугу жизни, и мы грезим....

С этими словами Вилиал подошёл сзади к Полине и нежно обнял её, уткнувшись носом в тонкую шею.

– Даже демоны? – улыбнулась она.

– Давай забудем про ангелов и демонов. В этом мире есть лишь я и ты. На самом деле, человек способен прожить несколько жизней за один раз, и главное умение при этом – не смешивать их и предоставить самим себе.

– Мы останемся здесь навсегда?

– Надолго... очень надолго. Возможно, что навсегда. Пар-

тия, которую играют чёрные и белые, рискует не закончиться никогда. Мы с тобой – отыгранные фишки, о которых скоро все забудут. Но не это ли настоящая свобода, настоящее счастье?!

– Мы будем здесь только вдвоём?

– Всё будет так, как захочешь ты! Один миг – и наш дворец окажется полным празднеств и веселья, придворных дам и знатных вельмож. Раз! И вокруг нет никого, только щебет птиц и журчание ручьёв, лёгкий полёт облаков и колыхание высокой травы. Два! И мы скачем на резвых лошадях вдогонку цыганскому табору. Три! И мы лежим в тёплой постели в крепких объятьях друг друга. Кстати, хорошая идея...

Полина засмеялась.

– Полегче на поворотах, демон! Я ещё не отошла от мысли, что я ангел, и мне всё ещё немножечко хочется тебя убить!

– О, я счёл бы за огромное счастье умереть от столь нежной и аппетитной девушки!

Спустя некоторое время Вилиал и Полина спустились со стен древнего замка и вошли во дворец, где к их прибытию уже было всё готово. Старый верный слуга Густав, которого Вилиал попросил навести здесь порядок, справился со своей задачей на отлично. При входе влюблённую пару встретили “на караул” бравые стражи, в коридоре в два ряда их приветствовала чистая и выглаженная прислуга, а музыканты на втором этаже играли попури из лёгких вальсов. Вой-

дя в тронную залу, Полина и Вилиал увидели заставленный яствами большой круглый стол и несколько пышно разодетых пар, призванных создать уютную компанию.

Однако, за стол никто садиться не спешил, все замерли в немом ожидании, и наконец в зал вошёл священник. Это был тот самый батюшка, которого демон в первый же момент своего появления на земле решил убрать со своей дороги как свидетеля. Вилиал подошёл к священнику и прилюдно и громогласно извинился перед ним за содеянное. Батюшка глубоко кивнул и сказал пару фраз в ответ, что перед ним теперь совсем другой человек, который не нуждается в его прощении. После этого он провёл короткую церемонию, которая завершилась вопросом, по доброй ли воле заключают брачный союз молодые. Грозно покосившись друг на друга, Полина и Вилиал рассмеялись, ответили “Да!” и жадно отхлебнули из золотой чаши с вином по большому глотку. После этой сокращённой ввиду необычности пары символической церемонии гости радостно поздравили новобрачных и бросились к столу. Стол для прислуги поставили тут же рядом, ибо никто особо этикетом не заморачивался, и потому вечер удался на славу – с песнями, плясками, битой посудой и признаниями в вечной любви и дружбе.

И лишь на короткое время скрылась от этой шумной компании главная виновница торжества – ещё недавно бывшая ангелом прекрасная девушка Полина. Оглянувшись с опаской, она достала откуда-то из стены мятую записку, перечи-

тала её, засмеялась, поцеловала, разорвала на мелкие кусочки и развеяла по ветру. Её желание, спрятанное не так давно в Иерусалимской Стене Плача, накануне решающих событий, исполнилось, но никто и никогда не должен был узнать содержание этой записки! Даже Он!

Вот так и закончилась эта удивительная история. История о любви и ненависти, добре и зле, отчаянии и вере. История о том, что граница между этими понятиями тонка и размыта так же, как и граница между двумя параллельными мирами – сном и реальностью. Никто из нас не знает, когда же мы спим на самом деле – ночью, отдавшись волнам воображения и мечты, или днём, вращаясь в кругу семьи, друзей и работы. Никто не знает из нас, какие поступки мы совершаем – хорошие или плохие, добрые или злые, ибо любой поступок способен повернуться к нам и той, и другой стороной. Столь удивителен и необычен путь простого человека, которому завидуют даже высшие существа – демоны и ангелы, и этой жизнью мы должны дорожить как самым ценным, что у нас есть. Ведь самое главное, что нужно сделать в этой жизни, несмотря на все её преграды и невзгоды – это остаться или стать Человеком.

Послесловие.

Автор благодарит Читателя за его внимание и за то время, которое он уделил прочтению этой книги. Уверен, даже те из вас, кому роман «Тёмный свет. Сны о чём-то большем...» не понравился, получили от него весьма ценную и необходимую информацию.

Автор искренне убеждён в том, что его произведение не задело ни благоразумных чувств верующих, ни тонкую душевную организацию служительниц феминизма, ни суровый нрав адептов чёрной магии.

Единственная цель, которую преследовал автор при написании своего романа – это посеять в сердцах многоуважаемых читателей семена терпимости, мудрости, душевной теплоты, осознанности и любви.

Спасибо тебе, Читатель!